1149/687

И49
687
А

В ШАХТЕРСКОЙ СЕМЬЕ

СТАЛИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1949

И49
687

В ШАХТЕРСКОЙ СЕМЬЕ

ПОСВЯЩАЕТСЯ УЧАЩИМСЯ ШКОЛ ФЗО
И МОЛОДЫМ ШАХТЕРАМ ДОНБАССА

СТАЛИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1949

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
1000304

М. ИГНАТОВ

СТАЛИНСКИЕ ПЯТИЛЕТКИ ПРЕОБРАЗИЛИ ДОНБАСС

Всесоюзная кочегарка! Так называют в нашей стране Донецкий бассейн.

Величественна и непередаваемо красива панорама Донбасса. Всюду, куда ни взгляни, возвышаются островерхие шапки больших терриконов, ажурные вышки копров, железобетонные здания шахт. В зелени садов и парков утопают шахтерские города и поселки. Мчатся составы по железнодорожным магистралям. В Москву, Ленинград, Киев, Ростов, Севастополь... Мчатся составы с донецким углем.

Ни на минуту не замирает жизнь на шахтах Донбасса. И днем и ночью неиссякаемым потоком идет на-гора черное золото.

Ревут в забоях моторы комбайнов и врубовок, гремят транспортеры и конвейеры, быстро проносятся по откаточным штрекам электровозы.

Каждый день десятки тысяч шахтеров спускаются под землю. Там, в забоях угольных шахт, идет большое трудовое наступление. Донецкие шахтеры дали слово своему любимому вождю товарищу Сталину выполнить план новой пятилетки в четыре года. Шахтерское слово — крепкое слово. Десятки шахт, тысячи рабочих уже освоили уровень производства, который запланирован на 1950 год.

Мощная, самая современная техника, созданная советскими конструкторами, пришла на помощь горняку.

Пройдите по штрекам, прислушайтесь к лавам,
Где врубы, как танки, ревут...
Донбассовцы уголь рубают на славу,
Донбассовцы знатно живут!

Так описал сегодняшний Донбасс шахтерский поэт Павел Беспощадный.

* * *

Неузнаваемо преобразился Донбасс за годы сталинских пятилеток. Изменилось лицо донецких шахт, изменился облик труда донецкого шахтера.

Писатель В. В. Вересаев в своей книге «Подземное царство» ярко нарисовал картину старой, капиталистической шахты. Нельзя без волнения читать эти строки:

«Идешь, низко согнувшись, — спину ломит, колени дрожат... приходится ползти по норе, высотой в три четверти аршина... Попробуешь двигаться на четвереньках,—невыносимо больно бьешься спиной о шероховатый свод; начнешь ползти,—рассеянные на пути камни дерут колени и руки. Впереди опять мелькнул свет. Мы прижались к стенам; по проходу быстро, как кошка, прополз на четвереньках рабочий, таща за собой на веревке нагруженные углем санки. Это — «саночник», всю двенадцатичасовую упряжку он ползает взад и вперед по норе в двадцать пять сажен длины, отвозя на себе уголь из лавы в продольную, где вагонщики нагружают этот уголь в вагончики; человек обращается в четвероногое...»

Таким был труд горняка в старом, дореволюционном Донбассе.

Макеевские старожилы помнят: до революции на шахту «София» были присланы два бензиновоза. Но их так и не спустили под землю. Зачем? Ручной труд шахтера-откатчика вполне устраивал управление франко-русского общества «Унион». За 12—14 часов непосильного труда откатчику платили гроши. Тысячи безработных толпились у ворот каждой шахты. Можно обойтись и без механизмов, без машин.

В 1913 году в Донбассе имелось 28 врубовых машин, а в забоях работало всего пять. Обушок, лопата, да санки — вот чем был вооружен шахтер до революции. Шахты-мышеловки выдавали считанные тонны угля. В Донбассе насчитывалось 1200 шахт. Но большинство их было оборудовано конными приводами и воротками. Среднесуточная добыча шахты не превышала 70 тонн. Самая крупная шахта «Западная» давала в сутки 200 тонн угля.

Благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции народ вымел из Донбасса иностранных предпринимателей. Но, оставляя богатый угольный край, капиталисты взорвали, затопили, уничтожили все шахты.

В 1920 году на первом с'езде горнорабочих Владимир Ильич Ленин говорил: «Уголь — это настоящий хлеб промышленности, без этого хлеба промышленность бездействует, без этого хлеба железнодорожный транспорт осужден на самое жалкое положение и никоим образом не может быть восстановлен...»

Молодая советская страна прилагает все силы для быстрейшего возрождения угольной промышленности Донбасса. Великий Сталин создает трудовую армию для восстановления Донецкого бассейна.

Одна за другой вступают в строй шахты. Все больше и больше угля идет на-гора. В 1927 году, наконец, завершено восстановление угольной промышленности Всесоюзной кочегарки. На шахтах появились врубовки, конвейеры, отбойные молотки.

XVI конференция ВКП(б) в апреле 1929 года утверждает первый пятилетний план развития народного хозяйства страны. Большое место в нем отведено Донбассу. В течение пяти лет добыча угля в Донецком бассейне должна была возрасти на 60 процентов. Для того, чтобы достигнуть такого прироста, пятилетний план предусматривал осуществление грандиозной программы механизации. Машины и механизмы должны были облегчить труд горняка и сделать его более производительным.

Для того, чтобы помочь шахтерам успешно выполнить эту задачу, Центральный Комитет ВКП(б) направляет в Донбасс специальную комиссию во главе с Вяче-

славом Михайловичем Молотовым. Комиссия определяет пути превращения обушкового Донбасса в Донбасс с большевистски несокрушимой механизированной базой.

Машиностроительные заводы страны приступают к оснащению угольной промышленности машинами, которые должны были вытеснить из забоев ручной труд человека. Горловский завод имени Кирова налаживает массовый выпуск первых советских врубовок, ленинградский завод «Пневматика» разворачивает производство отбойных молотков, харьковский завод «Свет шахтера» направляет в Донбасс конвейеры, аккумуляторные лампы и другое оборудование.

Макеевский врубмашинист Филимонов, горловский забойщик Никита Изотов, мастера угля Гришин, Жуков, Тельных первыми показали, что может дать техника в опытных руках. На шахтах создаются изотовские школы по изучению врубовок, отбойных молотков, электровозов и конвейеров. На шахтах создается широкая курсовая сеть технического обучения.

Несмотря на противодействие врагов советского народа — троцкистов, бухаринцев и других отщепенцев, — механизированная добыча угля на шахтах растет с каждым днем.

Уже в годы первой сталинской пятилетки на шахтах исчезли многие профессии изнурительного ручного труда. На свалку были выброшены санки; их место заняли скреперы и усовершенствованные конвейеры. Обушок из основного инструмента шахтера превратился во вспомогательный. Уголь в забоях подрубывался врубовками и вырубывался отбойными молотками. Непрерывно повышался процент механизированной откатки, все реже и реже слышался в штреках свист коногона.

К концу пятилетки в шахтах Донбасса работало более 100 врубовых машин и несколько тысяч отбойных молотков. Шахтеры успешно выполнили свою пятилетнюю программу. Добыча угля с 25 миллионов тонн в 1913 году возросла до 60 миллионов тонн в 1934 году.

В историческом постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 апреля 1933 года было отмечено, что «...шахта превратилась уже в настоящий завод со сложными механизмами».

Вторая сталинская пятилетка подняла Донбасс на новую, еще более высокую ступень механизации. Теперь перед шахтерами стояла задача: использовать до дна всю технику. На выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года товарищ Сталин провозгласил: «Кадры решают все». «Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, — говорил товарищ Сталин, — нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства. Техника без людей, овладевших техникой, — мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса».

Большевики Донбасса приступили к осуществлению указаний товарища Сталина.

В августовскую ночь 1935 года на кадиевской шахте «Центральная-Ирмино» простой забойщик Алексей Стаханов показал, что может дать техника в опытных, умелых руках. В течение смены он вырубил 102 тонны угля, во много раз превысив обычную производительность забойщика.

Удары отбойного молотка Алексея Стаханова могучим эхом разнеслись по всему Донбассу, донеслись до самых отдаленных уголков нашей страны. Тысячи последователей Алексея Стаханова творили чудеса на шахтах Донбасса.

Макеевский врубмашинист Леонид Долгополов поднимает выработку до небывалого уровня: он подрубывает в месяц до 15 тысяч тонн угля. Горловские забойщики Артюхов, Степаненко, Ермачек, Изотов в десятки раз перекрывают обычную производительность. В 1936 году Никита Изотов на шахте «Кочегарка» поднимает свою выработку до 621 тонны. По 500—600 тонн угля в смену вырубывают такие стахановцы, как тт. Пузанков, Степаненко, Рябошапка, Артюхов.

Товарищ Сталин дал высокую оценку стахановскому движению. На первом Всесоюзном совещании стахановцев в ноябре 1935 года великий вождь говорил о нем: «Это движение ломает старые взгляды на технику, ломает старые технические нормы, старые проектные мощности, старые производственные планы и требует

создания новых, более высоких технических норм, проектных мощностей, производственных планов. Оно призвано произвести в нашей промышленности революцию. Именно поэтому, оно, стахановское движение, является в основе своей глубоко революционным».

Стахановское движение дало большой толчок дальнейшему росту производительности труда горняков. В течение тринадцати лет—с 1927 года по 1940—выработка каждого рабочего увеличилась в два с половиной раза.

XVIII с'езд ВКП(б) начертал перед работниками угольной промышленности новую, величественную программу. Партия поставила задачу в третьей сталинской пятилетке:

«Завершить комплексную механизацию добычи угля во всех угольных районах страны и организовать добычу угля на основе внедрения во всех угольных районах страны графика цикличной работы — основы стахановской производительности труда шахтеров».

С большим под'емом приступили большевики Донбасса к претворению в жизнь новых сталинских планов. В начале 1941 года на шахтах Донбасса механизация зарубки угля достигла 87,7 процента, доставки угля — 94,4 процента, откатки — 85,8 процента. Под землей на донецких шахтах работало более 2.600 врубовых машин, 13.000 отбойных и бурильных молотков, 6.200 конвейеров, 1.300 электровозов.

Но мирный созидательный труд донецких шахтеров был прерван вероломным нападением фашистской Германии. В Донбасс ворвались немецкие захватчики. Они жадно тянулись к донецкому топливу, но не могли его взять. Все оборудование было эвакуировано на восток, десятки тысяч шахтеров эвакуировались в Кузбасс, Караганду, на Урал. Немцам приходилось ввозить уголь для нужд своей армии из далекого Рурского бассейна.

Отступая под могучими ударами Советской Армии, фашисты в бессильной ярости превратили в пепелища этот цветущий край страны.

Но восстановители Донбасса должны были не только откачать воду, но и восстановить горные выработки, сотни копров, под'емных машин, миллионы кубиче-

ских метров промышленных сооружений, сожженные города и шахтерские поселки.

Никогда никому еще не приходилось решать столь сложной задачи. Мировая история промышленности не знает подобных примеров восстановительных работ.

Империалисты надеялись, что восстановление Донбасса затянется на целые десятилетия. Они помнили, как после первой мировой войны восстанавливался французский бассейн Па-де-Кале. Только через десять лет он освоил свой довоенный уровень. А ведь размеры разрушений в Па-де-Кале были в 6 раз меньшими, чем в Донбассе.

Но вся страна пришла на помощь шахтерам Донбасса.

План послевоенной сталинской пятилетки поставил перед большевиками Донбасса новую, грандиозную задачу: завершить восстановительные работы и не только освоить, но и превзойти довоенный уровень добычи угля.

Тысячи научных работников, конструкторов, инженеров приступили к разработке таких механизмов, которых не знал довоенный Донбасс. Сотни заводов Москвы, Ленинграда, Украины, Урала направляли в Донбасс самое совершенное оборудование: машины и механизмы. Это дало возможность в невиданных масштабах развернуть восстановительные работы.

Одной из волнующих страниц в истории восстановления Донбасса является возрождение Горловско-Енакиевской группы шахт. Пять крупнейших шахт этого района разрабатывали до войны десятки угольных пластов. Из них предстояло откачать 20 миллионов кубометров воды, не считая колоссального притока подземных вод.

Нужно было восстановить большое количество надшахтных сооружений, горных выработок и рабочих жилищ. Но прошел год, и эта техническая задача огромной трудности была решена успешно. Подобные примеры встречались в каждом районе, в каждом тресте.

Осуществляя план послевоенной сталинской пятилетки, горняки Донбасса восстанавливали шахты на новой технической основе. И теперь шахтеры вплотную подошли к решению сложной задачи комплексной ме-

ханизации шахт. Уровень механизации зарубки в конце 1949 года достиг 91,7 процента, доставки угля — 98 процентов и откатки — 97,4 процента.

Большевики Донбасса борются за быстрейшее осуществление решений XVI с'езда КП(б)У, который потребовал от партийных организаций обеспечить: «...широкое внедрение комплексной механизации производства, особенно трудоемких процессов, внедрение новой техники, передовой технологии и поточных методов производства».

Советские конструкторы создали такие машины и механизмы, которых не знает вся угольная промышленность мира. Угольные комбайны и угольные струги, породопогрузочные и горнопроходческие машины, новые мощные электровозы и транспортеры, десятки других машин и механизмов призваны завершить комплексную механизацию шахт.

В Донбассе уже есть шахты, где полностью осуществлена механизация добычи угля в забоях. На чистяковской шахте № 3-бис уже не стало навалоотбойщиков. Во всех лавах работают комбайны. Непрерывно растет процент комбайновой добычи угля и на других шахтах. Трест «Чистяковантрацит» уже выдает 21 процент всего угля без помощи навалоотбойщиков. Более половины угля добывается комбайнами на таких шахтах, как № 29 имени Сталина, «Ново-Мушкетово», «Красная звезда» и многих других. Десятки комбайнов работают на шахтах Донбасса. Многие километры горных выработок закреплены железобетоном и металлическими стойками.

Но не только комбайны, струги, породопогрузочные машины пришли на помощь горняку. На многих шахтах по подземным магистралям пошли «подземные трамваи», многие выработки освещены люминесцентными лампами, или, как их называют шахтеры, — лампами дневного света; под землей появилась радиосвязь, расширяется телефонная связь, внедряется автоблокировка.

И как в годы первых сталинских пятилеток, так и в новой послевоенной пятилетке шахтеры борются за то, чтобы досрочно выполнить грандиозные предначертания любимого вождя товарища Сталина.

В 1948 году горловский забойщик Александр Тюренков и енакиевский забойщик Иван Валигура, применив новую организацию труда в забое, подняли знамя борьбы за дальнейшее увеличение производительности горняков.

А в 1949 году, когда на шахты поступили первые комбайны «Донбасс», снежнянский водитель комбайна Василий Воропаев и рутченковский машинист Петр Амелин призвали всех горняков развернуть социалистическое соревнование за быстрейшее освоение новой техники. На их призыв откликнулся многотысячный отряд механизаторов.

И уже в августе чистяковские водители комбайна тт. Ходаковский, Матвиенко и Кучеров довели производительность своей машины до 12.000 тонн, а горловский проходчик Никита Рулев проходит до 100 метров горных выработок с помощью породопогрузочной машины.

Начальник участка № 2 шахты № 29 имени Сталина треста «Рутченковуголь» Алексей Бочарников применил в своей комбайновой лаве новый сквозной график, который открывает перед всеми шахтерами большие возможности для дальнейшего роста производительности всех механизмов.

Ни одна страна мира не знает таких темпов развития угольной промышленности, такого высокого уровня механизации, как Советский Союз. Соединенным Штатам Америки понадобилось сорок лет для того, чтобы пройти тот путь технического развития, который был пройден в Донбассе только с 1926 по 1933 год. Теперь угольная промышленность США далеко отстала от нашей по уровню своей технической оснащенности. Вот что рассказывает донецкий инженер Барабанов об этой пресловутой Америке, которую ему пришлось посетить:

«Каково было мое удивление, когда, остановив машину возле одного американского шахтерского поселка, я увидел небольшой примитивный копер, от которого тощая кляча тянула... деревянные вагонетки с углем. Сам поселок был нагромождением прилепившихся друг

к другу хибарок, сколоченных из ящиков и покрытых ржавыми листами железа».

В Америке еще и сейчас есть шесть тысяч шахт, где все работы, начиная от бурения шпуров и кончая откаткой угля, производятся вручную.

У нас в Советском Союзе нет ни таких шахт, ни таких шахтерских поселков!

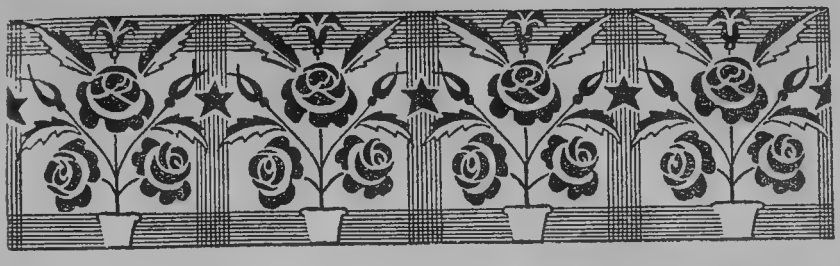
Сталинские пятилетки не только преобразили облик донецких шахт и облегчили труд горняка. Сталинские пятилетки изменили условия жизни донецких шахтеров.

Перед войной жилой фонд угольной промышленности Донбасса в четыре с половиной раза превысил жилой фонд дореволюционного Донбасса. Здесь имелось 25 Дворцов культуры, 286 клубов, 170 парков, около 400 детских садиков и яслей.

Во время оккупации все это было разрушено. Но вновь расцвели шахтерские города. Только на шахтах Сталинской области сейчас насчитывается 170 клубов и дворцов культуры, работает свыше 120 стационарных киноустановок, 21 спортивный стадион, 67 радиоузлов, 165 библиотек. В 1948 году на улучшение условий труда шахтеров Сталинской области израсходовано 66.300 тысяч рублей. В области уже восстановлено 1,2 миллиона квадратных метров жилой площади, 8.877 горняков получили кредиты на индивидуальное жилищное строительство.

Из месяца в месяц растет заработная плата шахтеров. В прошлом году шахтерам комбината «Сталинуголь» было выплачено вознаграждений за долголетнюю работу 106.502 тысячи рублей, а шахтерам комбината «Артемуголь» — 53 миллиона рублей. Десятки миллионов рублей выплачиваются ежегодно мастерам угля в виде надбавки за стахановский труд.

Неузнаваемо преобразилось лицо Донецкого бассейна за годы сталинских пятилеток. Великая Октябрьская социалистическая революция превратила труд горняка в дело чести, в дело славы, дело доблести и геройства, открыла неиссякаемый родник для проявления творческих возможностей шахтера.



С. ЗАДОНСКИЙ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДОНБАССА

Наш край по достоинству получил наименование индустриальной жемчужины Советской Украины. До Отечественной войны на донецком угле работала половина металлургических заводов страны, две трети паровозов и три четверти электростанций Советского Союза. Донбасс давал почти 60 процентов общесоюзной угледобычи и 75 процентов коксующихся углей.

22 месяца хозяйничали немцы в Донбассе. Они совершили бесчисленное количество попыток использовать его богатства для борьбы с героической Советской Армией. Но врагу не удалось покорить Донбасс. «Не раскрыла донбасская земля своих богатств перед немецкими захватчиками, не пошли в рабство шахтеры», — писали горняки Сталинской области в дни своего освобождения из фашистской неволи великому вождю товарищу Сталину:

«Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано!» —

писал в одном из своих стихотворений шахтерский поэт Павел Беспощадный.

В начале сентября 1943 года Советская Армия очистила Донбасс от немецко-фашистских захватчиков. 8 сентября 1943 года столица нашей Родины — Москва возвестила всей стране, что «войска Южного и Юго-

Западного фронтов отбили у немцев и вернули нашей Родине Донецкий бассейн — важнейший угольный и металлургический район страны». (Из приказа Верховного главнокомандующего И. Сталина).

Над Донбассом вновь взвилось алое знамя нашей победы.

Немецкие фашисты, отступая под ударами советских войск, дотла сожгли и разрушили донецкие шахты и заводы, затопили тысячекилометровые горные выработки. Под землей образовался подземный океан огромных размеров — 700 миллионов кубометров воды. Этой водой можно было бы наполнить канал глубиной в 10 и шириной в 30 метров, протяженностью от Черного до Белого моря.

Гитлеровские погромщики разрушили в Донбассе 314 основных и десятки шахт-новостроек, около 8 миллионов кубометров технических зданий и сооружений, 280 металлических шахтных копров и 515 под'емных машин. Более 2.800 километров горных выработок было завалено и затоплено. На многих шахтах вода заполнила все горизонты и через стволы и шурфы выходила на поверхность.

Все металлургические и машиностроительные заводы, электростанции и коксовые батареи были превращены в развалины, груды металла и кирпича. Жилой фонд Донбасса, превышавший 19 миллионов квадратных метров, был уничтожен более чем наполовину. Из огромной сети культурно-бытовых учреждений уцелело лишь 12 процентов. Никогда ни один угольный бассейн мира не претерпевал от войны таких разрушений, как наш родной Донбасс.

Не выдерживая сокрушительных ударов Советской Армии, немцы поспешно и варварски разрушали шахты и заводы Донбасса, они думали, что нам уже не восстановить нашу индустрию, не поднять из пепла и развалин Донецкий бассейн — гордость советских людей. Взрывая электростанции, шахты, заводы, фашисты надеялись, что они на десятилетия вывели Донбасс из строя и, тем самым, на многие годы подорвали и ослабили экономическую и военную мощь нашей Родины. Но гитлеровцы жестоко просчитались. Заодно с ними

просчитались и империалисты других стран. Их расчеты на ослабление нашей страны были построены на песке. Наоборот, наша Родина вышла из войны окрепшей и возмужавшей.

Восстановление Донбасса началось на второй день после бегства фашистов. Донецкий бассейн ни на один день не прекращал своего сражения с гитлеровцами и их пособниками. Ни одна страна в мире не может похвастаться таким пафосом восстановительных работ, с каким наш народ восстанавливал промышленность Донбасса.

«После изгнания немцев в освобожденных районах развернулась большая восстановительная работа. В этой работе Украина постоянно получала и получает неоценимую помощь Центрального Комитета ВКП(б), Союзного правительства и лично товарища Сталина, поддержку народов братских республик и прежде всего великого русского народа», — говорил товарищ Н. С. Хрущев в отчетном докладе XVI с'езду КП(б) Украины.

В восстановлении угольной, металлургической, машиностроительной, химической промышленности, транспорта и сельского хозяйства принимали участие не только трудящиеся Украины, но и всех братских советских республик. В условиях суровой блокады около ста предприятий Ленинграда работали на восстановление шахт, заводов и электростанций Сталинской и Ворошиловградской областей.

По зову большевистской партии и советского правительства первыми на затопленные шахты и разрушенные заводы и электростанции пришли донецкие шахтеры и их семьи. Основные шахтерские кадры были тогда в рядах Советской Армии, громившей фашистов на правобережной Украине и в Белоруссии, другие — на шахтах Кузбасса и Караганды. Их труд был также необходим для нашей победы. Они давали уголь — жизнь заводам, электростанциям и транспорту, работавшим на фронт.

Поэтому, не ожидая возвращения этих, основных кадров на шахты, старики, ранее ушедшие на пенсию, женщины, юноши и девушки, до того не работавшие в промышленности, стали в ряды восстановителей Донбас-

са. Одни из них стали плотниками и каменщиками, другие — камеронщиками, проходчиками и крепильщиками.

Бывшие пенсионеры — эта почетная шахтерская гвардия — стали во главе подготовки новых горняцких кадров из женщин и молодежи. Так, например, плотник шахты «Рудуч» Василий Белоножка за короткое время обучил своей профессии шестнадцать горняков. Крепильщик этой же шахты Иосиф Куриленко обучил креплению горных выработок десять девушек. Забойщик горловской шахты им. Ленина Иван Галкин уже в 1943 году предложил создать на каждой шахте ученические участки во главе с опытными горняками, напоминавшие стахановские школы, существовавшие тогда на промышленных предприятиях. Лично он организовал из молодежи забойщицкую бригаду и всех молодых горняков, вошедших в эту бригаду, обучил профессии забойщика.

На всех шахтах с большим интересом читали горняки письмо старого шахтера из «Кочегарки» Григория Сидорченко, напечатанное 8 декабря 1943 года выездной редакцией «Правды». Старый патриот писал:

«Снова свободен наш Донбасс, свободна родная Горловка. Гитлеровцы взорвали нашу «Кочегарку», но не таковы горловские шахтеры, чтобы опускать руки перед бедой. Шахту мы восстановим, снова спустимся в лавы и начнем так рубать уголек, что бойцы нам фронтовое спасибо скажут.

Но у нас, старых шахтеров, должна быть забота не только о том, чтобы восстановить шахты. Нам надо подумать и о кадрах. Забота моя — передать опыт и умение новым горнякам. Берусь я обучать молодежь, сделать из хлопцев и девушек хороших забойщиков.

Товарищи горняки, старые шахтеры, старые друзья мои! Не дадим померкнуть былой славе Горловки. В кратчайший срок восстановим шахты. Подготовим крепкие кадры забойщиков, крепильщиков, машинистов электровозов! Пусть каждый опытный шахтер обучит трех—четырех молодых горняков.

И тогда мы не только восстановим наши шахты после фашистского погрома, но и подготовим целую армию молодых шахтеров».

У Григория Сидорченко нашлось много последователей. На той же «Кочегарке» забойщики Петр Куварин и Петр Колесников взяли шефство над шестью молодыми работницами и в короткий срок передали им свой многолетний опыт.

Восстановление Донбасса было делом чести, славы и доблести донбассовцев. Все личное было отодвинуто на второй план. Шахтеры сами выдвинули «клич боевой: все, кто способен — спускайтесь в забой!». Вслед за стариками пришли на шахты женщины и девушки. Они решили не отставать от своих отцов, мужей и братьев. Каждый, кто способен держать в руках топор, лопату, принимал посильное участие в возрождении своего любимого края.

10 декабря 1943 г. в Горловке состоялся слет молодых горнячек. Участницы слета приняли обращение ко всем девушкам и женщинам Донбасса. Вот что они писали: «Дорогие подруги, девушки и женщины Донбасса! В сердце каждой из вас глубоко проникли мудрые слова товарища Сталина, сказанные им в канун XXVI годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Призыв вождя возродить жизнь в районе, где временно хозяйничали фашистские погромщики, особенно понятен и дорог нам, дочерям Донбасса, познавшим всю горечь немецкой неволи...

Скоро заводы, фабрики, транспорт снова будут работать на донецком угле... Пусть не болит у наших земляков сердце, что без них будут пустовать забои, что некому будет давать уголь на-гора. Мы, дочери и сестры потомственных донецких шахтеров, спустимся в шахты и станем на место старых горняков.

— Следуйте нашему примеру! Смелее идите, товарищи, на шахты!»

Участницы этого слета приняли обязательство подготовить за три месяца 200 лесогонов, 200 крепильщиков, 50 забойщиц, 40 машинистов электровозов и много других специалистов, необходимых для ведения восстановительных работ. Принятое обязательство было выполнено досрочно. Тысячи девушек и женщин стали не только восстановителями, но и спустились в глубокие

забои, чтобы давать стране и фронту доброкачественный донецкий уголь.

На VI сессии Верховного Совета УССР Никита Сергеевич Хрущев дал высокую оценку этому движению. «В Донбассе, — говорил он, — началось замечательное движение женщин за овладение профессией забойщика. Десятки и сотни женщин идут в шахты, чтобы дать стране больше угля, чтобы быстрее восстановить Донбасс».

Дочери освобожденного Донбасса Мария Гришутина, Нина Кузьменко, Груня Сидоренко, Зинаида Лагутина, а по их примеру и другие девушки Горловки спустились в шахты, чтобы овладевать трудной, но почетной профессией забойщика. В угольных забоях они систематически перевыполняли нормы, а в отдельные дни давали по 8—10 норм.

За первый месяц работы забойщицы шахты «Капитальная» Мария Пенова и Мария Липинская выполнили месячный план: первая — на 174 проц., вторая — на 155 проц. и получили звание мастеров угля в дни Отечественной войны.

Тамара Стукалова из шахты «Кондратьевка» проводила на фронт отца и братьев. Во время оккупации она тщательно скрывалась, зашив в рукав куртки комсомольский билет. Когда Советская Армия освободила «Кондратьевку», Тамара первой пришла на шахту, стала вагонщицей и организовала женскую бригаду. Ее бригада была лучшей на руднике. Но когда она услышала призыв «Девушки в забой!», пришла в комитет комсомола и заявила о своем желании взять в руки обушок. Молодая горнячка стала одной из лучших забойщиц на «Кондратьевке».

Замечательна история и другой девушки из Горловки — Марии Гришутиной. Забойщицкое ремесло она унаследовала от своего отца — Семена Федоровича Гришутина, одного из старейших горняков шахтерской Горловки. В новогоднем письме товарищу Сталину Мария вместе со своими подругами брала обязательство работать по-фронтовому. Свое обязательство она с честью выполнила. Под новый, 1944 год Мария Гришутина на шахте № 19—20 выполнила шесть сменных норм. Вчерашняя ученица рубала уголь, а крепил за ней ее отец

Семен Федорозич. Но прошел месяц, и Мария почти в два раза перекрыла свой рекорд. 30 января 1944 года она на этой же шахте нарубила за смену 40,6 тонны угля, выполнив задание на 1145 проц.

Успеху Гришутиной радовались все патриоты и патриотки Донбасса. Секретарь Сталинского обкома КП(б)У поздравил ее с победой, поэт написал о ней стихи:

Старый крепильщик с дочуркою шутит.
Шутки, баутки отца просты, —
Дочку родную Семен Гришутин
Учит, как надо рубать пласты,
Дочке наука отцова в руку,
Это во-первых, а, во-вторых,
Опередила дочка науку,
Уголь рубает за десятерых.

Мария Гришутина не бросила работу в забое даже после того, когда Советская Армия, разгромив немецких фашистов и японских империалистов, победоносно завершила Великую Отечественную войну. После войны она получила звание горного техника и несколько лет была начальником угольного участка, а сейчас инструктор учебного комбината шахты. Она обучает горняцким профессиям новые кадры шахтеров.

Попрежнему трудится на шахте и отец Марии — Семен Федорович, которому уже давно перевалило за 50. Но теперь он уже не крепильщик, а проходчик. Да и шахта стала не прежней: в выработках весело гудят новые машины. Все работы, связанные с выемкой угля, проходкой и транспортировкой, механизированы. В прошлом году Семен Федорович получил за выслугу лет 3000 рублей, а Мария — 1500 рублей. Ежемесячный заработок горняцкой семьи Гришутиных превышает пять тысяч рублей.

И таких горняцких семей в нашем родном Донбассе тысячи. Люди росли и возвышались вместе с шахтами, вместе со всем Донецким бассейном.

* * *

Немцы во время своего хозяйничания в Донбассе пытались восстанавливать шахты и заводы нашей области, они мечтали о создании «второго Рура на Востоке». Управляющие гитлеровским концерном «Герман

Геринг—Верке», агенты фирмы «Борзиг» и немецкий пушечный король Густав Крупп фон Болен унд Гальбах — все эти империалистические хищники, как шакалы, налетели в Донбасс, спеша разодрать его и разделить добычу. Ценнейшее оборудование они вывезли в Германию и одновременно хотели восстановить в Донбассе шахты и заводы. Но из этой затеи ничего не вышло. Донбасс не стал служить немцам. «Наш уголь не греет, а жжет врага»,—говорили донецкие шахтеры в мрачные дни оккупации.

За время оккупации немцы не смогли восстановить в Донбассе ни одной шахты, ни единой доменной и мартеновской печи. Немецкие захватчики спешили добраться до донецких пластов и пытались откачивать шахты. В числе первых, например, они решили откачать воду из шахты № 13 «Никополь-Мариупольская». Немецкие инженеры изготовили для этого специальные приспособления, но и эта затея им оказалась не по плечу. Несколько месяцев они откачивали воду, но не смогли справиться даже с текущим притоком воды, и дело кончилось тем, что они вынуждены были прекратить работы по откачке.

За такое же время сразу после освобождения Донбасса в результате самоотверженного и вдохновенного труда советских людей из 300 основных шахт около 100 были возрождены полностью, 54 — частично и 140 находились в частичном восстановлении. За 2 года было откачано 150 миллионов кубометров воды, восстановлено более 1 миллиона кубометров промышленных зданий и сооружений, восстановлено и вновь построено около 900 тысяч кв. метров жилой площади и других зданий.

За первые два года после освобождения Донбасс давал почти половину довоенной угледобычи.

После гражданской войны для достижения уровня добычи угля 1913 года нам потребовалось почти 10 лет. Теперь же разрушенный немцами Донбасс возрожден полностью за пять лет. Причем наши шахты не только восстановлены, но обновлены и реконструированы на базе новейшей техники. Приведем для сравнения и другой пример. Известно, что после первой мировой войны во французских шахтах воды было в шесть раз меньше, чем

скопилось ее в донецких шахтах за годы оккупации в эту войну. Тем не менее французы откачивали воду 10 лет. У нас же вся вода из шахт была откачана примерно за три года.

После гражданской войны нам потребовалось на восстановление черной металлургии Донбасса более 11 лет. Теперь в Донбассе восстановлены все металлургические заводы менее чем за пять лет. По многим видам продукции металлургические заводы области на действующих агрегатах освоили и превзошли довоенную производительность.

Большевистскими темпами шло восстановление всех отраслей хозяйства, науки и культуры нашей страны. Источники этих темпов наши люди черпали в указаниях нашего великого вождя и учителя товарища Сталина. «Нам необходимо,—говорил товарищ Сталин,— полностью ликвидировать последствия хозяйничания немцев в районах, освобожденных от немецкой оккупации. Мы можем и должны решить эту трудную задачу в короткий срок».

По призыву товарища Сталина Донбасс стал важнейшим трудовым фронтом. Советский социалистический строй, социалистическая система хозяйства, руководство партии Ленина—Сталина — неиссякаемые источники силы нашего народа. Не только донбассовцы, вся страна принимала участие в восстановлении Всесоюзной кочегарки. Советский народ по зову большевистской партии направил все свои усилия на то, чтобы как можно быстрее достигнуть и превзойти высокий довоенный уровень производства угля и металла, машин и сельскохозяйственной продукции.

Вся наша советская Родина восстанавливала Донбасс. С Урала и из Сибири, с Закавказья и Севера, из Казахстана и Поволжья шли сюда эшелоны с оборудованием, инструментом и продовольствием, обувью и текстилем, лесом и другими стройматериалами. Страна щедрой рукой слала в Донбасс все необходимое для восстановительных работ, для поднятия жизненного и культурного уровня трудящихся, вызволенных Советской Армией из немецкой оккупации. Наш народ знает, что быстро восстановленная донецкая индустрия

явится источником роста военного и экономического могущества советского государства.

Родина дала для восстановления Донбасса огромные средства.

В одном лишь 1944 году об'ем капитальных работ в Донбассе в 2,7 раза превысил об'ем капитального строительства 1940 года.

На заводах страны заказы Донбасса пользовались такой же популярностью, как и заказы фронта. Трудящиеся Ленинграда в условиях блокады, наряду с выпуском пушек и снарядов, готовили для Донбасса электротурбины, пневматические отбойные молотки и многое другое.

В напряженные дни восстановления Макеевского металлургического завода им. Кирова были получены генератор мощностью в 25.000 киловатт и ряд моторов, необходимых для пуска центральной электрической воздуходувной станции. На генераторе аккуратно масляной краской было выведено: «Трудящимся Макеевки от рабочих и инженерно-технических работников ленинградского завода «Электросила». Изготовлено во время блокады».

Такие незабываемые, волнующие надписи читали в те дни не только макеевцы. В 1943 году, через несколько месяцев после освобождения, на одну из электростанций Донбасса прибыл мощный турбогенератор с надписью: «Сделано в Ленинграде в дни блокады».

Донбассовцы не забудут тех дней, когда на всех дорогах, ведущих в Донбасс, на эшелонах, наряду с надписями «На фронт, для победы», любовно выводились надписи: «Донбассу», «Всесоюзной кочегарке», «В Сталино», «Горловке», «Макеевке».

Вместе с другими народами в первую очередь крепкую руку помощи Украине подал великий русский народ. Все братские народы нашей страны во главе с великим русским народом не только разгромили и выбросили с Украины фашистских варваров, но и приняли активное участие в восстановлении социалистического хозяйства, разрушенного врагом.

В конце 1943 года в эшелоне, прибывшем из Челябинска, все вагоны были заполнены станками, электро-

моторами, трансформаторами, врубовками, насосами, строймеханизмами и инструментом. Во втором эшелоне уральцы прислали также 123 электромотора и 80 трансформаторов. Врубовые машины и отбойные молотки поступили из Грузии и Казахстана. Из далекого Кемерово были получены 12 кузниц, 39 станков, сотни трансформаторов, 12 тысяч предметов различного электрооборудования, 3.600 голов крупного рогатого скота, 12 тысяч овец, 4.528 свиней, 858 лошадей, много птицы, пчел, меда, шерсти.

В дар донбассовцам слали оборудование и продукты, лес и стройматериалы волжане и сибиряки, закавказцы и дальневосточники — все народы нашей великой матери-Родины. Трудящиеся Донбасса с благодарностью принимали эти богатые дары и от всего сердца благодарили за эту заботу советских людей и воспитавших их большевистскую партию и советское правительство.

«Дорогой Иосиф Виссарионович, сердца наши преисполнены глубокой благодарностью к Центральному Комитету Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), советскому правительству и лично Вам за постоянную заботу и внимание к Донбассу, к нам — шахтерам, — писали трудящиеся нашего бассейна товарищу Сталину в новогоднем письме накануне 1947 года. — Горячее шахтерское спасибо Вам за все, что Вы сделали и делаете для возрождения нашего бассейна, для его расцвета».

Только в результате исключительной заботы и внимания Центрального Комитета ВКП(б) и союзного правительства, ЦК КП(б)У и правительства Украины и помощи братских советских народов нам удалось в невиданно короткие сроки восстановить наш родной Донбасс — важнейший угольный и промышленный район страны.

Центральный Комитет ВКП(б) и лично товарищ Сталин внимательно следили и глубоко интересовались восстановлением каждой шахты, завода и электростанции в Донбассе. В декабре 1943 года енакиевские металлурги одержали первую крупную производственную победу, восстановив две доменных печи. Эти успехи высоко оценил товарищ Сталин. «Своей образцовой

работой, — писал он, — вы положили начало восстановлению черной металлургии Донбасса и доказали, что трудная задача восстановления промышленности и ликвидация последствий варварского хозяйничания немцев может быть решена в короткий срок».

Через несколько недель донбассовцы рапортовали партии, правительству и товарищу Сталину о новом радостном событии. На Зуевской электростанции были пущены в работу турбина на 50.000 киловатт и два котла. Поздравляя восстановителей и энергетиков, товарищ Сталин писал:

«Выражаю твердую уверенность, что вы и впредь своим героическим трудом обеспечите быстрейшее восстановление энергетических мощностей, которые дадут возможность в короткие сроки восстановить наш родной угольно-металлургический Донбасс».

Восстанавливая свое социалистическое хозяйство, трудящиеся Донбасса много раз получали приветственные телеграммы великого вождя.

Немецко-фашистские разбойники, отступая из Донбасса, подорвали все мартеновские и доменные печи на Ждановском заводе «Азовсталь». Но самая мощная доменная печь — № 4 от сильного взрыва только сдвинулась с места и наклонилась. Ее надо было разрушить и строить заново; на это потребовались бы годы. Но советские инженеры предложили и осуществили смелый проект. Они за 18 суток подняли и поставили на место без демонтажа доменную печь № 4, весившую 1.200 тонн. Восстановители и металлурги получили телеграмму товарища Сталина:

«Поздравляю строителей и металлургов завода «Азовсталь», — писал товарищ Сталин, — с восстановлением разрушенной немецкими оккупантами крупнейшей на юге доменной печи № 4.

Восстановление доменной печи № 4 является серьезным успехом передовой советской строительной техники и большим вкладом в дело возрождения южной металлургии».

* * *

Героический труд донбассовцев, всенародная помощь, забота партии и правительства позволили в исключи-

тельно короткие сроки решить историческую задачу — менее чем в пять лет в основном закончить восстановление важнейших отраслей промышленности. Темпы восстановления угольной промышленности нашего бассейна были в три раза выше темпов восстановления угольной промышленности Франции после первой мировой войны 1914—1918 гг. и в несколько раз выше темпов восстановления Донбасса после гражданской войны 1918—21 гг.

Грандиозные перспективы восстановления и дальнейшего развития нашли свое яркое выражение в сталинском плане послевоенной пятилетки. Как известно, Донбасс является одной из основных экономических баз, на основе которых растет и развивается экономика нашей страны. Памятуя это, труженики Донбасса в одном из своих писем великому Сталину писали:

Во имя победы,
Во имя Отчизны,
Во имя вождя, дорогого для нас,
Славная армия
Наших шахтеров
Тебя из руин подымает, Донбасс!

Эту клятву донецкие шахтеры, а вместе с ними и все трудящиеся области за шесть лет после своего освобождения пронесли, как величественное знамя борьбы и побед на благо нашей Родины, на счастье всего советского народа.

На восстановленных шахтах неуклонно растет угледобыча. В июле 1949 г. среднесуточная добыча угля возросла по сравнению с этим же месяцем 1948 г. на 18,8 процента. Добыча коксующихся углей в этом году по сравнению с прошлым годом увеличилась на 25 процентов. Около 30 процентов шахт не только достигли, но и превзошли довоенный уровень угледобычи.

Не меньшие успехи достигнуты в Донбассе по восстановлению предприятий металлургической, машиностроительной, химической промышленности, транспорта, сельского хозяйства и культуры. Машиностроительные заводы, восстанавливая свои мощности и в то же время соревнуясь за темпы и качество продукции, 18 раз завоевывали знамена Государственного Комитета Обороны и 34 раза — знамена ВЦСПС и министерств. На крупнейших металлургических заводах Сталинской области, составляющих гордость нашей страны, восста-

новлен полный металлургический цикл. Сталинская область снова стала мощной металлургической базой на юге страны. За первые шесть месяцев 1949 года рост продукции на металлургических заводах по сравнению с 1948 годом составил 28,7 процента.

Из руин и пепла подняты и восстановлены все машиностроительные заводы Сталинской области. Станочный парк на этих заводах намного превышает довоенный уровень. Машиностроители успешно выполняют свое обязательство по выполнению пятилетки в четыре года. 8 заводов уже превысили довоенный среднемесячный уровень выпуска валовой продукции, а большинство заводов превысило уровень производства, запланированный на 1950 год. Крупного успеха достигли также химики. Все предприятия химической промышленности достигли, а многие намного превысили довоенный уровень производства продукции. Так, например, Славянский содовый завод превысил довоенный уровень производства в пять раз.

Энергетическая база Донбасса сейчас более мощная, чем была до Великой Отечественной войны. Зуевская ГРЭС доведена до довоенного уровня, а Кураховская ГРЭС превысила свою довоенную мощность в два раза. Мощность электростанций «Донбассэнерго» сейчас выше довоенной на 20 процентов.

Вместе с восстановлением все отрасли промышленности механизируются на основе новейшей техники. На шахтах Сталинской области уже работает около ста горных комбайнов «Донбасс», десятки угольных струтов, свыше тысячи врубовых машин, около тысячи электровозов новой системы. В шахтах применяются лампочки дневного света. Выемка угля механизирована на 95,6 процента, доставка — на 97,9 проц., откатка — на 86,1 процента.

На металлургических предприятиях широко осуществляется так же, как и на шахтах, комплексная механизация и, кроме того, автоматизация производственных процессов.

В Донецком бассейне восстановлена вся сеть железных дорог, все 1.108 колхозов, 173 совхоза и 54 МТС. В сельском хозяйстве так же, как и в промышленности, непрерывно возрастает уровень технической вооружен-

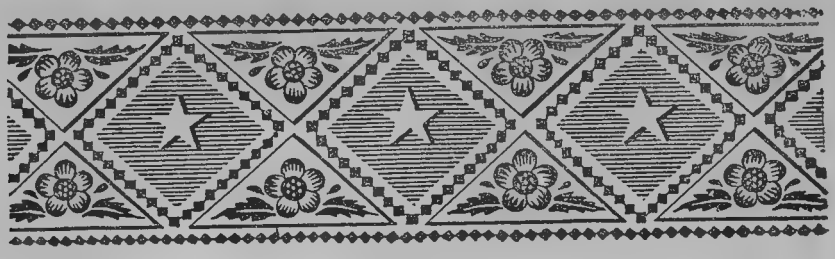
ности. В этом году мощность тракторного парка превысила довоенный на 5 процентов. Сельскохозяйственные работы этого года на 90 процентов механизированы. Успешно осуществляются работы по сельской электрификации. Уже электрифицированы: колхозы на 37 проц., совхозы — на 77,3 проц., МТС — на 77,5 процента.

Электричество прочно входит в производство и быт трудящихся. Благодаря электричеству процессы труда на селе все ближе и ближе приближаются к процессам производства в городе. Все эти факты красноречиво говорят, что, восстанавливая хозяйство, разрушенное войной, советские люди строят коммунистическое общество. Именно на основе механизации и электрификации меняется труд, изменяется представление о труде и вспоминаются, как будто бы сегодня сказанные слова великого Ленина: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Донбасс восстанавливается на базе высокой социалистической индустрии, созданной нашим народом в результате успешного выполнения сталинских пятилеток, в корне преобразивших нашу страну. Те огромные экономические и культурные преобразования, которые проведены в нашей стране за годы сталинских пятилеток, стали возможны лишь в результате победившего социализма, в результате правильной политики большевистской партии и советского правительства.

Народы нашей великой Отчизны, разгромив немецких фашистов и японских империалистов в Великой Отечественной войне, вновь принялись за мирный труд, за строительство коммунистического общества.

Достигнутые успехи в восстановлении народного хозяйства, в том числе и Донецкого бассейна, являются огромным вкладом в досрочное выполнение послевоенной сталинской пятилетки. Под руководством большевистской партии, советского правительства и лично товарища Сталина, завершая работы по выполнению пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР, народы нашей страны успешно осуществляют постепенный переход от социализма к коммунизму.



М. ЛУЖНЕВ
В. ПОЛОВИНКО

РАДОСТЬ ТРУДА

Когда попадешь на шахту № 5—6 имени Димитрова, на память приходят вдохновляющие слова вождя: «Стройте новую жизнь, новый быт, новую культуру — по Ильичу». Эти слова вошли в плоть и кровь каждого здешнего труженика, навсегда запечатлелись в его сознании. Посмотрите, какой индустриальной мощью и красотой дышит вновь возрожденная шахта! Вглядитесь, каким вдохновлением озарены лица гвардейцев труда, изо дня в день поднимающих уровень угледобычи! Присмотритесь, с каким упорством превращают они свои поселки в образцовый городок, как пышно расцветает здесь социалистическая культура!

Чувство высокой патриотической гордости вызывает эта величественная картина новой шахтерской жизни. Но еще отраднее становится от мысли, что дела димитровцев вовсе не являются исключением. В Донбассе сотни таких славных горняцких коллективов, таких поселков. Шахтерский поселок «Новый Донбасс» — это олицетворение всего сегодняшнего Донбасса.

Большевистской волей, непоколебимой верой в победу проникнуты мысли и действия неутомимых строителей социалистического Донбасса, уверенно идущих по пути, указанному великим Сталиным, в светлый мир коммунизма.

В этом очерке читатель найдет лишь отдельные штрихи жизни шахтерского коллектива, но и они дают достаточное представление о том, насколько многогранна и хороша эта жизнь сегодня и как много в ней благородных черт коммунистического завтра.

В донецкой степи

Поезд идет на Красноармейск. Мелькают названия раз'ездов и полустанков. Позади остались Очеретино, Желанная, Гродовка...

Минутная остановка у блока № 11. Отсюда узкая тропа ведет к шахте № 5—6 имени Димитрова. Издали шахтный поселок «Новый Донбасс» напоминает боевой лагерь, раскинувшийся в донецкой степи. Огромный шатер террикона, подернутый сизой дымкой, словно походными палатками окружен домиками под этернитовыми крышами.

Чем ближе к центру поселка, тем явственнее слышится шум шкивов, металлический лязг вагонеток на эстакаде. Здесь идет бой горняцкой армии за уголь, бой давний, упорный и самоотверженный. И как о ратных подвигах богатырей земли русской, идет слава о героических делах передового в Донбассе горняцкого коллектива.

В памяти старожилов запечатлена вся 35-летняя история шахты, ее поселка.

В начале нынешнего века сюда, в просторную, но глухую донецкую степь пришли крестьяне окрестных деревень Т. Гетман. Х. Завгальский, братья Каленик и Тихон Нетреба, Г. Супруненко, Н. Тесленко, Я. Чебышев. Н. Вахнюк. Пришли и остались здесь, положив начало славному шахтерскому роду. Вспоминая о давно ушедшем в историю времени, старожил шахты коммунист Каленик Савальевич Нетреба рассказывает:

— Обушок и санки, конный привод и деревянная бадья — такова была «техника» шахтовладельца Казарина. За 14 часов шахтер едва осваивал 30-пудовый пай и получал на-руки 50 копеек. Шахта еле-еле давала 90 тонн угля в смену. Жил шахтер в землянке, а досуг проводил в казенке.

Но вот шахтеры стали хозяевами своей судьбы. Шли годы. В 1929-ом шахта уже дает 380 тонн в сутки. Потом по штрекам пошли электровозы, в забоях загудели моторы врубовых машин. Это было в 1935 году. Спустя еще пять лет димитровцы довели добычу до 3071 тонны в сутки. 1 марта 1939 года коллектив шахты был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Расцвету шахты помешали черные годы немецкой оккупации. Взорванные копры, руины вместо надшахтных зданий, затопленные водой подземные выработки и на три четверти опустевший поселок — вот что оставили немецкие варвары, унося ноги на запад под натиском советских войск.

Два года немцы тщетно пытались восстановить шахту. Оседала ранее не оседавшая кровля в лавах, выходили из строя новые насосы, рвались стальные канаты, бурились вагонетки. Это было дело рук тех, кто не успел уйти на восток.

Кто из шахтеров забудет когда-либо проклятые имена управляющего шахтой немца Легенбауэра и его верного пса Августа! Они брали на подозрение каждого и жестоко избивали. Они открыли мастерскую по изготовлению палок для расправы с непокорными. Измученные, но непокоренные шахтеры боролись и ждали прихода советских войск.

В сентябре 1943 года началась новая, послевоенная история шахты. Каленик Нетреба, Николай Вахнюк, Федор Петраченко, Тимофей Гетман, Михаил Горин, их потомки Павел и Иван Нетреба, их ученики Иван Бридько и Игнат Жуков, Николай Решетняк, Степан Суббота и сотни других старых и молодых шахтеров, прошедших суровейшие испытания на фронте и в тылу, начали новый бой за уголь. Они откачали из затопленных уклонов и штреков около трех миллионов кубических метров воды, заново возвели надшахтные постройки, построили новые школы, десятки домов.

В июне 1945 года первая очередь шахты была сдана в эксплоатацию. Сейчас коллектив шахты борется за достижение довоенного уровня угледобычи. В конце этого года этот уровень будет превзойден.

О тех, кто в шахте

Несложные биографии тружеников шахты, этих простых советских людей, воскрешают в памяти слова Андрея Александровича Жданова: «Мы сегодня не те, что были вчера, а завтра будем не те, что были сегодня».

Как велика правда этих слов!

Кто в Донбассе, да и за его пределами, не знает начальника участка шахты № 5—6 имени Димитрова, Героя Социалистического Труда Ивана Бридько? Более двадцати лет тому назад он пришел сюда малограмотным человеком. Было трудно, но он работал и учился, настойчиво постигая мастерство горняцкого труда. Еще перед войной Иван Иванович Бридько стал знатным человеком в Донбассе. Нарком называл его мастером цикличности. Он работал начальником участка, потом был на войне, участвовал в боях и трижды пролил кровь за Родину. Сейчас он снова работает на любимой шахте.

В парткабинете есть альбом, повествующий о славной истории горняцкого коллектива. В нем, среди множества портретов старых и молодых шахтеров — портрет Ивана Бридько. А на стенке с рекомендованной литературой для агитаторов выставлена его книга о цикличной работе, инициатором которой он является.

На этой же шахте работает сверстник и товарищ Ивана Бридько Игнат Жуков. В недавнем прошлом машинист врубовки, он окончил промышленную академию и руководит сейчас участком. Врубовки «МВ—60» и скребковые транспортеры, тяжелые электровозы и многие другие машины этого участка работают, как часовые механизмы.

Много славных горняцких имен в шахтерском поселке. На всю шахту славится бывший бурильщик, а сейчас врубмашинист участка № 10 Николай Люлька. Опережая время, он выполнил с начала пятилетки семь годовых норм. Врубмашинист участка № 12 Прохор Якимовский выполнил уже около двух годовых норм и только в июле подрубил 7.900 тонн угля — вдвое больше задания.

На шахте глубоко уважают навалоотбойщика-коммуниста Степана Субботу, работающего уже в счет

1952 года. Он подрубывает в смену столько угля, сколько давала вся мышеловка шахтовладельца Казарина. На шахте нет участка, где бы не было учеников этого трудолюбивого человека. О нем пишут в стенных газетах и листовках, о его успехах рассказывает горнякам местный радиоузел.

Новые имена стахановцев родились в честь Дня шахтера. Иван Гулак первым освоил комбайн «Донбасс» и уже в июне дал более 6.500 тонн угля. Навалоотбойщик Василий Христюк завершил выполнение восьмой годовой нормы. Бригада проходчиков Зоренко прошла в июле 72 метра штрека и заняла первое место в тресте «Красноармейскуголь».

180 горняков шахты уже перевыполнили свои пятилетки, 400 человек приближаются к завершению пятилетних планов.

И о чем бы ни заходила речь среди жителей поселка, всегда с уважением вспоминают о тех, кто в шахте.

Шахтерская поросль

У нового стадиона поднялось новое двухэтажное здание горнопромышленной школы № 45. Красивое, светлое, просторное. На-днях здесь был большой праздник. Заместитель министра трудовых резервов вручил переходящее Красное Знамя Совета Министров СССР. На собрании, состоявшемся по этому случаю, мастера и воспитатели вспомнили о многих выпускниках, работающих ныне на шахте.

Николай Нефедов был лучшим учеником школы. Сейчас он лучший горный мастер шахты.

Два года тому назад закончил школу № 45 Иван Мартынов. Он работал навалоотбойщиком и проходчиком, а в свободное время учился на курсах врубмашинистов. Иван Мартынов освоил эту специальность, но когда на шахту пришли комбайны «Донбасс», его увлекла профессия комбайнера. Сейчас комбайнер Мартынов считается одним из лучших на шахте.

— Через год-два, — говорит он, — получу среднее образование и буду учиться дальше.

— Тяга к учебе у шахтерской молодежи огромна, — рассказывает директор горпромуча тов. Чесноков. — В поселке трудно найти семью, где не было бы учащихся. Две трети рабочих шахты имени Димитрова — бывшие ученики школы № 45. Большинство из них местные жители.

Но в большой шахтерской семье не только сыны и дочери потомственных шахтеров. В шахте работают выпускники школы, прибывшие в Донбасс из Херсонской, Черниговской и Каменец-Подольской областей. В числе их молодой навалоотбойщик Василий Пастух. Он зарабатывает по 5—6 тысяч рублей в месяц. Его фамилию можно часто встретить на доске почета, в стенной газете. Бригадир навалоотбойщиков Владимир Зосименко, комбайнер Мищенко и сотни других навсегда остались работать на шахте. Героика шахтерского труда, новые механизмы, отеческая забота партии и правительства о горняках будят у приезжей молодежи горячие патриотические чувства, прививают любовь к мужественному шахтерскому труду.

На шахте при учебном комбинате обучаются без отрыва от производства новым профессиям сотни молодых шахтеров. Бывшие ученики школы ФЗО Николай Карнюков и Борис Короленко стали инструкторами в лавах по применению металлического крепления.

Так в труде и учебе растет смена старой гвардии горняков. Это люди нового поколения, шахтерская поросль, воспитанная великим Сталиным.

Пути к счастью

Среди молодого шахтерского пополнения есть на шахте группа в 60 с лишним человек, учившихся вместе с другими ребятами в школе ФЗО, но занимавших некоторое время обособленное положение. Откуда бы, казалось, у безусых хлопцев такой тяжелый груз старых-престарых представлений о жизни и заскорузлых привычек!

Эти ребята прибыли из закарпатских селений, затерявшихся среди лесистых гор, из края, пережившего вековой гнет мадьярских помещиков, и лишь четыре го-

да назад воссоединившегося с Советской Украиной. Угрюмость, замкнутость — все эти черты, вовсе не свойственные юности, но тем не менее они долго не покидали молодых закарпатцев. Легко, однако, понять их природу, если послушать, как жили их отцы и деды.

Веками искали закарпатцы дороги к счастью. Многим из них казалось одно время, что счастье поселилось в Америке. И так уж повелось, что молодой русин чуть ли не из-за свадебного стола отправлялся в дальний путь за океан, а молодая жена, обреченная на вдовью долю, принималась строить домишко на скудные мужнины заработки.

Кончалось это обычно так. Пока дом успевал подняться до кровли, полы уже прогнивали, перестилали полы — протекала крыша. В тягостных заботах о своем уголке уходили лучшие годы жизни и счастье. Жены едва узнавали возвращавшихся мужей. Муж, встретив жену, тоже в недоумении разводил руками: «Да она ли это!» — так старили их время и нужда. Не было закарпатскому бедняку счастья ни за морем, ни на родной земле.

Иной путь к счастью открылся перед их детьми.

Молодой закарпатец Иван Юско приехал в Донбасс, на шахту № 5—6 имени Димитрова, немногим более года назад. Год! О таком коротком времени иногда и вспоминать-то нечего. Но для Ивана Юско этот год по крайней мере десяти отцовских лет стоит.

Привели их в столовую. Ешьте, говорят, это бесплатно. «Как бы не так, — думал Юско, — где же это видано, чтобы даром кормили. Поешь-то, может, и бесплатно, а месяц пройдет — плати». Только и месяц, и два, и три прошло — не берут денег. Что за диво? И учат бесплатно, и лечат бесплатно, и жилье даром. Затем Юско узнал, что в Советском Союзе учат на шахте всех бесплатно. Организовали для них политкружок. Тут у них на многое глаза по-иному открылись. И жить стало легче, и работа пошла спорее.

А дальше одно чудо за другим пошло.

Как-то в разговоре со старым шахтером Яковом Гридчиным Иван Юско пожаловался на недомоганье. И

вот через несколько дней его вызвали в шахтком и говорят:

— Тебе, кажется, нездоровится, Юско, вот тебе путевка в Сочи. А чтоб одному не скучно было, поедешь вместе с нашим почетным шахтером товарищем Чмелем. Он для тебя, что отец будет.

— Тот месяц мне сказкой показался, — рассказывал потом Юско друзьям, возвратившись с Кавказского побережья. — Вот же хорошо! Такого не придумаешь и во сне не увидишь.

Куда уж кажется больше? Но вскоре после этого ему предложили пойти в отпуск и с'ездить домой.

И вспоминая всю жизнь отцов и один этот чудесный год своей жизни, Юско все твердил своим друзьям:

— І вивчили мене, і бригадиром проходчиків я став, і на курорті був, і додому їздив. І все за один тільки рік! А попереду все життя! От який короткий шлях до щастя проклали більшовики!

Отцы и дети

По широкой аллее поселкового парка проходят пожилой горняк в мундире почетного шахтера и юноша в студенческом кителе с золотыми эполетами. Вскоре показывается еще такая же пара. На улицах шахтного поселка много мундиров и кителей... На шахте насчитывается 121 почетный шахтер. Но откуда здесь столько студентов? В поселке есть начальная, семилетняя, средняя дневная и вечерняя школы, горнопромышленное училище, различные курсы, но института пока нет.

Вместе с сотнями других посетителей парка, пришедших посмотреть кинофильм, студенты идут в летний кинотеатр. Видно, что их появление здесь стало обычным и ни у кого не вызывает удивления.

В поселке давно уже привыкли видеть Василия Головина, Виктора Шевченко, Кузьму Григорьева, Павла Тихоненко и многих других своих земляков — студентов Донецкого индустриального института, приезжающих на воскресенье домой. Таков один из многих сегодняшних

фактов, ставших жизненной нормой советских шахтеров. В этих фактах настоящего отчетливо отражается и величие будущего.

У димитровцев есть школы и библиотеки, клуб и радиоузел. А как же иначе? — говорят они. — Разве поселок мог бы обойтись, например, без почты, если в день поступает и отправляется свыше тысячи писем и телеграмм? Разве он мог отказаться от полутора тысяч газет и журналов, выписываемых сейчас? Ну, и без студентов, без своей интеллигенции теперь нельзя. Прошла пора «медвежьих углов», оторванных от всего света. Теперь в каждой нашей маленькой деревушке ощущается пульс всей страны, а такой коллектив, как многотысячная трудовая семья шахты № 5—6 имени Димитрова, и дня не проживет без связи со всем советским государством.

Так мыслят и старики, и молодежь. Советский строй жизни исключил возможность духовного разрыва между поколениями, слил воедино проблемы отцов и детей, раскрыл беспредельный мир их духовного роста.

У шахтера Якова Чебышева было 6 сыновей и 5 дочерей. Каким образом он вырастил своих ребят в условиях каторжной жизни дореволюционного Донбасса, как говорится, это он один знает. Но как новая жизнь свалила с плеч этих тружеников груз былой забитости, как в процессе невиданной стройки переделывались они сами, — это понятно каждому советскому человеку.

У старого шахтера два сына стали инженерами, одна дочь закончила два института, другая также имеет высшее образование и работает учительницей, третий сын — шахтный диспетчер, четвертый заведует трестовским складом, пятый — бригадир монтажников, третья дочь закончила горпромуч, четвертая заведует клубом инженерно-технических работников.

Пусть не столь многочисленны другие шахтерские семьи, но каждая из них является живой иллюстрацией того, как стираются грани между физическим и умственным трудом, как поднялась культура, как выросли, стали иными люди поселка шахты № 5—6. И пусть старые горняки порой воскрешают в своей памяти давнее, былое и рассказывают о нем своим детям и внукам. Какое

глубокое и радостное чувство вызовет у них все то, что они видят сейчас повседневно и чего порой, в силу привычки, даже не замечают!

Дорога цветов

У начала парковой ограды главную улицу поселка — улицу Ленина — пересекает невысокий штакет. За ним, почти на четверть километра вперед простирается цветочный бульвар, окаймленный молодыми широколистыми тополями. Чтобы продолжить путь, пройти к шахтному партийному комитету, поселковому Совету, шахткому, клубу и самой шахте, надо обязательно свернуть на тротуар, под густую сень ясеней и акаций.

На ярком фоне этой чудесной дороги цветов высится памятник Ильичу. За ним в конце улицы, над землей, повисли ажурные фермы нового железного моста, переброшенного через шахтные под'ездные пути. Прохожих на улице много. Одни спешат на наряд, другие идут со смены, третьи — по разным делам. И всегда здесь шумно, как в праздник. И всегда этот уголок поселка похож на великолепный кадр цветного фильма.

История этого бульвара цветов такова. Сторож на терриконе Афанасий Ефимович Котелевский, коренастый 70-летний старик, в прошлом шахтер и садовник, отдыхал на берегу Азовского моря. Он часто ходил на рынок, бродил часами по улицам города Жданова, заглядывал в магазины и киоски, все кого-то разыскивая.

Афанасий Ефимович щурил при этом маленькие ласковые глаза, и по его загорелому лицу пробегала хитроватая улыбка.

Из отпуска шахтер привез цветы, вернее, семена различнейших цветов. Их-то он и разыскивал всюду с таким упорством. Прямо с поезда он направился в поселковый Совет и изложил свой дивный проект. Его охотно поддержали. Весной работать на цветнике вышло до 700 добровольцев, и в 4—5 дней цветник разбит и засеян.

— Нет, без цветов нам уже нельзя, — убежденно говорит престарелый садовник. — У нас теперь ни один праздник без букетов не обходится. Помню, бригада

нашего комбайнера Плеханова стала на стахановскую вахту в честь шахтерского праздника и 140 тонн, вместо 60, дала. Так мы ей свои букеты преподнесли. Гляньте, красота какая!

Кажется, что земля здесь вспыхнула разноцветными огоньками и горит, горит, не угасая. В спокойный цвет астр вкрапились красные искры гвоздики и ночной зорьки, силозии и ленка, яркая пестрота портулы, львиного зева, вербены. И никто из димитровцев не сумеет уже теперь представить свою главную улицу без этих чарующих соцветий. Цветы вошли в шахтерский быт, стали повседневной потребностью людей, познавших великую красоту социалистического труда и культурной жизни.

Здесь будет город

Поселок шахты имени Димитрова писаной истории не имеет. А жаль! Вышла бы интересная и поучительная книга. Но живая история всех мест — старожилы повествуют, что при Казарине на месте нынешней сортировки стояло всего три домика для администрации и несколько землянок для шахтеров. Для себя шахтовладелец выстроил, разумеется, обширный особняк.

— Вот и посудите, что нам пришлось пристроить к этому «наследству», чтобы разместить по-человечески около 14 тысяч жителей нынешнего поселка, — говорят люди, и поныне не забывшие старое.

Семь нынешних поселков, слившихся в один, не идут с прошлым ни в какое сравнение ни по размеру, ни по облику. Всюду теперь подведен водопровод. Двухэтажные корпуса общежитий, школы и горнопромышленное училище, вместительные дома поселковых учреждений, разместившихся по улицам Ленина и Ворошилова, придают поселку городской вид.

Больница, аптека, амбулатория, родильный дом, детский сад, детские ясли, шахтерский, инженерно-технический и пионерский клубы, швейная и сапожная мастерские, три столовых, пекарня, десяток магазинов и множество ларьков давно уже внесли сюда характер городского быта.

Да и темп жизни здесь городской. Это заметно по той деловой торопливости, с какой люди идут на шахту, в учреждения, на кирпичный завод и даже в места отдыха и развлечений. Здесь ни днем, ни ночью не прекращается движение. На улицах не только часто громыхают шахтные и проезжие грузовики, но и мягко шуршат легковые автомашины, катят велосипеды и мотоциклы, являющиеся собственностью горняков. «Победа», купленная недавно водителем комбайна Виктором Внуковым, является уже четвертой автомашиной личного пользования.

Сейчас отсюда уже не надо ехать в город за радиоприемником, как это приходилось делать раньше многим из 600 обладателей аппаратов: в поселке есть свой магазин культурно-бытовых товаров, в котором можно приобрести пианино, радиоприемник, патефон...

Поселок быстро строится. В этом году появился стадион, оборудовано новое здание горнопромышленного училища, поднялись корпуса трех огромных общежитий, клуба инженерно-технических работников, обширной шахтной нарядной. Вырастают около 80 индивидуальных домиков в поселке «Победа». В поселке имени Николая Островского изо дня в день близится к завершению строительство ста индивидуальных домиков, принадлежащих инвалидам войны и труда и вдовам солдат, погибших на войне. Правительство выдает им денежные ссуды, шахта помогла им материалами и транспортом. Живой и выразительный пример сталинской заботы о советском человеке.

Смело и радостно смотрит в будущее дружный и трудолюбивый коллектив шахты имени Димитрова. Перед ним открываются еще более обширные и светлые перспективы.

— Здесь будет город! — говорят они.

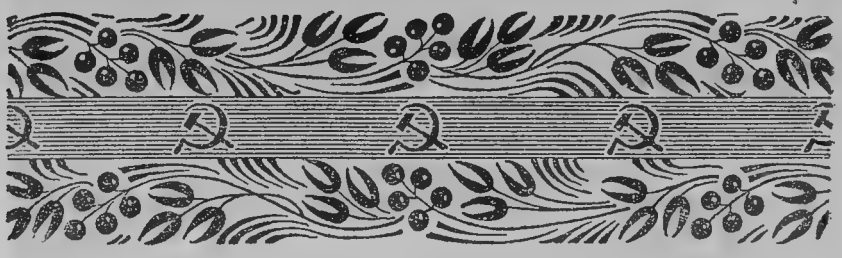
* * *

Горняки шахты № 5—6 имени Димитрова строят новую жизнь, новый быт, новую культуру по заветам Ленина, по указаниям великого Сталина. Радостен их труд, умножающий народное богатство, многогранна их культура, обогащающая духовный мир человека, разу-

мен их досуг, рождающий новые силы для новых успехов.

В их повседневных делах находит прекрасное отражение организующая и руководящая сила нашей партии. Для них, пламенных советских патриотов, нет большего счастья, чем счастье быть активными строителями коммунистического общества.

Бодро и уверенно идут димитровцы по пути, начертанному вождем советского народа. Они по праву могут сказать, что каждый день поднимает их все выше и выше.



Б. РАДЕВИЧ

СВЕТ КОММУНИЗМА

Старый забойщик завернул цыгарку, и голубой дымок поплыл в воздухе. Осенний день был нарядкость тих — и цветы на клумбах не шевелили своими головками.

— Вон там,—сказал он,—у балки стояли деревянные бараки, в которых мы жили. Стены на честном слове держались. Спали мы на нарах. Тянулись они от пола к потолку, одна над другой. Пришли мы сюда на шахту на заработки. Пришли в рваных зипунах, в лаптишках. Мечты были — подработать да назад в деревню. Ну назад почти никто не вернулся. Пойди на улицу Чернышевского, там в девятом номере братья Афонины живут, на Шахтерской — братья Гитулины, на Школьной — Астафьевы, — все это люди шахтерского племени, чьи деды от сохи пришли сюда искать новой доли...

Егор Иванович затянулся еще раз, откашлялся, и снова загудел его глубокий басовитый голос...

Старик был всегда скуп на слова, но молодые лица парней и праздничный день подбивали его на откровенность.

— Трудное это было время, друзья дорогие. И шахтерам стать не всякий решался, несмотря на угрозу голода...

Завалы частые бывали, газ возгорался, обрывалась бадья. Гибли люди. В шахту кто шел, не знал, вернет-

ся ли. Дешево ценили хозяева жизнь рабочего человека. Лампочки такие были «бог в помощь». Плохая это помощь была. Погаснет она, и иди в темноте. Разыщешь себе две палки: одну над головой держишь, чтоб кровлю чувствовать, а другую сбоку ведешь, чтобы повороты считать. Крепь потрескивает. Где-то уголек просыпался...

Егор Иванович замолчал, видно, вспоминая. Сидели вокруг него будущие шахтеры — новое пополнение, недавно прибывшие Нина Васильченко, Олег Романько, Иван Бондаренко — из Винницы, Петро Калиберда, Маруся Нечипоренко, Владимир Гаевой — полтавские и много других. Внимательно старика слушали. А Олег так на Егора Ивановича уставился, что казалось — глаза его — не глаза, а горящие угольки.

Егор Иванович заговорил опять:

— Живете вы сейчас в общежитиях. Кровати беленькие, тумбочки возле них, радио играет. Портреты вождей на стенах. Захотел книжечку почитать — изволь в библиотеку. Вокруг дома цветы красуются. Правилам безопасности вас обучают, в шахтеры готовят. Комбайнерами будете, машинистами электровозов, проходчиками...

Вечерело. Над копром загорелась пятиугольная звезда. В воздухе потянуло ночной фиалкой...

— Вон видите, как звезда над копром горит? Для меня, старого шахтера, — продолжал Егор Иванович, — что молодость новая. От этой самой звезды кровь по жилам быстрее переливается. Пойдете вы на шахту — не забывайте, что за эту счастливую жизнь тысячи людей собой жертвовали. Почитай, в прежние времена кто только шахтера обидеть не мог: управляющий, инженер, штейгер, пристав. Приказчик и тот считал, что честь шахтеру оказывает, если с ним беседу ведет. А теперь шахтер в нашей жизни — первый человек...

Из шахтерского парка донеслись звуки баяна. Ветер весело прошуршал в осокоре.

Голос старика звучал все громче и увереннее.

— Радостно мне, старому шахтеру, на вас смотреть. Под счастливой звездой вы родились. И горжусь я тем, что эту самую звезду мы, старые большевики, завоевали.

— Сейчас, если бы можно было разбудить кого из старой гвардии да опустить в шахту, не понял бы, наверное, где он находится. То ли шахта, то ли подземный завод?.. Опустился в шахту, выходишь из клети, свет тебе горит, ровно утренний. Подкатили вагончики — подземные трамваи — садись и кати по людскому ходку, будто по железной дороге, 1.200 метров. Только дух захватывает (раньше пешечком этот путь проделывали, особенно это трудно было после работы. А внизу станция тебе. Нужно, — пересадку делаешь. Садись на другой состав, включит машинист ток, и дальше поехали. Сама шахта стала другой. Хорошо, когда в штреке сосной пахнет, да лучше ее в лесу вдыхать. Стальные теперь крепления да железобетонные. А уголь не люди вагонетками катают, а возят его электровозы. И мчат они уголек к стволу. Только огонек сзади красный мелькнет.

— Пройдешь по восточному штреку, а потом вниз по уклону к лаве. Заберешься в лаву, а там комбайн шумит. Сыплется, льется на транспортер уголек. Словно волна морская набегает. А всего-то людей возле комбайна — комбайнер и помощник да крепильщиков четыре человека — лаву раскрепляют. И рубит комбайн, и грузит, и наваливает. Все сам. Умная машина! Советские люди эту машину придумали. Телефоны в шахте на всех углах. И никаких проводов к ним не требуется. Радиотелефоны это. Хочешь поговорить — снимай трубку и говори: «Алло! Алло!» А тебе в трубке отвечают: «Центральное управление слушает». Не опишешь всех чудес, которые на шахте есть. А самое большое чудо — это рабочий человек. Совсем другим стал. Не только шахту — себя переделал. Хозяином пластов себя почувствовал. И все потому, что на себя работаем... Работа шахтерская смекалки требует. Тут не только сила, а больше соображение нужно. И душа у шахтера геройская, потому, как на войне, за уголек деремся. Так и называется работа наша — угольный фронт. Ну, а скоро сами увидите. Смена вы наша, и вам шахтерским путем итти.

В вечернем воздухе блестело золотое шитье мундира Егора Ивановича и тихо позванивали медали. И смот-

рели с уважением комсомольцы на старого большевика-шахтера.

— Вымоется шахтер в баньке, — продолжал Егор Иванович, — потрет себя мочальцем да резиновой губкой, мохнатым полотенцем оботрется, и усталости, как не бывало. А по свободе наденет выходной костюм, галстук повяжет, сядет в легковую машину да к другу в гости на соседнюю шахту. И машина не какая-нибудь, а «Победа». Дочка того шахтера на врача учится, сынок горным инженером на соседней шахте работает. Очень интересная жизнь у нас пошла!

— Отдыхает, скажем, горняк на курорте, на песочке морском прогревается. К примеру, скажем, наш горловский или рутченковский горняк, и встретился он там с подмосковным горняком. Поговорят они о море, полюбуются на кипарисы, а там перейдет у них разговор на самую близкую, родную тему. Один скажет: «А у нас на шахте!». И другой: «А у нас на шахте!». И пошли разговоры, словно не где-нибудь на пляже они, а на производственном совещании. Послушаешь их — не простые шахтеры говорят, инженеры будто. Да, изменились и шахтеры, и сама шахта изменилась. Ведет нас вперед партия большевиков. За нею все идем.

— Вот отсюда видно. Электрическими лампочками почетная доска унизана. Тут тебе и девушки наши — лебедчица Наташа Павлова, машинист электровоза Шура Бондаренко, плитовые Феня Серикова и Даша Финогенова. Саша Холод, комбайнер, с портрета тут глядит. Вот видишь, глаза какие задорные. А на груди ордена и медали — и военные, и трудовые — всюду себя человек показал. А вот старый большевик-шахтер Егор Булавин — проходчик. Орден Ленина у него на груди. На лице синие метки — почетные рубцы. Не раз человек опасности подвергался. Но свой угольный фронт ни на какой другой не променяет.

Где-то вдалеке прогудел паровоз на высокой ноте... Даже гудок этот был торжественно праздничным.

Егор Иванович переждал его и молодыми сверкающими глазами смотрел в темную даль.

— Уголь повез! — заметил он. — И слушатели почувствовали, что Егор Иванович улыбнулся. — Дорогие сыны мои! — говорил Егор Иванович. И слышно было,

что голос его дрожал от волнения. — Раньше, почитай, самым темным местом в мире шахта была. И жизнь шахтера была той же темной ночью. И лишь при нашей советской власти появился в ней электрический свет. А теперь загорелись лампочки дневного света, света утренней зари. Свет этот, друзья мои, свет коммунизма, что большевистская партия и советская власть зажгли для трудящихся. Наступит день, и разольется этот свет по всей шахте. И забудет человек, что тысячи метров отделяют его от поверхности.

В саду заиграла музыка. В небе вспыхнул фейерверк. Шахта имени Сталина встречала День шахтера.

— Пора! Пошли, — сказал Егор Иванович.

...В просторном клубе горел свет. Егор Иванович сидел в президиуме возле главного инженера. Справа от него — начальник шахты Чернов разглаживал пушистые усы.

Лозунги обвивали стены. Красное переходящее знамя стояло под портретом Сталина.

Егор Иванович смотрел на портрет и будто о чем-то вспоминал. И казалось, у души его вырастали крылья.

С портрета в зал глядел великий друг шахтеров, дорогой вождь и учитель Иосиф Виссарионович Сталин, улыбаясь шахтерам теплой, светлой улыбкой.

П. БАЙДЕБУРА

ЛИСТ НА КАРПАТИ

Як ті бистроплинні гірські потоки, збігають дні. І кожен день приносить своє нове, таке дивно цікаве, незвідане. І Федір Яремчук все те нотує у своїй пам'яті, а найважливіше з пережитого, баченого чи почутого від людей записує він на папері. Бо має поділитися всім тим із своїми земляками, які живуть там, на далеких Карпатах.

Такий був йому, Яремчукові, наказ, порада і просьба, коли вирушав із домівки в далеку й невідому дорогу.

Це було й не так уже давно — яких місяців три тому...

Над Карпатами плили дні золотого вересня. Гірські потоки що день, то все ставали студеніші, уповільнювали плин, на полонинах, луках жовтіла і никла долу трава, шерхло букове та кленове листя. Бугри та скелясті підгір'я ніби обіймали палючі вогняні спалахи. І здіймались ті спалахи вище та вище. Але ж не досягнути їм стрімких верховин. Осінь не владна над ними. Віковічні смереки не ронять зеленої хвої. Огні осені гасять холодні прудкі вітровії.

Коли покоротчали, похмурніли дні, тоді з гірських полонин у низини, до сельбищ пастухи почали зганяти отари овець. В дорозі, серед лісових хащів, отари пильнували старіші вівчарі, а Федір ішов попереду, сповіщав хазяїв, щоб готувалися вони до зустрічі.

Так переходив Яремчук від сельбища до сельбища з трембітою і тайстрою, в якій ніс останні дарунки осені — квіти, назбирані там, на полонині, і дарував Федір ті квіти дівчатам, а сам жадібно збирав різні новини, бо ж майже півроку не був він тут, серед людей, у сельбищах.

Уже в селі Космачі почув Федір Яремчук звістку-клич: їхати на схід, до Донбасу. Звістка та дуже його схвилювала. Федір пригадав усе, що чув він про дивний той край — Донбас — від радянських бійців, які звільняли зелені Карпати від німця; пригадалося читане в газетах та книгах... І в грудях родилось бажання...

А селом пішли розмови:

— Їхати треба молодим, робучим, — говорили одні.

— Гай, гай, забиватись в таку далечінь... — мовили інші.

— Це ж треба кидати рідне, обжите, а як воно там — невідомо... — радили люди і розраджували.

А Волощукова Марійка, за якою Федір упадав тоді, зустріла його якось на вулиці і навіть не привіталась. Коли ж розговорились вони, то Марійка з докором сказала:

— Так ти їдеш, Федоре? Їдеш...

І хоча він запевнив її, що любить, і заприсягався бути вірним довіку, Марійка все ж таки дала волю сльозам і нарікала. Все нарікала та просила, щоб не залишав одну. Бо їй буде смутно без нього.

Але Федір не зважав ні на сльози, ні на слова всіх тих, знайомих і рідних, що відраджували. Він більше брав утямки сказане старим вуйком Петром Бондаришиним:

— Ти, парубче, май свій розум, — говорив старий Петро, — нам, гуцулам, дорога стелиться на схід. Лише звідтам простягнуто нам братню руку. Ти молодий і мало що знаєш. А я, мой, на своєму віку звідав багато. Я бачив нашу громаду ще за австрійського цисаря, а потім вхопила нас під себе панська Польща, Посполита, та й була нашою кров'ю й сльозами земля ця полита. Танцював на нашій спині пан осадник. Ой, танцював, аж тріщала вона й обмивалася кров'ю...

— Пам'ятай, сину, — повчав Бондаришин, — у тридцять дев'ятому році нас визволили брати наші з-під

панського ярма, а в сорок четвертому вони ж зі сходу принесли нам волю — прогнали геть фашистських бузувірів. Гей, Федоре, не зважай на розрадливе слово, воно, бува, мовиться солодко, та гіркий у нього смак. Не триматися ж нам, гуцулам, весь вік за коріння смереки. Тепер, за радянської влади, дороги нам простелено широкі і ясні. Отож ти, хлопче, май добрий розум, бери втямки все, що хороше — їдь та навчайся...

І Федір поїхав. Манила невідомість. Хотілось звідати простори рідної землі. «Не триматися ж вік за коріння гірської смереки».

Їхав у світ... Знав: сили вистачить хоча б на який широкий помах крил. Їхав. А прудка думка випереджувала поїзд. Торопила розбуркана уява... Скоріше б побачити... І от, нарешті, Яремчук у Донбасі, на шахті.

До всього пильно придивлявся, а в гурті шахтарів наслухав, ловив жадібно слова і, переповнений баченим та почутим, писав на папері;

«Дорогі мої, кревні і земляки на Карпатах! Це писаннячко пише вам Федір Лукіянів Яремчук. Як то бачите, мої любі, я вже на Донбасі, на шахті, яку лічать за номером три. Земля тут хороша, родюча, місцями погорблена й вигиниста, як ото бува у нас на полонині. Тільки обрії тут ширші, і скрізь, куди оком не кинеш, великі сельбища, вежі копалень, а небо свердлять димарі заводів, і вищі вони за найвищу смереку.

Ще того першого дня, коли я тут опинився, то сходив на височенний шовб, що зветься териконом. Забрався аж на вершину та й позирав навколо. І аж забило мені віддих від того дива, що я побачив... Перед очима біг степ, величавий, широкий, а на тому просторі, ніби різнокольорові цятки — будівлі селищ. І все те в в зелені дерев, уже пройнятих молодою осінню.

А вчора я вже спускався у шахту. Ви напевне мене запитали б, чи то я дуже в ту хвилину налякався. То я щиро признаюся вам, що мене таки брав острах, коли я глянув у глибоку чорну дірку, яку називають стволом. Але я сказав собі у думці: «Гей, Федоре, хіба ти не лазив на гірські верховини, чи бува не спускався в глибокі печери? А тут сідаєш у загратовану велику клітку і спускають її на залізному канаті». І коли я з гуртом шахтарів зайшов до тієї клітки і ми шугнули вниз,

то мені було навіть приємно, так, ніби я гойдався на релях, або поринав у глибокий потік. Летіли прудко. І я незоглядівся, як ми опинилися в шахті. Тут тихо і трохи вогко, а електричні вогні, як на вулиці міста...»

Захоплений описуванням шахти, Яремчук ніби вдруге проходив підземними коридорами — штреками, в уяві вів за собою тих, до кого мало потрапити написане, і розповідав їм бачене та пережите.

Але списані аркуші Федір не спішив надсилати. Бо ж розповідано ним дуже мало. Є ще, напевно, цікавіше. І він мусить обов'язково дізнатись, а потім щиросердно про все те розповісти...

* * *

Робота в шахті була дуже проста. Федір стояв на широких залізних плитах і пильнував за рухом вагонеток. Наповнені вщерть вугіллям вони спускались крутим прорізом—бремсбергом до ніг плитового. Яремчук звільняв вагонетку від линви і направляв її на дорогу, що вела до ствола.

Ледь чутно шеркотять шківи, безконечно збігає залізна линва, прогуркоче, наближаючись, вагонетка — і знову тихо. Яремчуку здається, що він опинився раптом у забутій, незвіданій гірській печері. Тут глухо і вогко. А там, на поверхні, під сонцем ходять вітрові хвилі, гудуть верховіття дерев, шепочуться трави, і Федір радий слухати той, звичний для нього гомін... Коли вчувалось гуркотіння вагонетки, Яремчук увесь насторожувався, ніби на ловах, і готовий був бігти їй назустріч. Вагонетка йшла з глибин шахти — звідтіля, де черпають чорну жорству — вугілля. Незвідане непокоїло Федора. Бентежний і рішучий, він уже не раз поривався туди, у вузький прохід бремсбергу, і щоразу зустрічна вагонетка завертала його назад, на плити, до штреку.

— Ти, хлопче, попрацював сьогодні, вважай, за двох, — похвалив начальник дільниці, коли прийшла Яремчукові зміна.

Того вечора Яремчук продовжував писати листа. Крім своїх кревних та знайомих, він найбільше звертався до Марійки: «Ти, моя люба, будь здоровенька та красуйся, як той цвіт-рожа на полонині. Не тужи, не пе-

чалься за мною. Я тут здоровий і дужий». А потім розповідав Марійці про шахту, як йому там було і що він бачив. Тільки потаїв Федір, що всі ці дні його тривожить, не дає спокою одна і та ж думка, що він не став ще справжнім шахтарем, та й життя його підземного світу насправді проходить повз нього, так, ніби стороною...

Одного дня, перед тим, як спуститися в шахту, Яремчук попросився на іншу роботу.

— Я хочу бути там, де беруть вугілля, — заявив рішуче начальникові дільниці. — Я дужий і вправний. Повірте...

І Яремчук одержав іншу роботу.

Насипати вугільну жорству в залізні ринви не таке-то вже й трудна штука, думав Федір, але все ж тут приємніше, ніж там, на плитах. Разом з Яремчуком працювало ще кілька чоловік навальників. Робота була в охоту. Лава повнилась двигтінням, скреготом заліза. А коли відійти на штрек і вслухатись у ті звуки, то видавалось, що то гримлять і зітхають розбуркані надра землі.

Підбираючи вугілля, Федір наткнувся на зарубну машину. Досі він бачив багато різних машин, великих і малих. Але то там, на поверхні. І здавались вони звичайними. А ця під землею і рушить спресований камінь. Плискувата, гранчаста, лежала зарубна, як велика брила породи. Федір освітив лампою, не втерпів, обмацав руками круті ребрасті боки і відповз до своїх риштаків. А вже під кінець роботи, коли вугілля було геть підібране з лави, Яремчук ще раз опинився біля машини, довго і пильно її роздивлявся.

Після роботи зміни навальників Федір не виїхав на-гора, залишився в лаві. Метр за метром повз він слідом за машиною, коли її спускали до штреку. Згорав з нетерпіння побачити її в дії. Але не діждався, зарубка вугілля мала бути аж в нічну зміну.

Другого дня Яремчук сумлінно навалював на риштаки вугілля, а думкою весь час був там, де лежала машина. Улучав вільну хвилину і спішив у кінець лави.

— Як бачу, тобі, хлопче, щось дуже тут довподоби, — сказав якось жартома машиніст зарубної Яглєнко. — Гляди, щоб бува не наврочив...

— Я хотів би почути голос цієї машини, — відповів ніяковіючи Федір. — Справжній голос, коли вона рушить вугілля. Товаришу майстер, я прошу... — Машиніст з подивом дивився на замурзаного вугільним пилом хлопця, який укляк над зарубною і не відходив від неї.

— Що ж, товаришу, — сказав по хвилі мовчання Ягленко, — коли так, то приходь сюди в вечірню зміну і почуєш голос...

Того дня Яремчук не залишав шахти, він забув про їжу, про втому. Час підготовки до зарубу був для нього хвилинами врочистої дії. Коли ж машина заповнила своїм говором лаву, Федір довго вслухався в її монотонне і грізне гудіння. Широкий пружний бар, мов та велетенська пилка, різав і різав вугільний шар. Зарубна плавко рухалась вперед.

Все було, здавалось, зрозумілим. Машиніст Ягленко охоче пояснював, як саме, за яким принципом побудовано машину, взаємодію окремих частин та як краще керувати під час роботи. Яремчук уважно прислухався, нотував сказане у своїй пам'яті. А коли виїхав із шахти, не втерпів, поспішив до майстерень, де ремонтувались зарубні, і все почуте від Ягленко перевірив на деталях розібраних машин, щоб краще запам'ятати.

Так було впродовж багатьох днів, а певніше сказати, діб, бо ж Федір після своєї роботи навальника залишався в лаві, біля зарубної. Нехтував відпочинком, недосипав ночей. Він помітно змарнів, став ніби вищим, ловкішим. Ягленка дивувало таке захоплення і впертість юнака. Дивувала і неабияка його кмітливість. Федір залюбки вправлявся за помічника машиніста.

Дні збігали непомітно, заповнені турботами, в напрузі. Яремчукові здавалось, він загубив уже лік їм. Іноді згадувались далекі Карпати, рідне селище Космач, друзі. В короткі хвилини відпочинку, коли вертався до своєї кімнати, в гуртожиток, стомлений і радісний, він летів думкою туди, на гірські полонини, уявляв — засніжені, у дивнім білім серпанку. На стрімких верховинах, на опуклих щовбах гордо здійняли свої синяві крони віковічні смереки; крутими лісовими стежками понад кручі й бистрини ідуть лісоруби... Гомін голосів, дзвінкі удари сокир тривожать застояну тишу лісових хащів...

Та уявні картини скоро зникали. Оточуючий світ тут, на шахті, такий захоплюючий, іще незвіданий, що день ставав милішим і ближчим серцю.

Одного дня в роботі, а відтак і в житті Яремчука сталась незвичайна зміна.

Він працював з бригадою навальників. Гуртом підбирали розкришене вугілля, спішили звільнити у лаві дорогу машині.

Добирались останні вугільні брили та жорства. Біля Федора, що стояв коло риштаків, щоб не заштибувались, раптом опинився Ягленко.

— Сьогодні даємо другу зарубку,—повідомив машиніст. — Ти, Федоре, будеш? Тобі треба сьогодні обов'язково бути!..

Яремчук був здивований не так появою машиніста, як його словами. Досі він, Федір, майже щодня після своєї роботи залишався біля зарубної, допомагав водієві машини, і той ніколи його не запрошував приходити. Та ще більше здивувало хлопця, коли Ягленко доручив йому спускати машину вниз, до штреку, а потім і керувати нею під час зарубу — роботи в лаві.

Ягленко весь час не залишав Федора, мовчки, уважно стежив за кожним його рухом, за його діями, так, ніби вивчав, як саме той керує, перевіряв його вміння.

Зарубна проповзла впродовж усю лаву і зупинилась. Слюсарі вже заходжувались біля риштаків, переносили ринви і привод ближче до підрізаного вугільного шару. Але в лаві ще було тихо. І ця тиша, після кількагодинного скреготу заліза й двигтіння машини здавалась незвичайною. Яремчук залишив зарубну і спустився до штреку. Сів перепочити. Ще не спала напруга, відчував себе так, ніби він пройшов багато кілометрів гірської дороги і вже зійшов на вершину, але ще не встиг окинути очима той дивний, чарівний краєвид, що розіслався навколо...

Біля прорізу лави бригаду машиністів зустріли начальник шахти Одинцов і керівник дільниці.

— Так хто ж тепер буде хазяїном зарубної? — запитав начальник шахти.

— Він. Тільки він. Федір Лукіянович Яремчук, — відповів машиніст Ягленко і вказав рукою на Федора. — Товариш склав сьогодні останній іспит...

— Вітаю, — сказав Одинцов, потискуючи Яремчукові руку. — За короткий строк і самотужки вивчився на водія зарубної, — ніби сам до себе мовив начальник шахти. — Люблю наполегливих! — І Одинцов ще раз потис хлопцеві руку.

З новим призначенням Яремчука вітали всі шахтарі, що були в ті хвилини на штреці, біля п'ятої лави.

Глибоко вражений подією, першу мить Федір не міг зрозуміти того, що сталося. «Це, мабуть, помилка якась...» — свердлила напосідлива думка. Але ж біля нього цілком поважні люди, і їм треба вірити. Від надмірного хвилювання Яремчук навіть не запитав, о котрій годині йому виходити на роботу, коли давати повний заруб...

— Товаришу майстер, Іване Степановичу! — крикнув Федір, наздоганяючи машиніста Ягленка. — А як же тепер ви?.. На якій машині...

— Їду на курси. Буду вчитись на водія гірничого комбайна, — відповів машиніст. — Ти, Федоре, теж, згодом, перейдеш до цієї машини...

Перед тим, як виїхати з шахти, Яремчук ще раз побував біля зарубної. Оглядав, як хазяїн, уважно, не поспішаючи. Упевнившись, що все в порядку, спустився до штреку.

Дорогою до ствола ішов один. І це мало для нього неабияке значення. Ішов бо один шахтою, без поводарів, як справжній шахтар, якому скорився підземний світ. І хотілось Федору Яремчуку, щоб саме в ці хвилини його побачили тут земляки з Косова, Коломиї, Космача, з усіх карпатських верховин. І він розповів би їм, як оцими руками, які вміли раніше тримати батіг або сокиру, цими руками сьогодні він направляв стосилу, грізну машину. Вона корилась його волі і різала вугільний шар. «Гей, мой, то ти, Федоре, став ніби той велет, що рушить верховинські скелі» — так, напевно, сказав би старий гуцул Петро Бондаришин; так сказали б і інші знайомі та кревні.

Дворищем шахти Федір проходив гордо, з високо піднятою головою. Йому здавалось, що всі, хто був зараз на дворищі, звертають на нього особливу увагу. А пісня відкатниць сьогодні звучить на диво мелодійно, високо й зазивно...

Вже вдома, в гуртожитку, Яремчук витяг свою, з букових дошок, вмережену різьбою, ковану мідними бляхами скриньку і розіклав на столі папір. Десять аркушів уже списано. На папір просились ще сотні, тисячі нових слів, хвилюючих, значимих і щирих. І Федір відчував, що він не в силі висловити все те зараз, у цю хвилину. А груди рве радість, безмежна, як повінь...

І раптом Федір вирішив: одним рухом руки він вирвав із зошита аркуш і вписав твердо, рішуче:

«Любі мої земляки!

Я радий сповістити вас, що став машиністом — володарем стосилої машини, яка рушить у шахті, під землею вугілля. Я щасливий і гордий!

Ваш Федір Яремчук, шахтар».

Того ж дня лист водія зарубної Федора Яремчука мчав на далекі Карпати.

В. СВЕТЛОВ

ДВЕ ЖИЗНИ

1. За пограничными столбами

Скрипнула дверь, и Петька тихо вошел в хату. Он был одет в длинный, видно с отцовского плеча, пиджак и рваные, порыжевшие от времени ботинки. Старый картуз, который поминутно опускался на глаза, дополнял его наряд. Мальчик остановился у порога и, всхлипывая, стал утирать рукавом обильно катившиеся по лицу слезы.

Около печки возилась мать. Это была высокая женщина с болезненным лицом, на котором жизнь раньше времени отложила глубокие морщины. Из-под старенькой косынки выбивались черные волосы, покрытые сединой. Ея сгорбленная спина, потрескавшаяся кожа на мозолистых руках и постоянная грусть в глазах говорили о ее тяжелой доле.

— Петька, и что же это такое? — с тоской в голосе проговорила она, подходя к сыну. — Каждый день только слезы и слезы. Ведь дня нет такого, чтобы ты из школы без слез пришел. И чего им там только надо? Ну хватит... Успокойся. Что случилось-то расскажи.

Мальчик почувствовал на своей голове ласковую руку матери и зарыдал еще громче.

— Учительница... побила, — проговорил он, глотая слезы. — Услышала, что мы с Васькой на своем, а не на польском языке разговариваем, ну и давай нас линей-

кой. А тут я еще урок не мог приготовить, так она совсем взбеленилась и снова избила. Вы, говорит, плату всегда с опозданием вносите да еще на своем языке тут лопочете, убирайтесь из школы. И выгнала.

— Выгнала, — прошептала мать, — а за что? За несколько слов украинских? Где же правда?

На досчатых полатях послышалась возня, и оттуда показались четыре детских головки. Участливые глаза уставились на брата.

— Опять Петьке попало, — прошептала курчавая девчурка. — Наверно больно побили, ишь как плачет. Он...

— Тише, ты, — прикрикнул лежавший рядом братишка и дернул сестренку за волосы. — Попадешь в школу, сама узнаешь.

— А ты чего дерешься, — захныкала девочка.

— Перестаньте хоть вы-то еще. Чего завозились? — сказала мать, обращаясь к детворе. Она раздела Петьку, дала ему умыться и усадила за стол, на который выложила несколько горячих картофелин. — Покушай вот. Хлеба уже нет. Кончился. Может, отец где-нибудь раздобудет. Да и картошка на исходе.

Мать тяжело вздохнула и задумалась. Глубокая печаль легла на ее лицо, не знавшее улыбки. Горькая нужда глядела из каждого угла этой покосившейся обветшалой хаты. Уж много-много лет, с тех самых пор, как начала понимать окружающее, эта нужда словно тисками сжимала, давила, выматывала силы. И раньше времени горбились плечи, серебрились виски, все ниже склонялась голова.

Еще можно было кое-как перебиваться, когда в позапрошлом году ценой большого труда и многих бессонных ночей сколотили деньжат и купили корову. Неважная, правда, была, а все же хоть детям молока хватало. Но и она не долго продержалась. Нечем было платить налоги, и буренку по приказанию старосты увели со двора. Снова потекли дни тяжелые, беспросветные. Наступало утро, и вместе с ним вставал вопрос: чем накормить детей? А их шестеро. Что, кроме голода и унижений, ждет их впереди в панской Польше? Ничего. С зари и до зари гнет отец спину на своем крохотном участке земли, из сил выбивается, а что толку? Всего

урожая, и то для полуголодной жизни, едва хватало на три—четыре месяца.

Стук в дверь вывел Прасковью из тягостного раздумья. Вошла соседка.

— А я к тебе, — сказала она, садясь на лавку. — Не займешь ли соли немного? Дома ни гроша, в долг лавочник не дает, а тут мать что-то приболела. Наварила ей супу, а посолить-то и нечем. Выручи, если есть.

Прасковья молча достала из стола мешочек, отсыпала соли и подала соседке. Та поблагодарила и, наклонившись к Прасковье, зашептала:

— Вчера ночью брат заходил. На днях он лес возил куда-то под самую границу и встретил там одного знакомого. Так тот ему все о жизни на советской земле рассказывал. Голубушка ты моя! Такое говорил, что просто, как в сказке.

Прасковья слушала, затаив дыхание. Не первый раз до нее доходили слухи о совершенно иной жизни, что расцветала там — за пограничными столбами, на востоке. И каждый раз эти слухи будили надежду, вселяли какую-то уверенность. Помогут, не оставят, спасут. Ведь там, совсем недалеко, свои же, единокровные, родные. Только там — свобода, а здесь — неволя, там—счастье и богатство, здесь — горе и нищета. Почему такая разница? Кто воздвиг между ними эту стену? Всегда подолгу и мучительно думала Прасковья над этими вопросами. Вот муж — Лукьян, так тот все знает, но больше молчит и на все ее вопросы отвечает: — Потерпи, потерпи, жинка, недолго осталось.

Она верит ему и терпит, глубоко затаив в сердце надежду. Недаром, видно, к Лукьяну заходят какие-то люди и все о чем-то договариваются.

— Столько заводов да фабрик, говорит, понастроили, что не перечесть, — продолжала шептать соседка. — Помещиков-кровопийцев и в помине нет. Земля вся у крестьян. И не по клочку у каждого, как у нас, а в общем пользовании. В каждом, говорит, селе народ об'единился да сообща землю-матушку и обрабатывают. Да не как-нибудь, а все машинами. Правительство у них столько разных машин на село доставило, что и пашут, и жнут, и молотят — все машинами. Урожаи, говорит, поэтому страсть какие богатющие...

— Вот где жизнь-то настоящая, — как зачарованная, проговорила Прасковья.

— Богато живут. Ходят чисто, дома у всех просторные да светлые такие.

За разговором женщины и не заметили, как в полуоткрытую дверь вошел Лукьян. Он осторожно поставил в угол мотыгу, прислонился к косяку и стал слушать. Соседка с минуту помолчала и продолжала рассказывать:

— В каждой деревне школа, ребятишек бесплатно учат...

— А все это потому, что власть там в руках народа, — сказал Лукьян. Женщины вздрогнули и испуганно оглянулись. Знали, что за такие разговоры паны так упрячут, что и не вернешься.

— Свои, не пугайтесь, — улыбнулся Лукьян. Он подвинул табуретку и присел к столу. — У власти там свои же стоят — рабочие и крестьяне. Сами себе хозяева, сами свою жизнь устраивают. Народ там всеми правами пользуется. А у нас что? Зайдет мужик в учреждение, так его в три шеи выталкивают. Как на скот смотрят. А все эта Антанта, будь она трижды проклята. Если б не она со своими кознями, да не местные предатели, давно бы, с самой революции в России, были мы свободны. И жили б сейчас так, как все в Советском Союзе живут. А то взяли и разрезали живое тело народное.

Лукьян пододвинулся ближе к женщинам.

— Слышали вы про товарищей Ленина и Сталина?

— Слышали, Лукьян Леонтьевич, слышали, — утвердительно кивнула головой соседка. — Как не слышать. Хоть и ставят наши паны разные там преграды, а все равно доходят вести про больших людей и до нас. Слухто не поймаешь, не задержишь. Про товарищей Ленина и Сталина много слышали.

— Вот они-то и создали ту жизнь, о которой ты здесь моей Параске рассказывала. В одну семью все народы об'единили и на светлую дорожку вывели. А единение — сила. Украину кто в революцию от рабства спас? Кто ей такую жизнь свободную да счастливую дал? Ленин и Сталин. Я хорошо помню, как Сталин сам всей вооруженной борьбой за Украину руководил. Ин-

тервенты здорово на Украину зарились. Много своих наемников туда послали. И все от Красной Армии по зубам получили. Не вышло по-ихнему. Не допустили русский народ и большевистская партия, чтобы украинцы у иностранных капиталистов рабами стали. Самим нелегко в то время приходилось, а про украинский народ не забыли.

Лукьян Леонтьевич встал и в волнении прошелся по комнате.

— Русский народ, словно брат старший. Всегда на помощь нам приходил. Всегда.

Он подошел к женщинам и голосом, полным уверенности, сказал:

— Верьте мне. Близок час. Недолго ждать осталось. О нас там никогда не забывали. Получат скоро паны по заслугам, ох как получат...

...Стояли ясные осенние дни. Все холоднее становились ночи, и по утрам на траве, на листьях деревьев серебрился иней. В лесу, который на много километров раскинулся вокруг Дубно, появились золотые листья — первый признак уходящего лета.

Как-то перед вечером Лукьян Леонтьевич и Петька возвращались из леса с вязанками валежника. Едва передвигая ноги от усталости, они тихо брели по дороге. Неожиданно где-то сзади послышался все нарастающий шум, рассыпалась дробь копыт. Сверкая золотом мундиров и шпорами, мчался отряд кавалерии, за ним следовал другой. Петька быстро юркнул в сторону, а Лукьян со своей тяжелой ношей едва успел отскочить из-под взметнувшейся над ним плетки.

— Пшел с дороги, пся крев. Шляетесь вы тут, — раздался свирепый окрик, и, свистнув в воздухе плетью, мимо промчался усатый польский офицер на высокой гнедой лошади.

— Привыкли вы нагайками по нашим спинам гулять, — с ненавистью пробормотал Лукьян, — погодите, отольются вам наши слезы.

Вздымая пыль, следом за кавалерией двигалась пехота. Блестели одноглавые, похожие на курицу, орлы. Солдаты пели о Польше — непобедимой в воздухе и на земле, на воде и под водой, о том, что им никто не страшен.

— Непобедимые, — презрительно бросил Лукьян и плюнул на землю. — Храбры, пока на печке сидите.

— И куда это последние дни столько солдат идет? — спросил Петька, взваливая на спину вязанку и выходя на дорогу.

— На маневры, мощь свою показывать, — иронически ответил отец. — Только знаем мы, что это за маневры. Скоро, сынок, сам все узнаешь. Скоро не будут больше над тобой в школе измываться да розгами отхаживать. Узнаешь скоро жизнь настоящую, свободную...

2. Незабываемое

Сверкая в солнечных лучах серебристыми крыльями, пронеслись краснозвездные самолеты. Вдали на востоке что-то ухнуло, и глухое эхо покатилось по лесу. Снова удар и уже совсем близко.

На взмыленной лошади, вонзая в ее бока шпоры, то и дело оглядываясь назад, по деревне проскакал польский офицер. За ним, безжалостно погоняя лошадей, врассыпную неслись солдаты. На неуклюжем желтом шарабане быстро проехал помещик из соседнего села. А гул, идущий с востока, все нарастал, приближался...

— Прасковья, дети, родные мои, — радостным голосом закричал Лукьян Леонтьевич, стремительно вбегая в дом. — Началось... Началось... Удирают паны проклятые. Идет наша освободительница, идет голубушка.

Он перецеловал всех детей, покружил их по комнате, крепко прижал к груди жену. — Слышите? Слышите? — шептал он, прислушиваясь к далекому, похожему на раскаты грома, гулу. — Ведь говорил же я, что нас не забудут. Навсегда, навеки запомните эти минуты. Внукам о них расскажите. Пусть из поколения в поколение передается...

— Лукьянушка, неужели... Уже недалеко наши спасители? А я вся вон какая измазанная. Что ж произошло? — спрашивала Прасковья, растерянно глядя на мужа.

— Произошло то, что рухнула стена, которую воздвигли капиталисты между единокровным украинским народом. В единое целое сливаемся. Теперь будем жить так же счастливо, как живут там — в стране Советов. Идут спасители, идут.

На измученном лице Прасковьи впервые за много лет появилась радостная улыбка, часто-часто забилось сердце от предчувствия близкого счастья.

Лукьян заторопился и убежал, Петька с ребятишками уже давно пропадал на улице. Мать облокотилась о стол руками, и из ее глаз полились слезы радости.

— Да что же это я? — вдруг спохватилась она. — Надо же переодеться, достать все самое лучшее...

Это был сентябрь 1939 года.

С востока от рухнувших пограничных столбов, в направлении на Злочев, Дубно, Ровно, Львов шли войска страны Советов. Колыхались озаряемые солнцем красные знамена — символ счастья, жизни, свободы. Эту свободу несли своим братьям красные воины, посланцы родного народа, верные ученики великого Сталина. Они несли с собой волю народа, который победил в грозные дни Великого Октября, превратил свою страну в могучую державу и теперь протягивал руку помощи своим единокровным братьям, продолжая осуществлять то, что было начато Великой Октябрьской социалистической революцией.

Село Бортница преобразилось, шумело, как улей. Веселый шум и смех звенели в воздухе. Каждый надевал на себя лучшее праздничное платье, готовился к встрече долгожданных гостей. И они пришли, а вместе с ними пришла свобода.

Целыми днями Петька не знал покоя. Вместе с другими ребятишками он помогал красноармейцам поить лошадей, подносил им сено, таскал дрова для походных кухонь. И как он был горд и счастлив, когда один из бойцов подарил ему маленькую красную звездочку.

— Носи и будь счастлив, — сказал боец. — Теперь ты гражданин СССР. Широкая дорога пред тобой открыта. Как звать-то тебя?

— Петька, а фамилия Христюк, — бойко ответил мальчуган.

Когда несколько красноармейцев попросились переночевать, Лукьян и Прасковья сбились с ног, стараясь угостить гостей.

— Нет уж. Теперь не вы, а мы вас будем угощать, — заявил один из бойцов, видя хлопоты хозяев. — А ну-ка друзья, раскрывай свои походные...

Через минуту на столе появились чудесное украинское сало, душистый хлеб, консервы и прочая снедь. Ребятишки получили подарок — по пригоршне конфет.

Хозяева засыпали своих гостей вопросами. Хотелось еще и еще раз услышать про жизнь на советской земле, про то, что все это не сон, а счастливая незабываемая действительность.

Затаив дыхание, слушал Петя бойцов, и в его воображении вставал иной, еще неведомый, но прекрасный мир, где люди не знают горя и унижений, нищеты и бесправия.

События развертывались. 26—28 октября того же 1939 гора Народное собрание провозгласило Советскую власть на всей территории Западной Украины, а через несколько дней прилетела новая радостная весть: в Москве, на внеочередной V сессии Верховного Совета СССР был принят закон о включении Западной Украины в состав Советского Союза с воссоединением ее в родную Украинскую республику. Мечта стала явью.

Петька в эти дни редко бывал дома. Все, что происходило вокруг, было как-то необычайно ново, интересно. Смотрел, как сообща делили и распределяли землю, отводили участки леса для ремонта бедняцких хат, раздавали помещичьих лошадей, инвентарь. Таково было решение Народного собрания. Работы хватало всем. Подлинный хозяин вступал в свои права.

Бежало время, бурлила и расцветала радостная жизнь на воссоединенной украинской земле.

И вдруг — война...

Опьяненные кровью и грабежами, уничтожая все, что попадалось на пути, ворвались с запада орды фашистских стервятников. Они пришли, чтобы поработить свободный советский народ, бросить его в пасть империалистическим хищникам, завладеть его неисчислимыми богатствами. О многом мечтали фашистские звери, шагая по советской земле.

Но не вышло. С советским народом был Сталин, а там, где Сталин, там — победа.

3. В Донбассе

Поезд шел в Донбасс. В окнах вагона, словно на экране, проплывали леса, озера, поля, покрытые обильным урожаем, громоздились корпуса заводов и фабрик.

Моросивший с утра дождь перестал, темная завеса туч разорвалась, и золотые лучи солнца ворвались в вагон.

Петр встрепенулся, откинул со лба черную, как смоль, прядь волос и подвинулся ближе к окну, у которого сидел. В этом стройном, хорошо одетом парне уже трудно было узнать оборванного, забитого мальчонку, каким он был девять лет назад.

— Братва, смотрите-ка, а ведь это, наверно, шахты!— воскликнул он, обращаясь к товарищам.

Ребята потянулись к окну. На горизонте, окутанные голубоватой дымкой, высились терриконы, вздымались ввысь стройные металлические копры.

— А вон еще и еще, — крикнул коренастый белокурый паренек. — Теперь наверно скоро приедем.

Из соседнего купе, сверкая орденами и медалями на почетном мундире, вышел шахтер. Он взглянул на ребят, которые тесно сгрудились около окна, добродушно улыбнулся и спросил:

— Вы что же, впервые в нашей местности?

— Впервые. А это уже Донбасс начался?

— Донбасс, — ответил шахтер, и в его голосе зазвучала гордость.

— А мы все из Ровенской области, на учебу сюда едем. Шахтерами будем, — сказал Петр.

— Правильно решили,—похвалил горняк, усаживаясь около ребят. — Значит, к нам на пополнение?

— Вы разве шахтер? — спросил кто-то. Ребята с интересом рассматривали ордена, медали и почетный шахтерский мундир.

— Самый настоящий, потомственный. Тридцать лет в Донбассе. Забойщик. С курорта вот еду. В какой же район вы направляетесь?

Петр достал из кармана путевку и подал горняку.

— Э! Да вы к нам в Енакиево, — воскликнул тот. — Замечательно. Вместе работать будем.

— Поработаем. Лишь бы научиться, — ответил Петр.

...Наступил 1949 год. В 43-й школе ФЗО треста «Орджоникидзеуголь» шло выпускное собрание. В числе выпускников были и тридцать юношей, прибывших несколько месяцев тому назад из Ровенской области. Загорелые и возмужалые, они мало чем отличались от кадровых

шахтеров. У многих на груди краснели комсомольские значки.

После напутственного выступления директора, представителей общественных организаций слово предоставили отличнику учебы Петру Христюку.

— Много хотелось сказать здесь, — начал он, несколько смущаясь, — да все это можно выразить в нескольких словах: спасибо, спасибо и еще раз спасибо за все, что для нас сделал великий Сталин. Вот передо мною сидят мои земляки-ровенчане: Иван Павловский, Владимир Иванюк, Абрам Макарчук, Иван Лотоцкий и многие другие. Нас встретили здесь, как родных, выучили, помогли стать на ноги. Теперь мы — шахтеры и идем на самостоятельную работу. Товарищи поручили мне выразить общую нашу благодарность и заверить, что работать будем на совесть, по-стахановски. В этом мы даем наше слово.

В зале зааплодировали. Петр хотел сказать что-то еще, но смутился и, махнув рукой, сбежал со сцены.

Желающих взять слово было много. Ребята выступали, брали на себя обязательства, вызывали на соревнование товарищей. Последним выступил старый мастер школы, опытный шахтер Аркадий Соболев. С любовью глядя на своих питомцев, из которых большинство было из западных областей Украины, он заявил:

— Хочется и мне от имени кадровых шахтеров взять на себя обязательство. Мы, «старики», решили организовать шефство над молодежью, воспитать новых стахановцев, помочь нашим молодым товарищам хорошо работать и хорошо зарабатывать. Я лично беру шефство над Христюком, Матвиевичем и Шадуром...

Так начались трудовые будни. Большинство ровенчан попало на двенадцатую шахту треста. Работали дружно, с огоньком. Немного прошло времени, а слава о них уже понеслась по всем окружающим шахтам. Молодые, полные радости и энергии, они наравне с кадровиками ковали в забоях победу всего коллектива.

Прошло несколько месяцев. Однажды утром начальнику второго шахтоуправления Никите Алексеевичу Изотову подали заявление. Писали ровенчане:

«Мы, молодые забойщики, выпускники школы ФЗО, просим создать комсомольско-молодежную бригаду в

нашей восточной лаве. Даём слово не подвести шахтоуправление и выполнять задание не менее чем на 135 процентов. Иван Павловский, Петр Христюк, Дмитрий Боняк...» Всего было около 20 подписей.

Это было 28 июля 1949 года. Никита Алексеевич еще раз вслух прочитал заявление, встал и прошелся по кабинету.

— Видел, какие орлы у нас на шахте растут? — обратился он к сидевшему у него парторгу. — Не подведем, говорят, шахтоуправление. Каково? Молодцы, право слово, молодцы! А помнишь, когда приехали, какие несмелые были? Сейчас и не узнать. Боевые хлопцы стали, активные.

— Инициативу ровенчан надо поддержать, — ответил парторг. — В восточной лаве условия, правда, не совсем легкие, да ребята справятся. Ведь они уже сейчас многим кадровикам не уступают, а такие, как Христюк, Павловский и Шадур, давно перевыполняют нормы.

— В том, что справятся, я не сомневаюсь. Бригаду создадим. Сам буду за ними следить. Чудесные ребята! Я уже дал указание подобрать им хорошие квартиры. Ко многим родные хотят переезжать.

В тот же день специальным приказом на 12-й шахте была оформлена комсомольско-молодежная бригада. Восточная лава была предоставлена в распоряжение молодежи. В состав бригады вошли восемь забойщиков, костерщики, лесогоны. Все — земляки, из сел Бортница, Припасниска, Берестечка, Ровенской области.

Показатели новой бригады быстро росли. Уверенно стучали отбойные молотки в восточной лаве, угольный поток нарастал с каждым днем.

— Не отставай, хлопцы... Нажимай... Помни про обязательство, — в короткие минуты отдыха весело покрикивал бригадир Иван Павловский, и стальные пики отбойных молотков еще энергичней вгрызались в сверкающий угольный пласт.

Через несколько дней в шахтоуправление поступило второе заявление. Новая группа ровенской молодежи просила создать бригаду. Инициативу поддержали, и восточная лава полностью стала комсомольско-молодежной.

Однажды вечером Христюк зашел в красный уголок общежития, достал бумагу и крупным размашистым почерком начал писать письмо родным.

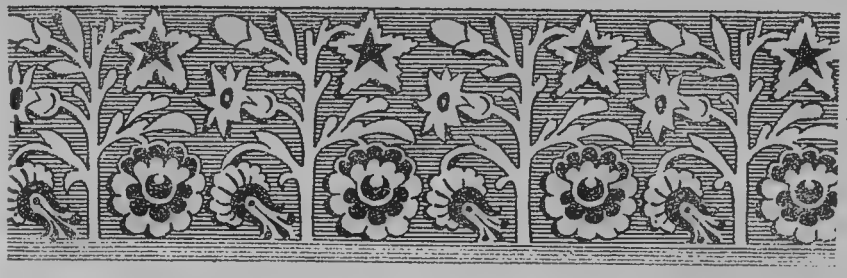
«Шлю вам свой шахтерский привет, — писал он, — и сообщаю последние новости. Я вступил в ленинский комсомол и сейчас принимаю активное участие в общественной работе. Недавно мы, ровенчане, организовали у себя на участке две комсомольско-молодежные бригады забойщиков. Работаем хорошо. Свое задание бригады выполняют на 120—125 процентов. В целом по шахте план выполняется на 110—115 процентов. В этом успехе есть доля и нашего труда. С гордостью сообщаю, что я уже завоевал почетное звание мастера угля. Почти каждый день выполняю норму на 160—170 процентов. Хорошо и зарабатываю. Вчера была получка. За прошлый месяц получил около двух тысяч рублей. Из них шестьсот завтра переведу вам в подарок. Живем мы, можно сказать, отлично. В общежитии образцовый порядок и чистота. Почти ежедневно к нам заходят руководители шахтных организаций, проверяют, хорошо ли нас обслуживают. Каждый свободный от работы вечер хожу в клуб, где бывает очень весело. Среди местных молодых горняков имею много товарищей, которые мне во всем помогают. Я полюбил Донбасс и решил закрепиться за шахтой, а вы приезжайте ко мне в гости. Встречу на славу.

Пока все. Тороплюсь на комсомольское собрание. Готовимся к встрече 32-й годовщины Великого Октября и 10-летия воссоединения украинского народа. На собрании сегодня будем брать новое обязательство в честь праздников. В эти дни я особенно часто вспоминаю нашу жизнь до 1939 года. Подумайте только, как мы жили тогда и как живем сейчас. Какая разница! Решил встать на стахановскую вахту и выполнять не менее чем по две нормы. Это будет мой подарок праздникам».

Передав привет всем друзьям и знакомым, Петр запечатал конверт и надписал: «Ровенская область. Дубенский район. Село Бортница. Л. Л. Христюк».

Через минуту он уже шел по ярко освещенной улице города в клуб, где собирались комсомольцы. Звенели гудки на заводах и шахтах. На станции, ритмично постукивая на стыках рельсов, сновали паровозы, формируя угольные составы. Где-то на стройке стучали молотки, гудели моторы. В воздухе звучала могучая симфония труда.

— Как хорошо, — думал Петр, любуясь ночной панорамой Донбасса. — Вот она, жизнь-то настоящая!



А. ЯРМАЛЬ

ПУТЬ К МАСТЕРСТВУ

I

Меж извилистых берегов, поросших осокой и камышом, извивается Случ. Во все стороны от реки раскинулись большие леса. Тихо покачиваются стройные сосны, шумят ветвистые дубы, нежно шепчутся белые березки.

Плодородны здесь земли, богата рыбой река и в лесах водится много дичи.

С незапамятных времен живут здесь украинцы, их потом и кровью полит этот богатый цветущий край. Но не они пожинали плоды своего труда.

Пан Возняк! Вот кто владел лесными угодьями, необозримыми просторами пахотной земли; даже река и та была во власти этого обрюзгшего и злого пана.

А у Антона Ильича Башлая — одного из сотен бедняков, проживавших в селе Тынне над Случем, имелся небольшой клочок неудобной земли да пара дряхлых волов. А семья у Антона Ильича состояла из девяти человек. Попробуй, прокорми всех от урожая до урожая.

Еще бушевала в лесу февральская вьюга, еще скована была льдом река, а в коморах Антона Ильича уже было пусто.

Вздохнет Антон Ильич, поглядит на своих голодных ребят, накинет засаленный, продырявленный тулупчик и отправится к пану Возняку.

А возле ворот имения пана уже толпятся такие же, как и Башлай.

Выйдет на крыльцо пан Возняк с неразлучной плеткой, посмотрит на бедняков, хлопнет плеткой по сверкающим голенищам сапог и рявкнет:

— У, быдло! До пана пришли...

Гнут свои спины крестьяне, слезятся у них глаза: дома дети, а хлеба нет.

— Хоть какую работу... С голоду помираем...

— Вам плетка, а не работа нужна. Быдло! — ревет пан. — Где я хлеба на всех напасусь!

А глаза у пана так и бегают по сторонам. Большое хозяйство у него: и луга, и леса, и пашни, и стада коров, свиней. Много рабочих ему нужно. Вот он и приберет всех этих голодных крестьян к своим рукам. За мерку ржи будут все лето работать в его имении. Будут!

Кивнет пан Возняк своему управляющему: «пересчитай», а сам зевнет от скуки да скажет:

— Завтра я на охоту поеду. Так чтобы все, как один, в лес на загонку вышли. Быдло! — и скроется в доме.

Вернется Антон Ильич домой, плакать хочется с горя. И при свете лучины вечером скажет своим ребятам:

— Настанет, хлопцы, скоро настанет такое время, когда с Украины помощь придет. Будет у нас тогда и хлеба вволю и земля не пану, а народу принадлежать будет...

И начнет рассказывать старик про Украину. Там — советская власть, там рабочие да крестьяне сами хозяева своей жизни. И нет там ни панов, ни жандармов.

Этот день приближался. Это чувствовали все в селе Тынне. Почувствовал и пан Возняк. Не те стали крестьяне. Не идут к нему на работу. Приходится самому в село отправляться, народ собирать. И уж он такой добрый да хороший. Только на работу иди. Да куда там!

— А где ты право такое взял, чтоб нас на работу на свои земли гнать! — отвечают крестьяне.

То даже слова такого, как «право» не знали, а теперь уже пану прямо в лицо бросают его.

— Ничего! Вот немцы придут... — скажет пан и удалится, мечтая о том, чтобы скорее уж в эти края пришли немцы.

Да не немцы, а Красная Армия пришла в село Тынне. Пришлось пану бежать. А как бежать, когда вся челядь, как сквозь землю провалилась. Встретил пан Возняк деда Юхима на бричке и приказал:

— Вези! — махнув рукой на запад.

Заехал дед Юхим в лес, повернулся к пану и скомандовал:

— Вылезай... Некогда мне с тобой по дорогам раскатывать.

Не осмелился пан Возняк слово произнести и сразу исчез за деревьями.

А в селе уже Красная Армия. Остановилась машина с солдатами возле хаты Башлая; попросил старший лейтенант напиться. Вынес Антон Ильич крынку холодной воды, а вокруг офицера его ребята крутятся: Степан, Петр, Михаил...

— Грамотный? — спросил командир у одиннадцатилетнего Степана.

Спрятался Степан за спину отца; за него ответил Антон Ильич:

— Где эту грамоту достанешь? Тут только одна школа, да и та не на нашем языке. Все они — неграмотные.

— А у меня вот такой хлопец уже в пятый класс перешел, — мечтательно произнес командир. — Ничего, старик, будет и школа у вас: своя, на родном языке.

...Совсем другая жизнь наступила. Всю землю пана роздали крестьянам. Антон Ильич Башлай получил на свою семью 8 гектаров. В имении пана открыли клуб. Здесь и увидел первую в жизни кинокартину Степан.

II

Но началась война. Степану было только тринадцать лет.

В село ворвались немцы. Забрали у Башлая землю: и ту, что советская власть дала, и тот клочок, что был у него.

Приехал в село немец, собрал сходку:

— Теперь новый порядок будет! — грозно сказал немец и свистнул в воздухе нагайкой.

Но «новый порядок» продержался недолго. Пришли

в село партизаны, уничтожили немцев, и стало село партизанское, и порядки те же, что и перед войной, когда в селе советская власть установилась. Дивились крестьяне: фронт где-то под Волгой проходит, а здесь советская власть действует. Значит, крепка советская власть, если даже у себя в тылу немцы с нею совладать не могут.

Многие крестьяне и сами вступили в партизанский отряд, и с той поры на железной дороге стали лететь под откосы составы с танками и боеприпасами.

Наконец наступил тот радостный день, когда на всей Ровенщине не осталось ни одного немца.

В селе Тынне создали два колхоза: имени 17-ой партконференции и имени Шевченко. Вся семья Башлая вступила в колхоз. А как только подрос сын Башлая — Степан, заявил отцу:

— Хочу, батя, ехать в Донбасс... Там, говорят, люди очень нужны. Государство в людях там нуждается. Вот и должны мы итти на помощь... Наше это дело.

Подумал Антон Ильич — жалко расставаться с сыном. Разве плохо теперь в селе: и хлеб имеется, и до хлеба есть все, что нужно, но не стал задерживать Степана, отпустил его в далекий Донбасс.

Впервые в жизни выехал Степан из своего родного села и удивился, как широк и просторен мир. Поезд все мчал и мчал на Восток, а до Донбасса еще далеко.

— Вот она какая у нас Советская Украина, — говорил пожилой попутчик, заметив удивление на лицах молодых ребят, не отходивших от окон.

Поезд прошел через Днепр. Так вот какая эта река, о которой в селе пели песни:

Реве та стогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завива...

А скоро после того, как проехали Днепр, увидел Степан островерхие шапки терриконов и высокие вышки копров. Это — Донбасс, где он будет жить и работать!

Учащенно билось сердце в груди. Как-то его встретят в Донбассе? Помогут ли ему стать настоящим шахтером? Неужели он будет работать у тех самых врубовых машин, которые он уже много раз видел в кино?

Они приехали в Сталино. Какой большой и красивый город! Степану всегда казалось, что выше дома пана Возняка не существует на свете: шутка ли, целых три

этажа. А здесь сколько еще более громадных домов. И трамваи... В первый же день Степан вместе со своими товарищами поторопился покататься в трамвае. Они ездили несколько раз по одному и тому же маршруту, и только женщина-кондуктор понимающе улыбалась.

Потом их отправили в Макеевку. Степану казалось, что их немедленно направят в шахту, и он с нетерпением расспрашивал об этом своего провожатого. Но провожатый, солидно дымя папиросой, сказал:

— Ишь ты, прыткий какой! Да тебя сначала надо обучить.

Обучали их в школе ФЗО № 73. Руководил их группой старый горняк Ивжик.

— Шахтерами станете! — сказал им Ивжик во время первой встречи. — Это большая специальность в нашей стране. Без угля ни один завод не станет работать, без угля ни один паровоз не пойдет, без угля ни одного трактора для вашего села не выпустишь. А уголь — шахтер добывает. Вот как! — и Ивжик сделал широкий жест рукой, как бы подчеркивая, какое большое место в жизни советского народа занимает шахтер.

Вначале Степан учился в школе и все допрашивал Ивжика:

— Ну, скоро уже?

— Что скоро, куда это ты так спешишь?

— В шахту скоро нас спустят?

— А, в шахту, — протянул Ивжик и посмотрел Степану прямо в глаза. — В шахту завтра поедем, к практике приступаем. Вот как!

Практику они проходили на разборке огромного завала.

— Это немец поганый все натворил. Его рук дело, — вот как! — пояснил Ивжик и стал знакомить ребят с инструментом.

В этом штреке Степан поставил первые крепежные столбы. Он долго любовался своей работой. Ивжик, осматривая крепь, хорошо отозвался о ней:

— Ладно поставлена. Только вот замок ты еще не так заключил, да и затяжки плотнее надо было поставить, да вот лунка еще мелковата оказалась.

— А вы говорите ладно, — сокрушенно покачал головой Башлай. — А оно и то не так, и другое не так...

— Я говорю для первого раза хорошая работа. А в общем учиться надо, вот как...

Здесь же Башлай ознакомился и с другими специальностями. Скоро состоялся выпускной экзамен, и Башлай, получив отличную оценку, был отправлен на шахту «София» для постоянной работы.

III

Всех их направили в одну бригаду на четвертый участок. Были здесь и ровенские, и полтавские, и сумские ребята. Всего собралось 18 человек.

Бригадиром назначили старого шахтера Соплюнова.

Новая лава понравилась Степану Башлаю. Врубовая машина к началу смены подрубит забой, потом перенесут конвейер. Только успевай выгружать уголь!

Подползет к нему во время работы Соплюнов, похвалит:

— Специальностью ты уже овладел. А вот теперь тебе еще стахановским опытом овладеть следует. Дай-ка я покажу, как наши стахановцы зарубную щель расштыбовывают да кутки нарезают.

Отодвинется в сторону Степан, а Соплюнов возьмет обушок в руки, и, оглянуться не успеешь, а штыба в зарубной щели как не бывало и куток нарезан на-славу.

— Видел? — спросит Соплюнов, передавая обушок Степану. — В пласте есть струи такие, их надо нащупать да перерезать, а тогда уголь сам повалится.

И он провел узловатыми пальцами по сверкающему пояску угольного пласта:

— Вот это и есть струя, которую пересекать необходимо.

Думал Степан, когда окончил школу ФЗО, что он уже высокой квалификации шахтер, а оказывается есть у опытных горняков еще и свои приемы. И он упорно, настойчиво стал изучать их, чтобы и самому стать стахановцем.

Медленно, но верно росла его выработка. В апреле выполнил норму на 126 процентов, в мае — на 128 процентов, в июне — на 133 процента. А вместе с выработкой поднимался и заработок. В апреле — 1416 рублей, в мае — 1870 рублей, а в июне 3500 рублей!

Так поднимались по ступенькам мастерства и остальные его товарищи. Иван Колядко и Тит Китун — земляки, Василий Чирва из-под Киева, Иван Сазоненко из полтавского колхоза и все остальные стали перевыполнять свою норму. И когда их комсомольско-молодежную бригаду занесли на доску почета, Соплюнов заявил им на наряде:

— Ну, хлопцы, я свое дело сделал. Теперь у вас будет свой, молодой бригадир — Сорокин. Старайтесь, работайте. Для себя, для всего народа трудитесь.

Молодые ребята не обманули надежд старого шахтера. В августе почти все навалоотбойщики вплотную подобрались к полутораста процентам. Как только превысят они эту цифру, станут мастерами угля.

...И живут все они вместе, в одном общежитии № 1. Уютные, удобные комнаты. Кровати, покрытые белоснежным бельем и байковыми одеялами. На стенах — картины, портреты вождей.

После работы к ним заходит воспитатель Александр Степанович Савьюков. То книгу прочтет, то газетку, а то в красный уголок пригласит.

— Заходите, ребята, к нам в гости пожаловал почетный шахтер товарищ Левашов.

Левашов уже сидит на диване, окруженный молодыми ребятами. На нем аккуратно разглаженный мундир с позументами, а на груди поблескивает орден Трудового Красного Знамени.

— За какие заслуги? — интересуется Степан, указывая на орден.

— За долголетний и безупречный труд в шахте, — важно говорит Левашов и начинает вспоминать, какой была шахта до революции, какой стала сейчас.

— Вот вы все молодежь и не знаете этого, — говорит Левашов, — а я многое на своем веку испытал. Как прежде встречали новичка? Во-первых, должен под воротами проторчать несколько месяцев, пока артельщик взглянет на тебя. Во-вторых, пришел ты в шахту, а обучать тебя никто и не собирается. Наоборот, издеваются над новичком. Заставят его несуществующую «лимонадку» разыскивать, потешаются все. А жили как? Эх, даже вспоминать неприятно. В грязище, в вонище, на голых нарах валялись. А теперь — поглядите.

Ребята поворачивают головы и как бы впервые видят: книжки в шкафу, радиола на тумбочке, шашки, шахматы, домино. А за окном раздаются удары волейбольного мяча: это два соседних общежития сегодня борются за первенство.

— Чувствуете разницу? — вопрошает Левашов и снова говорит. Но сейчас он уже говорит о новой технике — о горных комбайнах, о транспортерах, о породопогрузочных машинах.

— Такая жизнь у шахтера впереди предвидется, что даже дух захватывает, — с возбуждением говорит Левашов.

И все со вниманием слушают интересный и длинный рассказ. А потом Левашов поднимается с дивана и говорит:

— А пройдемте по вашим комнатам. Хочу я поглядеть, как вы живете.

Степан приглашает Левашова к себе...

— А это что такое будет? — указывает Левашов на тумбочку.

— Патефон купил, — говорит Степан.

— Патефон. Это хорошо, — одобряет Левашов, присаживаясь на стул. — Ну-ка закрути пластинку.

Пластинок у Степана много. Сначала он ставит несколько песен Соловьева-Седого, Захарова, а потом Левашов предлагает «сыграть гопачка».

В просторной комнате уже полно ребят.

Степан ставит новую пластинку, и вот уже ребята не выдержали и пустились в пляс, а Левашов сидит и тихо, в такт музыке, похлопывает ладошами.

Потом Степан смотрит на часы и вспоминает, что они собирались в кино. Левашов поднимается, прощается со всеми, а ребята надевают костюмы и торопятся в клуб, который находится как раз напротив общежития. Сегодня там очень интересная картина: «Константин Заслонов».

IV

Как-то прислал Степану его отец Антон Ильич письмо.

Написал он, что находится в колхозе имени 17-ой партконференции. В этом колхозе и брат Михаил и жена Степана — Екатерина Тимофеевна.

«Живем мы хорошо. Еще старый хлеб не вышел, а два центнера нового в виде аванса получил, — пишет старик. — Есть и сало, и молоко, и масло. Может прислать тебе чего?»

Улыбнулся Степан, читая письмо. Вот еще, что отец надумал, неужели он не понимает, как живет его сын. И ответил отцу:

«За все это спасибо, а только ничего мне присылать не нужно. А вот если вам нужна какая помощь...»

Досталось Степану от отца за эту приписку, когда он в июле приехал в село:

— О какой такой помощи ты говоришь? Мы сейчас в колхозе, и у нас полный достаток.

Взглянул Степан на стол и ничего возразить не смог. В самом деле — все у отца есть: и жареное, и пареное.

На другой день после приезда решил пройтись Степан по селу. Возле панского имения стройка какая-то идет. Присели строители, закуривают. Увидели Степана — побросали папиросы:

— Инженер идет!

А когда Степан подошел к ним, расхохотались все.

— Мы думали инженер. Так это же Степан, Антона Бушлая сын... Вот каким он стал.

Все обступили его и стали расспрашивать. Не верилось многим, что вот там, в далеком Донбассе, так живут и работают люди. Да как тут не поверишь, когда обо всем односельчанин рассказывает.

Иван Булейко, сверстник Степана, качает головой и решительно говорит:

— И я поеду в Донбасс!..

В Донбассе уже многие работают. Вот и брат Степана — Петро — тоже по шахтерскому делу пошел, только он в Ворошиловградской области работает. А Петро заслуженный человек перед народом. Он вместе со всеми защищал Москву в 1941 году и гнал немцев от Сталинграда в 1943 году. Его грудь украшают восемь правительственных наград.

Вечером стал Степан договариваться с женой о переезде в Донбасс. Согласилась Екатерина Тимофеевна.

— Только, — сказала она, — осенью...

— Почему не сейчас?

— Да как же сейчас, Степан, ехать? Сам ты знаешь, звеньевая я в колхозе. Ты сам мою пшеницу видел. По тридцать центнеров с гектара соберу... Разве я могу доверить кому-нибудь свой урожай.

Подумал Степан, хотелось ему поскорее перетянуть жену в Донбасс, но понял он, что уговаривай — не уговаривай, а уж до осени она не уедет из села.

Так и договорились: Екатерина Тимофеевна приезжает к нему в октябре.

Снова вернулся Степан Башлай на свою шахту. Радостно встретили его товарищи.

Всего десять дней проработал в августе, а норму перевыполнил в полтора раза и за эти десять дней заработал 1100 рублей.

Мы говорили с ним в общежитии. Степан сидел за столом, покуривая папиросы «Казбек», и рассказывал о своих планах на будущее.

— Прежде всего хочу учиться. Был я у секретаря комсомольской организации. Он сказал, что создают вечернюю школу рабочей молодежи. Закончу ее, а то я ведь мало учился... А пока в кружок по изучению автодела записался.

Степан мнет в руках окурок и, посмеиваясь, говорит:

— Патефон у меня есть, сейчас баян покупаю... Ну, а потом возьму да и автомашину куплю. Она мне по карману.

На нем аккуратно выглаженная сорочка из зефира и хороший шерстяной костюм. На подоконнике лежит фуражка с голубой окантовкой и шахтерской эмблемой.

— В селе подумали, что я инженер. А я вот буду учиться, да и инженером на самом деле стану. Спасибо товарищу Сталину! В нашей стране все для трудящегося человека, — заканчивает он.

Перед Степаном, как и перед всеми советскими людьми, открыта широкая дорога в будущее. У Степана уже созревают планы, о которых даже мечтать не мог его отец Антон Ильич Башлай.

П. ЧЕБАЛІН

В СІМ'Ї ВІЛЬНІЙ, НОВІЙ

1. Родина Молодцових

Коли виходиш з міста Макіївки і піднімаєшся на взгір'я, на якому розташувалось селище шахти «Капітальна-Марківка», зору відкривається велична індустріальна панорама. Дим заводів, зливаючись у величезну хмарину, поволі пливе над містом, в широкі степові простори. Терикони один по одному тягнуться до далекого обрію. Вночі, унизані вогнями, вони нагадують золото зір. Вони мов би відбили довгу трудову путь Молодцова, його родини, його учнів.

Цю путь ніколи не згладить час.

Григорій Федорович працював на багатьох шахтах, випробував та вивчив усі гірницькі професії. Працював і саночником. Згадуючи про це, старий насуплює густі, сивіючі брови, і від цього жваві очі його ледь видніють. По всьому видно, старому гірникові тяжко згадувати про далекий каторжний час. Але якусь хвилину помовчавши, він всеж-таки розповідає:

— Багато років довелось потягати санки. І зараз ще залишились на плечах сліди від лямки.

Невесела, гірка ця розповідь. В уяві мимохіть постає темна шахта, її підземні криві коридори. Ось по них шалено мчить партія вагонеток. Чутно безшабашний посвист коногона. Уявляється забой — темна тісна нора

і в ній по пояс оголений чоловік з кайлом. Це — забійщик. З неймовірним зусиллям він довбає вугілля безперервно 12—14 годин, після чого, зібравши рештки сил, весь вкритий чорним вугільним пилом, плентає до себе в казарму. Не роздягаючись, він кидається на нари і одразу ж засипає мертвим сном. Він не чує плачу повзаючих по брудній підлозі дітей, сварки жінок біля плити, не чує жалібної пісні підпилого шахтаря:

Разгуляться бы шахтеру —
И засыпать шахту-нору.
Да и божий свет не милый,
Видать, путь один — в могилу.

Розповідаючи про дореволюційну каторжну працю гірників, Григорій Федорович Молодцов згадує картину художника Касаткіна. Він твердо переконаний, що бачив цього художника, бачив, як той малював забійщика, як спускався в шахту і годинами спостерігав роботу саночника. Нам зрозуміло, що Молодцов не міг бачити Касаткіна з тої простої причини, що в його час цей митець не міг бути в Донбасі. Певно, це був хтось інший. Але словам Григорія Федоровича хочеться вірити. В них є щось від народної легенди про великого художника-реаліста, який зумів узагальнити труд гірника дореволюційного минулого, розкрити глибоку життєву правду про нього.

... Одного разу Григорій Федорович разом з своєю чималенькою сім'єю підрахував, скільки кілометрів штреків, уклонів, людських ходків пройшов він під землею. Скільки відкрив нових вугільних лав. Підсумок вийшов солідний. Все разом становило близько 50 кілометрів.

Молодша дочка Людмила, кругловида, з веселим метким поглядом, почувши цю цифру, навіть вигукнула від несподіванки:

— Та це ж тільки в казці може бути!

Раніш вона ніколи над цим не замислювалась: працює собі батько, ну й добре. А скільки кілометрів пройшов він під землею — такої думки не було. Тепер же батько в її очах був якимсь чудо-богатирем.

Син Григорія Федоровича — Віктор, який працював начальником дільниці, також здивувався підсумком

батьківського труда. Але не промовив ні слова, тільки по-синівському любовним зором глянув на батька, на його натруджені руки, що нерухомо лежали на колінах. Молодший же — Валентин не втерпів, сказав:

— Час уже й відпочити, батьку. Не бійся, наших рук для шахти вистачить.

Валентин працював кріпильником, мав гарні заробітки і мав право сказати це батькові.

Григорій Федорович глянув на своїх синів і, трохи помовчавши, сказав:

— Виходить, остаточний підсумок підвели моїй праці. Не вийде це, сини мої.

Він різко підвівся і твердим, упевненим кроком пройшовся по кімнаті. — Підсумок хороший, нічого на це не скажеш. Але він не остаточний. І у вас він буде не меншим, якщо по-справжньому любите ви свій труд.

Григорій Федорович не хотів цим докорити синам. Вони працювали завзято, чесно. Віктор пізнав багато гірницьких професій, кілька років навчався в гірничому технікумі раніш, ніж стати начальником дільниці. І Валентин, незважаючи на свою молодість, був гарним кріпильником. Людмила працювала піонервожатою в шахтному селищі. З роботою цією справлялася добре. Але старого образило те, що діти не розуміють, як важко йому розлучатись з шахтою.

— От відкриємо восьмий горизонт, — сказав він, — тоді інша розмова буде. І про відпочинок можна буде подумати.

Але вся родина вже звикла до таких обіцянок Григорія Федоровича. Цей невтомний прохідник відкрив уже не один горизонт, пройшов під землею не один штрек, відкриє й восьмий горизонт, а шахту все-таки не залишить. Отож сини не заперечували батькові: нехай буде так, як він хоче.

* * *

Кожного ранку батько разом з молодшим сином Валентином виходить з дому і прямує на шахту. Так було і п'ять років тому. Тоді Валентинові було всього шістнадцять.

То був тяжкий 1943 рік. Ще скрізь стирчали обгорілі димарі, понівечений лежав на шахтному дворищі металевий копер, всюди лежали руїни.

Прохідник Григорій Федорович Молодцов, ризикуючи життям, разом з сином і домогосподарками Комісаровою, Горбачовою, Кузіною та іншими починали гнати уклон. Ця незвичайна бригада прохідників відкривала єдиний доступ до вугільних пластів. Часто разом з чоловіком і синами йшла на роботу і Марія Яковлівна — мати сімейства, і п'ятнадцятирічна дочка Людмила. Григорій Федорович ніколи не заперечував їх бажанню допомагати шахтарям, хоч і добре знав, як це їм важко.

Відтоді минуло кілька років, а все-таки й тепер, ідучи на зміну, Григорій Федорович кожного разу згадував той далекий час. Коли Марія Яковлівна проводжала його й сина на роботу, він завжди тривожився, як би й вона не пішла за ними. Все-таки жаль було — стара ж вона...

По дорозі на шахту до Молодцових часто прилучались інші шахтарі. Здебільшого це — молодь, що недавно закінчила школу ФЗН. Як їм усім хотілось працювати в бригаді цього славного майстра!

В нарядній Григорій Федорович завжди оточений молодими гірниками. Він, як батько, уважно прислухається до їхніх запитань, добирає учнів собі в бригаду. За минулі два роки він навчив більше ста чоловік прохідників. Працюють вони на «Капітальній-Марківці» та на інших шахтах. Багато хто вже завоював звання майстра вугілля, деякі працюють гірничими майстрами.

Коли одного разу вісімнадцятирічний шахтар з Житомирщини Андрій Бурлак, побувши кілька днів у бригаді Молодцова, зник з шахти, Григорій Федорович дуже засмутився.

— Кинь сумувати, старий. ні до чого, — намагався втішити його дехто з гірників. — Замість Бурлака знайдемо іншого.

Григорій Федорович, слухаючи, тільки ще більше хмурнів. Кому-кому, а ветеранові-гірнику, що виніс на своїх плечах всі труднощі воєнних років, було добре відомо, яка дорога для шахти кожна людина.

Але незабаром Андрій Бурлак повернувся. Це було пізно ввечері. Молодий шахтар прийшов прямо в дім Молодцових. Григорій Федорович зрадів поверненню свого учня, але не показав цього.

— Прилетів? Заходь, гостем будеш.

Парубчак нерішуче переступив поріг. Скоро він уже сидів за столом, оточений великою сім'єю Молодцових, і розповідав про своє «горе». Як виявилось, десь на батьківщині в нього була молода дружина. Від'їжджаючи на шахту, він пообіцяв в недалекому часі викликати її туди. Але Бурлаку не дали квартири. Він чекав місяць, другий, та так і не дочекавшись, вирішив поїхати назад на село.

— Ну і їхав би, чого ж повернувся? — суворо глянув на нього старий.

— Совість не пустила, Григорію Федоровичу. Близько вже від дому був, а от повернувся.

— Совістливий, виходить. Ну що ж, це добре. — І подумавши, Григорій Федорович додав: — Кімнату одержиш. Так і напиши своїй, як там її звуть: приїзди, мовляв, кімната тебе чекає.

Уже на другий день Григорій Федорович розмовляв з начальником шахти тов. Заставою, а через два тижні Бурлак виїхав на станцію прольоткою начальника дільниці зустрічати свою молоду дружину.

* * *

Бригада прохідників, якою керує Григорій Федорович Молодцов, день у день, місяць у місяць виконує своє завдання на 200—250 процентів Багато її вихованців працюють так само успішно. Шахта «Капітальна-Марківка» на місяць раніше строку значно перевиконала свій річний план. У всьому цьому є велика частка невтомної праці почесного шахтаря Молодцова. Тільки б радіти з такого успіху. Але от уже кілька днів Григорій Федорович ходив суворий, зосереджений. В родині та й на шахті занепокоїлись: чи, бува, не захворів старий? Але Григорій Федорович був здоровий..

Прийшовши з роботи, він перш за все питав у Марії Яковлівни:

— Не приїхав?..

У відповідь дружина робила заперечний жест рукою. Тоді він мовчки ішов до ванної кімнати.

Якось опівдні до дому Молодцових підкотила новенька легкова машина. В сім'ї знали, що ця машина належала начальникові шахти Семену Андрійовичу Заставі. Як же всі здивувались, коли з машини вийшов не начальник, а сам Григорій Федорович. Він мовчки зайшов до хати, переодягнувся в свій почесний мундир, на борту якого були прикріплені орден Леніна і кілька трудових медалей. И коли вже виходив, сказав:

— Якщо приїде Вітька, скажи, що до нього я поїхав.

От уже кілька місяців Віктор Григорович Молодцов працював начальником дільниці на сусідній шахті «Нижня Кринка». Григорій Федорович знав, що з роботою у нього не все гаразд. Він ждав, що син неодмінно приїде порадитись із ним. Але минав день, другий, а той все ще не з'являвся. Старий не втерпів, вирішив одвідати сина. Хотілося довідатись, що заважало йому в роботі.

Цілий день ходив він по дільниці сина, до всього пильно придивляючись. Для Віктора приїзд батька був цілковитою несподіванкою. І хоч відчував свою провину, але радів з такого візиту. Він знав, що Григорій Федорович багато в чому допоможе йому. Начальник дільниці не помилився.

Дільниця відставала тільки тому, що були занедбані підготовчі роботи. До такого стану їх привів попередник Віктора Григоровича. Малодосвідчені прохідники не встигали швидко просувати корінний штрек. А від цього залежав успіх вуглевидобутку.

Григорій Федорович збагнув, що тут одної поради мало, і вирішив кілька днів попрацювати разом з прохідниками. Довідавшись про це, Віктор спитав здивовано:

— А що ж на це скаже твій начальник шахти?

— А він уже сказав: щоб на буксир взяв я вас, ледачих.

І вперше за весь час усміхнувся своєю ласковою батьківською посмішкою.

Більше трьох діб очолював Григорій Федорович бригаду прохідників, ділився з ними своїм довголітнім досвідом, навчав, як треба ставити раму, як закріпляти покрівлю. Тепер кожний робітник знав своє робоче міс-

це, свої обов'язки. Робота йшла злагоджено і значно успішніше, ніж раніш. Всі ці дні Григорій Федорович майже не виходив з шахти. Він бачив, що й син, і парторг, і начальник шахти часто навідувались в його бригаду. Це радувало. Видно було, що всі вболівали за успіх справи.

Від'їжджаючи до себе на шахту, Григорій Федорович сказав синові:

— Пам'ятай, Вікторе Григоровичу: шахтарська сім'я Молодцових повинна завжди бути на висоті.

У відповідь Віктор обійняв батька і довго не випускав його теплої дужої руки з своєї. Здавалось, що в цю хвилину він жадібно вбирав у себе трудову мужність, велику духовну силу свого батька.

* * *

Родина Молодцових росла. Виходила заміж молодша дочка Людмила. Її чоловік Олександр — старший маркшейдер шахти № 29 — в цей день уперше ввійшов в дім старої гірницької сім'ї як рівноправний її член.

Цього статного, світловолосого парубка добре знав Григорій Федорович. Олександра поважали на шахті за усердну працю, за його добру вдачу. Старий радів, що дочка зробила такий вибір.

На весілля Людмили з Москви приїхала старша сестра Дарія з своїм чоловіком, підполковником Степаном Миколайовичем Якушовим. Приїхав і Віктор з дружиною, брат Валентин. Прийшли начальник шахти Семен Андрійович Застава, старі друзі Григорія Федоровича, подруги Людмили, товариші Олександра.

Просторі кімнати сім'ї Молодцових заповнились веселою жвавою розмовою. Віктор весь час настроював потужний радіоприймач «Ленінград». Підполковник Степан Миколайович Якушов помітив на стіні новеньку двостволку і захоплено роздивлявся її.

— Адже коли я був у вас того разу, цього не було, Григорію Федоровичу! — говорив він захоплено.

— Правду мовиш, не було. А тепер он мотоцикл є, та й меблів накупили бач скільки! Заробітки хороші, тож нема чого скупитись.

В цей пам'ятний січневий вечір Григорій Федорович вперше виголосив довгу промову. Він був схвильований, але говорив, як завжди, вдумливо, повільно. В його словах була вдячність великому Сталіну за турботу про шахтарів, за щастя, подароване його великій сім'ї.

— Діти мої, шануйте сім'ю. Дружною трудовою родиною в наш сталінський вік радісно і щасливо жити. За дружні шахтарські сім'ї піднімаю свій тост!

— За династію шахтарської родини Молодцових! — в свою чергу підніс бокал начальник шахти.

Деякий час в кімнаті залягла тиша. Змовк і радіоприймач. Здавалось, що в цю хвилину весь світ прислухався до того, що відбувалось в цій щасливій трудовій радянській сім'ї.

2. Батьківське щастя

Щастя!.. Жити йому б рядом з трудовою людиною, так ні, — воно завжди обминало Андрія Ісайовича Клевцова. Доводилось тільки мріяти про нього. Та що там мріяти, коли воно не в домі, коли ніколи не переступає порога.

Клевцов думав знайти щастя ще тоді, як в 1898 році прийшов працювати на шахту. Трудився по дванадцять—чотирнадцять годин на добу, але щастя, мов той птах, вилітало з рук. Він шукав його в забої, в каторжній праці саночника, коногона. Бувало, несучись з партією вагонеток темним глухим штреком з гиканням і буйним свистом, коногон Клевцов уголос всім єством своїм твердив:

— Брешеш, наздожену, наздожену тебе, моє щастя!

Та минали роки, а життя шахтаря все було тяжким, згорало в непосильній каторжній праці. Хазяїн шахти Козакевич на скарги робітників завжди відповідав:

— Запам'ятайте: коли нарікаєте на мене, то це ви бога гнівите. Ним, богом, я поставлений правити вами і перед ним маю відповідати.

При цьому Козакевич високо над головою здіймав правицю, склавши пальці так, мов збирався перехреститись. Інколи цей молитвений жест ставленика російсько-бельгійського товариства мав свою силу. Але так було тільки спочатку. Пізніше його слова викликали ще біль-

шу лють у гірників. Вона виливалася в запеклий протест, в бунт, перед силою якого не могла встояти навіть до зубів озброєна козача сотня.

Андрій Ісайович пам'ятає, як в 1905 році шахтарі обушками й камінням розігнали козаків, прибулих на шахту приборкати бунт. Це було справжнім щастям не тільки його, Клевцова, а й усіх гірників. І хоч не довгим було воно, та Андрій Ісайович надовго запам'ятав ці незабутні хвилини свободи.

Минали роки. Забойщик Клевцов уже не уявляв собі щастя без боротьби. Щастя — боротьба, ці два слова мов злилися для нього в одне. В жовтні 1917 року Клевцов уперше пізнав щастя трудівника вільної країни.

...В серпні 1948 року в тінистому саду восьмидесятилітнього забойщика Петра Антоновича Мацкевича зібрались старіші гірники шахти «Червоний Жовтень», щоб разом з секретарем міськкому КП(б)У тов. Бубновим обговорити насущні питання роботи Єнакіївського району. Худорлявий, з пишними сивими вусами шахтар, після деякого роздуму, запитав у секретаря:

— А як з клятвою товаришеві Сталіну? Виконаємо до шахтарського свята?

— Мусимо виконати!

— Ні, ти твердо кажи, — по-батьківськи суворо продовжував старий шахтар.

— Буде важко, синку, поклич нас, старих, прийдемо на допомогу. Сили ще є.

Він обвів своїх старих друзів запитливим поглядом і сказав:

— Виконати шахтарське слово треба неодмінно. В цьому — велике щастя наше.

Це говорив Андрій Ісайович Клевцов. Шахтар-ветеран знав, що таке щастя. Він здобув його ціною неймовірних зусиль, ціною поту й крові.

Швидкий поїзд Сталіно—Москва зупинявся тільки на великих станціях. Вітер рвав дим і ніс його то в один, то в другий бік залізничного полотна. З вікна вагона видно було, як пливли засніжені безкраї лани і ліс, як миготіли полустанки...

Андрій Ісайович, акуратно поголений, у вишитій косоворотці стояв біля вікна, радісний і трохи стривоже-

ний. Він їхав до своїх синів і дочки в Москву. Він не бачив їх от уже кілька років. Як живуть вони? Чи сильно змінилися, чи пізнають батька?

Він знав, що син Микола закінчив геологічний інститут, працює в міністерстві і, як повідомляв у листі, збирається в експедицію на Алтай. Дочка Галина працює диспетчером Московського метро; Іван — в Московському науково-дослідному інституті Міністерства шляхів сполучення. У нього високе наукове звання — доктор технічних наук. І хоч старий не цілком уявляв собі його роботу, проте розумів, що Іван відіграє не останню скрипку в науці. Хто знає, можливо і в цю плавну й водночас шалену швидкість поїзда вклав він свій розум!

Старий гірник вирішив перевірити свою догадку. Коли у вагон зайшов провідник, уже літня, з довгими, пожовклими від тютюну вусами людина, Андрій Ісайович покликав його до себе в купе. Розговорились. Кондуктор не знав особисто сина Клевцова, але чув про нього і цілком серйозно твердив, що і в швидкості поїздів, і в диспетчерській службі є часточка праці Івана Андрійовича. Старий гірник не признався провідникові, що розпитував про свого рідного сина. Боявся, що не повірить. Простий шахтар і раптом... син у нього — доктор наук.

Коли виходив з купе, провідник похвалився і своїм особистим щастям:

— А мій синок у військовій академії навчається. В артилерійські генерали мітить. — І, непомітно змахнувши радісну сльозу, додав: — Щасливий вік дістався нашим дітям!

...Зустріч з синами була надзвичайно радісною. Уже в першу хвилину в Андрія Ісайовича зникло почуття тривоги. Вони довго говорили кожний про свою справу, про своє життя. Згадали про Андрія. Це був четвертий син в родині Клевцових, у минулому гірничий інженер. Він загинув на полях битв під час Великої Вітчизняної війни. Щастя великої шахтарської сім'ї було окроплено рідною кров'ю.

Згадали і про дитинство Івана та Миколи. Андрій Ісайович сказав, що їхні шкільні парусинові сумки ще й зараз зберегаються в рідній хаті.

Сини розповідали батькові про свої наукові праці. Слухав він їх уважно, і хоч багато чого йому було незрозуміло, але серцем відчував, що вони велику користь приносять Батьківщині. Іншого щастя старий і не бажав.

За час перебування в Москві Андрій Ісайович кілька разів побував на Красній площі. Довго дивився на стародавні стіни Кремля, де живе і працює великий Сталін. При цьому старий гірник був мовчазний, урочисто зосереджений. Мисленно від усього серця дякував рідному вождеві за щастя, яке він приніс народові, за щастя, подароване йому, його дітям, за відкриту перед ними широку, світлу путь.

На вокзал Андрія Ісайовича проводжали сини, дочка, невістки, онуки. Коли до перона підійшов поїзд Москва — Таллін, син Микола, загадково усміхаючись, сказав:

— Поїхав би додому, батьку, певно втомився.

Андрій Ісайович у відповідь задумливо звів густі брови і, випроставши плечі, мов говорячи: сил у мене ще досить — одказав рішуче:

— Ти мене не умовляй, Миколо Андрійовичу. Поїду. Знати хочу, як живе мій капітан.

Коли мова заходила про щось серйозне, старий завжди називав синів на ім'я і по батькові. То ж Микола одразу вирішив, що ніякі умовлення тут не допоможуть.

На вокзалі міста Талліна Андрія Ісайовича зустрічав син Дмитро. Старий не одразу його пізнав. В новенькій формі офіцера флоту, він стояв трохи оддалік платформи, зірко вдивляючись в натовп пасажирів. Чи він? Та ось погляди батька й сина зустрілися. Щаслива, радісна хвилина! Як багато тепер їх буває в житті старого шахтаря, батька славної родини!

Уже на другий день приїзду до сина Андрій Ісайович побажав побувати на його кораблі.

— Покажи-но мені своє судно. Хочу знати, який-то з тебе господар.

Коли за годину по тому Андрій Ісайович мчав з сином морем на командирському катері, вдивляючись в неозору морську далину, він думав: «Ось він, наш життєвий простір! От швидкість моїх синів, моєї Батьківщини! Ніяка сила не спинить її».

Розрізана морська хвиля широкими пінявими крилами розліталась обабіч, поступаючись дорогою прудкому катеру.

...Тільки через півроку повернувся Андрій Ісайович додому. Того ж дня у нього на квартирі зібралися його учні — майстри вугілля Валігура, Малишенко, Орехов, Іваненко; старі друзі: восьмидесятирічний шахтар Свирін Іван Михайлович, Смиткін Петро Матвійович та інші. Тут же були три дочки Андрія Ісайовича: Поліна, яка працює в шахтній лікарні, Зінаїда — секретар шахтоуправління і Ніна — табельниця на шахті.

Глава родини сидів за столом у вишитій косоворотці, щасливий, майже урочистий. Він докладно розповідав про життя і роботу своїх синів і, в свою чергу, цікавився роботою своїх учнів. Довідавшись, що всі вони значно перевиконують свої норми вуглевидобутку, щиро радувався.

Коли розходились гості, Андрій Ісайович підвівся з-за столу і сказав трохи схвильованим голосом:

— Хай товариш Сталін почує мої слова, нехай всі почують. Я простий гірник. Колись, до революції, мене називали каторжником, харцизякою. Тепер — я почесний шахтар, щасливий батько великого сімейства. Діти мої стоять на вірній дорозі, що її відкрили їм наша велика партія, любимий Сталін.

На мить змовк від сильного хвилювання і знов говорив:

— Спасибі товаришеві Сталіну за щастя, яке він подарував нашому радянському гірникові, нашим дітям!

3. Дружба

Я знаю, яке хвилююче почуття переживає садівник, коли він вирощує дерево на новому грунті, коли він хоче прилучити його до нового сімейства, вдихнути в нього інше життя, примусити це дерево цвісти гарним цвітом і родити чудові, смачні плоди.

Мені знайоме, зрештою, високе почуття матері до своїх дітей, яких вона голубить і ласкає, і хоч упевнена в їх щасливому майбутньому, все-таки в серці її постійно живе неспокій.

Це почуття, я знаю, добре знайоме потомственому шахтареві, бригадиру вибійників Судейко Карпу Івановичу. І хоч він результати своїх довгочасних і великих зусиль добре бачить і вже минув той період, коли вагаєшся і не буваєш певним у своїх силах, все-таки це батьківське, благородне хвилювання живе в ньому.

Карпо Іванович добре пам'ятає той день, коли він уперше спускався в шахту з своїми вихованцями. Йому самому дозволили добрати учнів. І він добрав. Добрав, і коли вони зібрались усі разом, Карпо Іванович чимало здивувався своєму вибору. Тут був грузин Чавчавадзе з гарними чорними очима і дужим, гнучким тілом, узбек Урсул-Урза, кремезний, з постійною посмішкою на обличчі хлопець, Янка Куделька з Білорусії, Ваньян з далекої Вірменії і Серов Кузьма спід Смоленська.

Карпо Іванович здивовано оглянув ще раз кожного з них і, розгладжуючи посивілі вуса, сказав, посміхаючись:

— Здорово!.. Виходить, інтернаціонал у нас получився, хлопці.

І всі теж посміхнулись.

В перший день учні Карпа Івановича були мовчазними, і старий, коли вони проходили похмурим штреком, подумав:, «Ще злякаються, розбіжаться». Але минув день, другий, і Карпо Іванович кинув цю думку. Гаряча праця з перших-таки днів згуртувала цих людей в тісну дружну сім'ю. Правда, в перші дні у Чавчавадзе і Урсул-Урзала справа була негаразд. Вони витрачали багато сил і все-таки ледве-ледве виконували свою норму. Чавчавадзе помітно нервувався, вголос лаявся по-своєму і, здавалось, готовий був кинути молоток і, впиваючись дужими, стальними пальцями у вугілля, рвати і руйнувати його.

Карпо Іванович помічав це. В таких випадках він підходив до свого учня, брав у нього з рук молоток, забирався у вибій і казав повчально:

— От дивись, як я стою.

Чавчавадзе витирав спітнілий лоб рукавом брезентової куртки и пожадливо стежив за кожним рухом свого учителя.

— А от дивись, як треба молоток тримати. І рубати ним треба не поспішаючи, і знати, в яке місце ударити.

Карпо Іванович розповідав про клеваж, наводив приклад, як важко плисти назустріч течії, розповідав, що й шар теж має свою течію і що рубати треба його за течією.

Потім Карпо Іванович починав рубати вугілля. Розмірені, чіткі удари лунали з глибини вибою. Вугілля відвалювалось великими брилами, і у Чавчавадзе захоплено сяяли очі, и руки його горіли від трудового нетерпіння.

Карпо Іванович віддавав своїм вихованцям увесь свій довгорічний трудовий досвід, нічого не втаював від них. І Урсул-Ураз, і Чавчавадзе, і Ваньян, і решта вирішили про себе, що цей мудрий старик знає всі одвічні таємниці глибоких надр і що не ця сувора кам'яна стихія панує над ним, а він управляє нею, він тут повноправний господар, все в його силах, в його владі.

Слава в бригаду прийшла через кілька місяців після напруженої праці. Це було в лютому 1948 року. Бригада працювала в нічну зміну, видаючи останні вагонетки вугілля і закриваючи рахунок річної норми.

В морозному чистому повітрі вставало яскраве сонце, коли Карпо Іванович разом з своїми учнями вийшов на поверхню шахти. Їх несподівано зустріли шахтарі гучними оплесками, поздоровляючи з перемогою. Треба було щось сказати у відповідь на ці дружні, теплі привітання. Але що міг сказати Карпо Іванович? Схвильований, він не знаходив підходящих слів і тільки вимовив:

— Малувато даємо ми вугілька, товариші. Заводи вимагають, життя вимагає більше, набагато більше.

Гаряче, палке серце Чавчавадзе не витримало хвилюючої першої радості перемоги. Він пробився уперед і, нетерпляче переступаючи з ноги на ногу і погладжуючи рукою відбійний молоток, сказав:

— Спочатку я сумував за сонцем моєї Грузії, а тепер я знайшов його тут. І я розумію — що більше ми даємо вугілля, то яскравіше світить сонце в Грузії, і на батьківщині Урсул-Урзала в далекому Узбекістані, на батьківщині Ваньяна в Білорусії і на Камчатці. Тут воно, наше сонце.

Карпові Івановичу вподобалась мова його учня. Виявилось, що Чавчавадзе не тільки добрий вибійник, але

трішки й поет. Потім уже, коли бригадир ішов додому, він відчув, як знову неспокій проснувся в його серці. «А якщо зазнаються, почнуть працювати гірше?» — тривожно подумав він. Такої ганьби Карпо Іванович не виніс би. Але старий даремно бентежився. Бригада працювала, як і раніш, рівно, і кожний вибійник давав по три і більше норми. Бувало, Карпо Іванович на хвилинку припинить роботу і чує, як крізь стукіт молотків і сухе шарудіння вугілля, що осипалося, до слуха його доносилась з сусіднього вибою пісня Урсул-Урзала. Вибійник співав, не припиняючи роботу. За довгі місяці спільного життя Карпо Іванович звик до узбецької, грузинської і вірменської мови і, хоч з трудом, але все-таки розумів, про що співав Урсул-Урзал.

«На вулиці зимно, а в душі моїй вічно світить сонце. І сонце це подарував мені великий Сталін. Хай же наш труд зігріє і обрадує його. Хай в це свято вип'є він золоту чару на здоров'я».

Незабаром Чавчавадзе, Ваньян і Янко Куделька співали цю пісню кожний своєю мовою.

А коли кілька днів згодом бригада вибійників зібралась на квартирі у Карпа Івановича, бригадир підвівся і, тримаючи келех з іскристим рожевим вином, переказав пісню Урсул-Урзала словами і додав:

— Вип'ємо й ми за здоров'я рідного Сталіна. Хай завжди живе в ньому бадьорість і сила, а у нас не вгасає відданість йому.

Коли випили, Ваньян підняв тост за батьківщину Урсул-Урзала.

— Я не знаю твоєї батьківщини, Урсул, — сказав Ваньян, — мені не довелося побувати в твоєму багатому краю, але я добре знаю тебе, Урсул-Урзал. Ти хороша людина, і у тебе — золоті руки. Значить, і народ твій хороший, і батьківщина твоя рідна й мені.

Далі Чавчавадзе підняв тост за Білорусію, а Куделька — за сонячну Грузію.

У Карпа Івановича схвильовано і радісно билося серце. «Ось він, наш народ, ось його непохитна дружба. Вони всюди знаходять у нас в країні куточок для свого серця, скрізь вони живуть своєю Батьківщиною».

Радісна зустріч тривала до ранку.

И. ЗЕНИН

ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ МЕЧТА

Поезд Харьков — Ворошиловград подошел к Купянску.

— Это ворота Донбасса? — спросил кто-то из ребят у седоусого рабочего, сопровождавшего их от самого Дрогобыча.

— Да, это ворота Донбасса, — ответил тот и, подумав, добавил: — Много таких ворот у нашей Всесоюзной кочегарки; со всех концов страны едут советские люди на подмогу шахтерам, металлургам, машиностроителям нашего края, и везде, на западе и юге, на востоке и севере, гостеприимно открывает Донбасс двери для желанных гостей.

Из его рассказов по дороге молодые люди узнали, какими стремительными темпами восстанавливается Донецкий бассейн, его шахты и заводы, его электростанции и железные дороги, его города и села. Бурное развитие Донбасса требует все новых и новых кадров, и вот на подмогу шахтерам, металлургам и машиностроителям ехали молодые парни из западных областей Украины.

Особенно интересными были беседы старого рабочего Иванова, когда поезд вступил в угольные районы Донбасса. Старик называл станции, и многие из них были связаны со славными традициями, большой трудовой славой и величием социалистического Донбасса.

Поезд прошел вблизи станции Голубовка. За окном вагона показалась шахта с четырехглавым терриконом. Иванов рассказал, что это голубовская шахта № 22 имени Кирова, награжденная орденом Трудового Красного Знамени. Не один раз большая слава шла от этой шахты по всей стране. В 1931 году инженер-коммунист Константин Карташов разработал и применил здесь новую систему непрерывного потока угледобычи. Одним из первых в стране Карташов получил орден Ленина. Позже коллектив шахты проявил себя в борьбе за цикличность, тогда шахту и наградили орденом Трудового Красного Знамени. И в те годы и сейчас шахтой руководит потомственный донецкий горняк Николай Данилович Касауров, которому в прошлом году, в празднование Дня шахтера, было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

За Голубовкой была станция Ирмино. И молодые люди увидели легендарную шахту «Центральная-Ирмино» имени Сталина.

— Здесь, в глубоком забое, на пласте «Никанор», — рассказывал молодежи Иванов, — Алексей Стаханов поставил свой замечательный рекорд, положив начало могучему всенародному движению.

— А Краснодон отсюда далеко? — интересовался Иосиф Ходоровский.

— Краснодон близко, только он в другом конце нашей области. Обживетесь у нас, с'ездите и туда, сходите на могилу молодогвардейцев, в домик Олега Кошевого...

Поезд подходил к станции Алчевск. Рядом с ней дымил металлургический завод. Высоко поднимали к небу головы огромные домны. Это был Ворошиловский металлургический завод — один из «ветеранов» черной металлургии Юга. Иванов с воодушевлением рассказывал о том, что завод недавно отметил свое пятидесятилетие и был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В цехах этого завода до революции работал славный деятель большевистской партии и советского государства, один из соратников великого Сталина — Климент Ефремович Ворошилов, и завод с честью носит его имя.

— А немного дальше, за Ворошиловском, находится орденоносный город Ворошиловград; за заслуги в гражданской войне он награжден орденом Красного Знамени...

Это наш областной центр, там — крупнейший паровозостроительный гигант... Вот вы видели шахты, теперь перед вами металлургический завод, дальше, в Ворошиловграде — паровозостроительный гигант. Вы в царстве угля, чугуна, стали, машин. И знайте, что все это — звенья единой и крепчайшей цепи тяжелой промышленности Донбасса, созданной большевистской партией под руководством товарища Сталина. Здесь рядом, плечом к плечу, работают шахтеры, металлурги, машиностроители. Вот и вы будете вместе с нами возрождать родной Донбасс.

Поезд остановился.

— Вот мы и дома, — сказал Иванов, и юноши стали выходить из вагона. На станции их ожидал представитель школы ФЗО.

— Хорошо было бы научиться работать в цехе машиностроительного завода да делать машины для шахт, — говорил Иосиф Ходоровский.

— Есть такие у нас заводы, специально делают машины для шахт, — ответил представитель школы ФЗО.

— Вот бы попасть на такой завод, — мечтал Иосиф Ходоровский.

— Вполне осуществимое желание. Вот окончишь нашу школу, и могут тебя послать на такой завод...

* * *

...«Окончишь школу, и могут тебя послать на такой завод»... Мог ли мечтать об этом Иосиф Ходоровский в детстве? Его ожидала совсем иная судьба — судьба отца и братьев, работавших на польских панов. Иосиф родился и рос в большой семье украинца-бедняка из села Терло, воеводства Дрогобыч. Теперь это Херивский район, Дрогобычской области. У отца, Ивана Павловича Ходоровского, было 7 детей. Вся семья работала на помещика. Весной, летом и осенью семья работала на полях польского пана, владевшего лучшими землями. Зимой уезжали в отход и работали в горах у лесопромышленников на вывозке леса. С хлеба на воду перебивалась большая семья Ивана Павловича Ходоровского.

И вот в 1939 году, в ту славную незабываемую осень, над исконными украинскими землями взошло солнце освобождения. Выпрямил спину, разогнулся крестьянин

и в западных областях Украины. Осуществилась давнишняя заветная мечта. Вошли трудящиеся западных областей в семью советских народов. Иосифу тогда было десять лет, он ходил в школу. Вместе с освобождением зазвучал в школе его родной украинский язык.

Так пришла новая, счастливая жизнь. Но счастье вскоре было омрачено внезапным и коварным нападением на страну социализма немецких фашистов. Могучая Советская Армия разбила фашистов. В боях за свободу и независимость Родины бился старший брат Иосифа Михаил Ходоровский. Освобожденное от немцев село быстро возрождалось и расцветало. Вновь был создан колхоз. Со своих полей колхозники стали снимать богатый урожай, и вся семья старого, 70-летнего Ивана Павловича Ходоровского работала в колхозе, стала жить счастливо и зажиточно.

Но Донбассу нужны были люди, и молодежь из сел потянулась на заводы и шахты, к индустриальному труду.

— У нас теперь в деревне, — рассказывает Иосиф Ходоровский, — много ребят и девчат уехало на заводы, шахты и фабрики.

Так колхозная молодежь отвечает на призыв родного социалистического государства. Она идет в школы ФЗО и ремесленные училища.

Иосиф Ходоровский шесть месяцев учился в школе ФЗО города Ворошиловска. С ним вместе из его родной деревни учились Владимир Терлецкий, Иван Терлецкий и Иван Маркович. Мастер Колесников отдавал всю душу для того, чтобы сделать из этих простых крестьянских парней квалифицированных рабочих. Кадровые рабочие завода приходили к ним и передавали свой богатый производственный опыт, рассказывали о славных традициях завода.

И вот обучение было закончено. В выпускной вечер встретились юноши с кадровиками завода, ученики покидали школу совсем другими людьми: получили специальность, уже принимали участие в восстановлении доменной печи, и Иосиф Ходоровский особенно ощутил радость, когда увидел, что доменная печь, в возрождение которой вложен и его труд, дала первый чугун.

Иосиф особенно хорошо сдал испытания, и ему был присужден 4-й разряд слесаря-монтажника. И так началось вступление в самостоятельную жизнь.

Осуществилась мечта Иосифа, и он попал на завод, который делал машины для угольных шахт. Это был Ворошиловградский завод угольного машиностроения имени Пархоменко. Осуществилась и другая мечта ребят — им хотелось жить в большом городе. И вот теперь они живут на главной улице областного центра — орденоносного Ворошиловграда.

Иосиф Ходоровский попал в цех металлоконструкций, в бригаду котельщиков-слесарей, которой руководит прославленный на заводе потомственный рабочий Кузьма Ефимович Чугунов. Большого сердца, большой доброты Кузьма Ефимович.

Как родной отец, относится Кузьма Ефимович к молодым ребятам. Весь свой многолетний опыт он передает им. И ребята растут у него на глазах, с каждым днем выполняют все более ответственные задания. И не только производственные навыки, но и любовь к заводу, и к избранной профессии прививает своим питомцам Кузьма Ефимович Чугунов.

* * *

Воскресный весенний день. Ранним утром Кузьма Ефимович вышел из дома в сад. Роса светлыми каплями свисала с веток деревьев. Из земли уже выглядывали яркозеленые стрелки молодой травы. На душе у него было радостно и легко. Как разросся сад. Девять лет назад, когда Кузьма Ефимович уходил на фронт, в саду были разные деревца: одни шли в рост уверенно, другие отставали, а теперь сад выравнялся, дерево к дереву, словно молодец к молодцу. Кузьма Ефимович смотрит на молодую травку, одни былинки уже выскочили из земли на несколько сантиметров, другие только пробили корку земли. Не пройдет и недели, и сплошной зеленый ковер покроет сад. С каждым годом все больше и больше садов в Донбассе.

Кузьма Ефимович ходил в садике и думал о своей бригаде, о том, что еще остается пока разная выработка у членов его бригады. Но он уверен был в том,

что молодые рабочие из Дрогобычской области обязательно подтянутся, он обязательно добьется этого и сделает из молодых крестьянских парней стахановцев. Открылась калитка, и в сад вдруг зашли его ученики: Иосиф Ходоровский и Иван Маркович. Они были в новеньких костюмах. Кузьма Ефимович ласково принял гостей, напоил чаем, рассказал о своей жизни. Его отец — старый луганский рабочий. 35 лет он проработал котельщиком по ремонту паровозов в депо станции Ворошиловград. Сам Кузьма Ефимович с 1919 года работает на заводах Ворошиловграда тоже котельщиком.

— Значит, у вас профессия вашего отца осталась? — заметил Иосиф.

— Да, вот и сын мой тоже намерен быть котельщиком, тоже хочет создавать машины для угольных шахт, — ответил Чугунов.

Затем Кузьма Ефимович надел свою форму с наградами, и все ушли в город.

— Да, завод у нас хороший, — продолжал разговор Кузьма Ефимович, оглядывая веселым взором открывающуюся панораму города. Здесь он родился и вырос, здесь жил и работал его отец.

Заводов было много, они дымили и перекликались радостными утренними гудками. По звуку гудка Кузьма Ефимович мог узнать любой завод.

— Смотрите, хлопцы, — обратился Кузьма Ефимович к юношам, — а ведь шесть лет назад здесь были одни развалины. По улицам нашего города немцы водили старого Тараса и его товарищей... Читали, наверное, книгу «Непокоренные» Горбатова? А посмотрите, чьими именами названы наши ворошиловградские заводы! Они названы именами наших земляков, ворошиловградцев, донбассовцев, славных революционеров, героев гражданской войны, тех, кто сплачивал и поднимал луганский пролетариат на борьбу с царизмом и капиталистами, кто строил и отстаивал советскую власть в Донбассе. Город наш награжден орденом Красного Знамени. Вы понимаете, какая честь работать в таком городе, и работать так, чтобы быть при этом в почете?

— Мы оправдаем эту честь, — взволнованно отвечали юноши. — Спасибо товарищу Сталину за наше счастье.

— Вот поработаете, подучитесь, — продолжал Кузьма Ефимович, — кончите у нас на заводе вечернюю среднюю школу, а там, глядишь, в институт, техниками или инженерами будете. А пока надо работать так, чтобы вами гордилась бригада, весь завод.

* * *

...«Работать так, чтобы ими гордилась бригада, весь завод».

Эти слова бригадира взволновали Иосифа Ходоровского. Бригадир прикрепил молодежь к опытным стахановцам. Сам Кузьма Ефимович шефствует над Иосифом Ходоровским. Кадровые котельщики-стахановцы Перепелица и Сергеев помогают Терлецкому и Марковичу.

Ребята трудятся не покладая рук, и бригадир не без основания говорит о них:

— Старательные хлопцы. Эти далеко пойдут.

Он научил их разбираться в чертежах. Бригадир поручает Иосифу Ходоровскому сдачу продукции мастеру ОТК Курячему. Это опытный и квалифицированный мастер, во время приемки продукции многому учится у него Иосиф Ходоровский.

Работа у котельщиков-сборщиков всегда новая и, как любит говорить бригадир, работа веселая. Бригада соревнуется с бригадой Федора Сергиенко и в этом соревновании держит первое место. Бригада Кузьмы Ефимовича Чугунова собирает углемоечные комбайны, грохоты для обогащения угля, помогает в выпуске угольных стругов.

— С моим участием, — с гордостью рассказывает Иосиф Ходоровский, — бригада уже выпустила пять углемоечных комбайнов, и я очень горжусь этим. Я написал об этом отцу, братьям и сестрам.

Свое задание Иосиф Ходоровский сейчас выполняет на 180—200 процентов. Бригадир уже поговаривает о том, чтобы перевести его в высший разряд.

— Имейте в виду, ребята, — говорит он молодежи, — для того, чтобы получить новый разряд, у нас не обязательно работать на предприятии всю жизнь, как это было в панской Польше. У нас за год, если стараться, можно продвинуться на 1—2 разряда.

Во время перерывов Кузьма Ефимович рассказывает Иосифу Ходоровскому, Ивану Марковичу и Ивану Терлецкому о том, какое место занимает завод в развитии социалистического Донбасса.

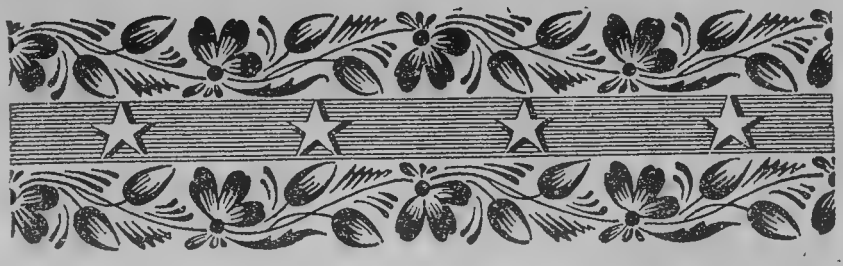
— Посмотрите в окно. Что мы там видим? Собранные и готовые к отправке мощные скребковые транспортеры, угольные струги, углемоечные комбайны. Это — новая техника послевоенной сталинской пятилетки, она идет на перевооружение шахт Донбасса. Чем больше мы своими руками создадим первоклассных машин, тем больше шахтеры добудут угля. И я предлагаю сейчас, в честь тридцать второй годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, которая и обеспечила нам все наши дальнейшие победы и такую победу, как воссоединение украинского народа в едином Советском Украинском государстве, организовать так соревнование, чтобы наша бригада была лучшей на заводе, чтобы об этом знал весь коллектив завода, чтобы об этом вы могли написать своим родителям и землякам в ваше село. Как, ребята?

— Наша бригада будет лучшей на заводе, — ответил Иосиф и с тех пор стал давать по две с половиной нормы. Его имя занесли на цеховую доску почета.

Каждое утро с волнением и радостью приходит Иосиф Ходоровский в полюбившийся ему завод, работает с большим упоением и по окончании смены уходит в образцовое общежитие, расположенное на улице Ленина. В этом общежитии живет 300 молодых машиностроителей. В каждой комнате 4—5 человек. У Иосифа Ходоровского и его товарищей уютная комната. При общежитии имеется библиотека. Иосиф прочел уже много книг. Сейчас он поступил в вечернюю школу. За время работы на заводе он хорошо оделся, стахановский заработок позволяет ему это сделать. Он часто ходит в театр и кино.

Светло и радостно на душе у молодого рабочего. Радостно еще и оттого, что из родного села идут хорошие вести. Братья пишут, что в колхозе собрали богатый урожай и семья обеспечена на зиму всеми продуктами. Брат Михаил теперь работает счетоводом в колхозе, а сестра Роза — секретарем сельсовета. Скоро

Иосиф поедет в отпуск в родное село, там он встретит родных и приятелей и с гордостью расскажет им о том, как счастлива его жизнь, о том, что теперь он имеет замечательную профессию и работает в орденоносном Ворошиловграде, расскажет о том счастье, которое испытывает в труде он, молодой строитель коммунистического общества, попавший на один из ответственных участков этой стройки — край угля, металла и машин, в полюбившийся ему Донбасс.



П. ЕВТЕЕВ

СЧАСТЛИВАЯ ЮНОСТЬ

Когда у хаты Елены Гвоздак остановился зеленый автобус и из него вышел молодой человек в невиданной здесь одежде, старый Петро Грегаши сказал людям, стоявшим вместе с ним около правления колхоза:

— Да неужели это наш Вартоломей возвратился из Донбасса. Ей-ей, это Вартоломей Гвоздак.

Весть эта быстро облетела закарпатское село Ивановку. Скоро к Гвоздакам собрался почти весь колхоз. Юноши с нескрываемой завистью осматривали стройную фигуру Вартоломея в форменной шахтерской одежде, а девушки уже рассказывали друг другу о подарках, которые он привез сестрам и матери.

— Ну что ж, брате, расскажи людям о шахтерской жизни, — говорил председатель колхоза Стефан Ревак.

И в эти минуты в памяти Вартоломея промелькнули картины недавнего прошлого. Осень 1947 года. На вокзале города Мукачева собралось несколько юношей, решивших поехать в Донбасс.

Тогда говорил Стефан Ревак:

— Великая честь тебе выпала, Вартоломее. Работай на Донбассе так, чтобы только добрая слава шла о тебе в Закарпатье.

И поезд увез его на восток.

О Донбассе Вартоломей многое слышал. Уже перед самым от'ездом прочитал роман Фадеева «Молодая

гвардия». Беззаветной отвагой очаровали его прекрасные люди Донбасса. Именно эта книга и вызвала у него решительное желание стать горняком. Когда был об'явлен прием в школы фабрично-заводского обучения, Вартоломей первым пришел в приемную комиссию.

— Полюбился мне Донбасс, хочу стать горняком.

Кажется, незаметно промелькнули эти два года, а сколько чудесных изменений в его жизни.

— Как в родной семье, меня встретили в Донбассе,— рассказывает Вартоломей своим односельчанам, — приласкали, обучили и на хорошую дорогу вывели.

С затаенным дыханием слушали его люди...

Жизнь Вартоломея Гвоздака сложилась так же, как и у тысячи его сверстников. Краснодонская школа фабрично-заводского обучения № 146. Лекции мастера производственного обучения Михаила Литвинова, опытного горняка и прекрасного воспитателя. И, наконец, первый спуск в шахту и ободряющие слова мастера.

Вартоломей Гвоздак потом несколько раз в письмах домой взволнованными словами передавал первые впечатления о шахте.

И было чем восхищаться. В Донбассе очень ярко вспоминались те годы, когда Закарпатье еще стонало под гнетом иноземных захватчиков. Каждый год уходили, бывало, люди из Ивановки на поиски лучшей доли. Одни — на сплав леса, другие — на шахты и заводы в разные страны. Сосед Петро Грегаши несколько раз уходил в Бельгию, работал и в панской Польше, на шахтах, и возвращался, как с каторги.

В длинные осенние вечера слушал, бывало, Вартоломей страшные рассказы Петра Грегаши о подневольном труде горняков в капиталистических странах, и шахта вставала в его представлении как место жестоких пыток. Сколько ни ходил Петр Грегаши на заработки, а, кроме увечья, ничего себе не приобрел...

А Вартоломей сейчас уже проходчик, открыватель подземных богатств. Эта профессия полюбилась ему с первого дня.

В бригаде Павла Петровича Маркина, кадрового горняка-орденоносца шахты № 22 треста «Краснодонуголь» его встретили, как брата. Первые дни проходили

в учебе, в усовершенствовании приобретенных в школе ФЗО знаний.

Павел Петрович, который вот уже более 20 лет работает проходчиком и умеет по малейшим извилинам горных пород узнавать направление и мощность угольных пластов, учил молодого горняка:

— Наша профессия самая почетная. Тепло и свет добываем мы для народа. И работать мы должны лучше всех.

Он брал электросверло, и оно в его золотых руках превращалось в чудодейственную силу.

Внимательно присматривался Вартоломей к работе бригадира, запоминал каждое его слово, учился. Прошла неделя, и он впервые увидел свое имя на шахтной доске почета. И в этот день решил Вартоломей, что никогда не уедет из Донбасса.

Как-то на шахту прибыли новые проходческие машины «УМП-1». Новую технику поручили освоить бригаде Маркина.

Каждый винтик на память изучил Вартоломей, как на экране, вставала перед ним работа машины. В те дни он сообщал в письме домой:

«Сегодня у меня большая радость: я перешел работать на «УМП-1». Это такая чудесная советская машина, которая полностью заменила ручной труд. Об ее работе судите сами. Если раньше наша бригада проходила в месяц по 20—25 метров штрека, то теперь мы проходим втрое больше. Расскажите об этом Петру Грегаши, пусть и он узнает, как работают донецкие шахтеры...»

И на шахте, которая стала Вартоломею родным домом, все чаще и чаще называли его имя в числе лучших стахановцев. Не было дня, чтобы он не дал 2—2,5 нормы. Накануне Дня шахтера он даже получил премию от самого министра угольной промышленности СССР.

...Долго и с увлечением рассказывал Вартоломей о шахтерской жизни. И люди внимательно, с радостью слушали его.

О заработке односельчане не расспрашивали — сами все видели. Приехал Вартоломей в новом костюме, второй, праздничный, привез в чемодане. На руке у него часы «Победа». Сестрам купил отрезы на платье, туфли, матери — пальто. А когда старшая сестра Вартоломея

Гизелла вынесла новый аккордеон, сам Грегаши не выдержал, спросил:

— Сколько же ты зарабатываешь, Вартоломей? Ты так много можешь покупать...

— Три с половиной — четыре тысячи в месяц...

Петро Грегаши долго потом повторял сказанное Вартоломеем...

— Три с половиной... четыре тысячи...

В тот вечер, после рассказа о шахтерской жизни, Вартоломей с юношами и девушками пошел в клуб, а старики еще долго не расходились, вспоминая проклятое прошлое и сравнивая его со счастливым настоящим. Из клуба доносились чарующие звуки музыки. Хорошо играет горняк! И пела молодежь новые коломийки о Донбассе:

Ой, чому мні не любити
Свій Донбас рідненький, —
Відколи я на Донбасі,
Жию щасливенький!

* * *

С того дня, когда Вартоломей Гвоздак возвратился из отпуска, его назначили агитатором в молодежном общежитии. И он с большой охотой взялся за порученное ему дело. Много читал о жизни советского народа и трудящихся в капиталистических странах. Сравнивал эту жизнь и рассказывал об этом молодежи. Постоянно интересовался он и жизнью дома, в Закарпатье. Люди там уверенно шли к счастливой зажиточной жизни. А что было до воссоединения...

«Хорошие вести не лежат на месте», — говорится в народной пословице. Из газет он узнал, что в его родном селе Ивановке организован колхоз. Позже мать в своем письме сообщала:

«Дорогой сынок! У нас организован колхоз, и я, как ты мне советовал, вступила в колхоз одной из первых. Недавно мы впервые на своих полях увидели трактор. Наш сосед Петро Грегаши теперь говорит: «Наконец и меня посетила счастливая доля». Твои друзья Иван Лендел стал бригадиром, Петро Грегаши — звеньевым, а Стефан Гвоздак работает трактористом.

В селе теперь каждый день новости, и радости нашей нет конца...»

И он рассказывал молодым парням об этой радости.

Новое, радостное было ежедневно и у него самого. Недавно ему присвоили звание горного мастера. В клубе и в нарядной шахты появились лозунги, призывающие молодых горняков работать, как знатный стахановец Вартоломей Гвоздак. Свою годовую норму он выполнил еще в августе месяце. Теперь стахановец Гвоздак сам учит молодежь, прибывшую из школ ФЗО.

Готовясь к 32-й годовщине Великого Октября и 10-летию воссоединения украинского народа в едином Украинском Советском государстве, коллектив шахты № 22 взял новые, повышенные обязательства. Вартоломей Гвоздак стал на стахановскую вахту в честь праздника и дал слово ежедневно выполнять не менее двух норм. Свое слово он выполняет крепко.

Молодежь уважает Вартоломея как агитатора. Умеет он интересно построить беседу, вызвать интерес у слушателей, натолкнуть на искренний разговор. Беседу о прошлой жизни трудящихся в Закарпатье слушали горняки с огромным вниманием.

— Я расскажу вам, товарищи, о тех изменениях, которые произошли в моем родном селе, — начал он свою беседу со своими сверстниками. — Эти изменения характерны для всего Закарпатья...

Это был рассказ о том, как бедствовал народ, насильно оторванный от своей родины, о том, какое счастье в Карпаты принесла Советская Армия-освободительница, созданная и воспитанная великими вождями Лениным и Сталиным. Вартоломей рассказал о горькой судьбе своего отца, о жизни соседа Петра Грегаши и многих других односельчан, которые весь век гнули спины на магнатов и в жизни которых не было ни одного светлого дня.

— Как дивную сказку, передавали тогда в Карпатах вести о Советском Союзе — стране социализма, — рассказывал шахтерам Вартоломей, — и вот осуществилась заветная мечта народа. Закарпатье стало неот'емлемой частью Советской Украины, Советского Союза, и мы спасены от ига помещиков и капиталистов. Всего один год

не был я дома, — продолжал Гвоздак, — а сколько нового увидел, когда приехал в отпуск. Село свое родное не узнал. Вместо старых темных хатенок построил наш колхоз, который носит имя Никиты Сергеевича Хрущева, 40 новых просторных и светлых домов. В одном из них живет моя мать. В каждой семье теперь изобилие. Колхозный строй вывел людей из темноты и беды. В прошлом году на нашей земле был выращен небывалый урожай. Рядовые колхозники, мои земляки из Береговского округа, впервые удостоились высоких наград. Я хорошо знаю бывших помещичьих батраков Павла Бачкая, Юрия Бенедеку. В прошлом году они собрали высокий урожай винограда — по 100 центнеров с гектара — и получили высокое звание Героя Социалистического Труда. Орденами Ленина награждены наши соседи Илья Мольнар, Мария Хробак, Иосиф Челле. Впервые в истории труд закарпатского крестьянина нашел достойную оценку.

— А сколько чудесных превращений в культуре нашего села, — все говорил и говорил Гвоздак. — Год тому назад оно было уже радиофицировано. В центре выросли Дворец социалистической культуры, библиотека, новая школа, больница. А сегодня я получил письмо от председателя колхоза, и он сообщает, что началась электрификация домов колхозников.

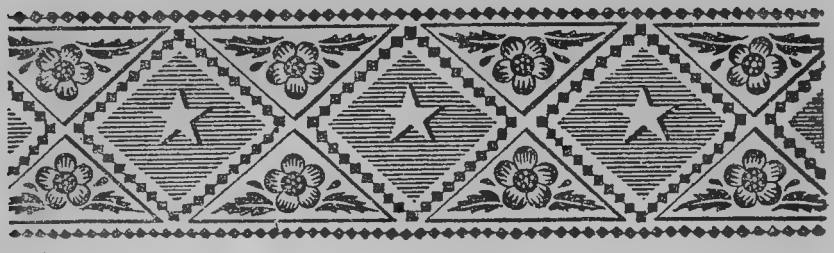
— Но самым большим завоеванием партии Ленина — Сталина за эти годы в Закарпатье является рост самих людей, — заканчивал Гвоздак свой рассказ. — Большевистская партия разбудила нас к активному участию в общественно-политической жизни. Вековечная мечта народа — стать хозяином своей судьбы в своем воссоединенном государстве — осуществилась. Взошло солнце над Закарпатьем, немеркнущее солнце свободы, радости и счастья. Горячую благодарность большевистской партии, великому отцу Сталину выражают трудящиеся Закарпатья, перед которыми открыт путь к светлой мечте человечества — к коммунизму.

Уже закончил Вартоломей свой рассказ о дивных переменах, принесенных Великой Октябрьской социалистической революцией в Закарпатье, а молодые горняки еще долго не расходились. И то, о чем рассказал юноша, который еще недавно сам ходил батрачить к помещику, особенно волновало всех.

В этот вечер Вартоломей написал в письме домой:

«Готовлюсь поступить учиться в горный техникум. На шахту ежедневно приходят новые машины, и нужно учиться, чтобы хорошо ими овладеть. А потом думаю учиться и дальше, буду инженером. Возможно, наш сосед Петро Грегаши усомнится в этом. Так вы ему скажите: в нашей социалистической стране все для народа.

А эта моя мечта обязательно осуществится».



И. ФЕДОРОВ

БОЛЬШЕВИКИ

В июне Никифор Голуб стал водителем комбайна «Донбасс». Вчерашний навалоотбойщик управляет сложной машиной. И никто не удивляется, что бывший навалоотбойщик, всю свою жизнь имевший дело с обушком и лопатой, в совершенстве овладел комбайном.

В этом факте, как солнце в капле воды, отразилась закономерность нашей жизни. Советский человек, где бы ни был он, всей душой тянется к новому. Чувство нового — неот'емлемое качество его характера, и какие трудности ни встретились бы на пути, он своего добьется.

С неиссякаемым упорством и страстью овладевал Голуб сложной машиной. Присматривался, как рабстают старые машинисты, читал книги, советовался с механиками. Ему было куда трудней, чем другим комбайнерам: они пересели на комбайн с врубмашин, а он пришел от обушка и начинал с азбучных истин...

Дружеская помощь коллектива и сознание долга придали ему силы и уверенность. Скоро он сам впервые повел комбайн. Он изучил повадки чудесной машины, которая избавила его от обушка и лопаты, полюбил ее и старался выжать из нее все, что она могла дать. Но на участке не ладились дела. Голуб прислушивался, как работают комбайнеры на других шахтах. И, узнав, что Алексей Бочарников разрабатывает новый график

организации труда в комбайновой лаве, поговорил с коммунистами своего участка.

— Сквозной график — это то самое, чего недостает нам, — согласился начальник участка Алексей Збарский. — Почему у нас простаивает комбайн? Главным образом потому, что недостает порожняка. Бочарников правильно сделал. И нам надо увязать работу комбайна с работой подземного транспорта, создать единый поток угля от лавы до уклона!

Коммунисты Никифор Голуб и Алексей Збарский поговорили о сквозном графике в партийном бюро, потолковали с горняками.

— Давайте созовем общее собрание рабочих участка и подземного транспорта, — посоветовал парторг шахты Павел Верещагин. — Вместе и договоримся, как улучшить подачу порожняка на участок.

На днях в партийном бюро шахты слушали отчет партгруппорга подземного транспорта Ивана Котелкина. Партийное бюро поставило перед движенцами задачу — добиться, чтобы наклонные стволы пропускали за сутки не 350, а 500 вагонеток. В трех лавах уже работали комбайны, и чем лучше они осваивались, тем гуще становился поток грузов на подземных магистралях. Движенцы не успевали вывозить уголь, не подавали вовремя порожняк на участки. На уклонах образовывались пробки. Здесь был главный узел, и партийное бюро шахты поставило перед движенцами задачу развязать его в самый короткий срок. Предложения коммунистов четвертого участка, которые первыми заговорили о сквозном графике, подоспели в самый разгар борьбы движенцев за увеличение оборота порожняка.

На собрании движенцев и горняков четвертого участка разговор шел о порожняке. Почему отстает подземный транспорт? Что собираются делать движенцы?

— Стараемся, — оправдывался начальник подземного транспорта Тимофей Кузнечиков. — Вы сами видите...

— Плохо стараетесь, — сказал Збарский. — Вы нас держите.

— Плохо мы еще работаем, — согласился Кузнечиков. — Но мы будем пропускать по уклонам около 500 вагонеток в сутки. Все силы бросили на достижение это-

го. Мы решим задачу, но и на участках надо навести порядок. Надо удлинить разминовку под уклоном, чтобы формировать потяжелей составы для нашего участка, а наши машинисты не ударят в грязь лицом.

— А ведь правильно, — поддержал его Голуб. — Сильные у нас электровозы, и машинисты толковые.

— Над таким делом стоит поломать голову, — согласился Збарский. — И под лавой у нас надо удлинить розминовку. И чтобы порожняк подавали не вручную, а машиной...

Встреча двух коллективов была шумной, горячей и деловой. И горняки передового участка, и движенцы по-хозяйски подошли к делу, договорились по всем пунктам, установили сроки. На другой день после собрания Збарский приказал своим дорожным мастерам проверить откаточные пути от уклона до самой лавы, выравнять их, очистить от хлама, где надо — капитально отремонтировать.

— Сделать все на совесть, — сказал он мастерам. — Чтобы машинист вел электровоз на самой высшей скорости и не думал о путях! Дайте ему полную гарантию!

Бригады удлинили разминовки. Под уклоном расширили коренной штрек, чтобы протянуть вторую линию путей, под лавой поставили вторую стрелку.

Движенцы тоже перестраивались. Обслуживать передовой участок, который первым переходил на сквозной график, послали лучших на шахте машинистов электровозов — Марию Кардецкую и Галину Сахно. Потом пересмотрели расстановку сил. Раньше составы порожняка под уклоном формировали сами машинисты. На этом они теряли в каждый рейс полчаса. Плитовые, уплотнив свой рабочий день, взяли формирование составов на себя и освободили машинистов от подсобных операций.

Первый на шахте участок переходил на сквозной график, и его заботами жила вся шахта. Через месяц — два другие лавы будут работать по сквозному графику, и все хотели, чтобы с первого же дня, без раскачки и лихорадочных рывков, участок взял рассчитанный производственный ритм.

На четвертом участке, как и на движении, пересмотрели расстановку сил: Никифор Голуб замечал каж-

дую мелочь и делал это не потому, что он придирчив по натуре. Не умеет он работать как-нибудь, полагая, что со временем все утрясется и войдет в положенную норму. Требовательный к самому себе, Голуб не прощает и другим промахов, и за это его уважают на шахте. Это фронтовая закалка. Такой характер у всех, кто прошагал под огнем от Сталинграда до Берлина и Вены. Тринадцать раз получал автоматчик Голуб благодарность Верховного Главнокомандующего за верность Родине, смелость и отвагу, за то, что на Мамаевом кургане рядовой Никифор Голуб стоял насмерть. В суровую годину, когда решалась судьба Родины, он стал коммунистом. Боевые ордена и медали лучше всяких рекомендаций говорят о том, что он был достоин высокого звания. В прошлом году навалоотбойщику Никифору Голубу присвоили звание Героя Социалистического Труда. На его груди рядом с орденом Ленина и медалью «За трудовую доблесть» засверкала золотая медаль «Серп и молот».

Переход на сквозной график был серьезным экзаменом для горняков четвертого участка, и они оправдали надежды шахты. В этом заслуга коммунистов. Они были душой борьбы за новые методы организации труда. В первый же день работы по новому графику партгруппорг участка, машинист комбайна Никифор Голуб взял за смену полный цикл. Лава на четвертом участке небольшая, но раньше ее не подрубывали и за сутки. Небывалый успех Голуба взволновал и обрадовал всех горняков. Они на деле ощутили силу сквозного графика.

Участок выходил на большую дорогу, и коммунисты повели коллектив в новое наступление.

— Цикл у нас весит 160 тонн угля, — подсчитал Збарский, — а мы сможем давать по полтора цикла! Как думаешь, Никифор Гордеич? — спросил он у Голуба. — Осилим?

— Осилим, — сказал Голуб. — Должны осилить!

Горняки четвертого участка сдержали слово. В июле они выполнили план добычи угля на 164 процента. За все время, сколько существует шахта «Ново-Мушкетово», никто еще не добивался такого успеха. Это сделали люди, в совершенстве овладевшие замечательными ма-

шинами, умеющие дерзать и не успокаивающиеся на достигнутом.

И еще лучше они работают в августе. За первую неделю коллектив передового участка дал эшелон угля сверх плана.

— Нам надо пересмотреть программу, Алексей Васильевич, — предложил Голуб начальнику участка. — О нас говорит вся шахта, слава большая, а угля даем не так уж много. Если работать — так работать в полную силу!

— Давай посчитаем, потолкуем с народом, — согласился Збарский. — Нельзя нам топтаться на месте.

Голуб и Збарский посоветовались с горняками, которые поддержали коммунистов. Начальник участка на другой день написал докладную записку на имя начальника шахты, в которой просил увеличить план добычи угля. Он писал о том, что горняки четвертого участка хорошо овладели новой техникой, освоили сквозной график, и, стало быть, новое, повышенное задание будет им под силу.

Начальник шахты удовлетворил просьбу.

Четвертый участок перевыполняет и увеличенный план. Если в июле среднесуточная добыча не превышала здесь 160—170 тонн, то в августе она достигала в отдельные дни 240—260 тонн. На ходу, не требуя передышки, горняки передового участка взяли новый, учащенный ритм, и, равняясь на них, стали лучше работать движенцы, другие участки.

Днем и ночью по подземным магистралям громыхают составы, комбайны режут пласты, и уголь идет на-гора. К концу года на шахте «Ново-Мушкетово» не останется ни одного обушка, ни одной лопаты. Это не предположения или добрые пожелания. Сегодняшний день шахты — это боевая, четкая работа четвертого участка. Новомушкетовцы говорят о едином для всей шахты сквозном графике, и не приходится сомневаться, что так оно и будет, потому что их борьбу за новое, за технический прогресс возглавляют смелые, умеющие дерзать люди — коммунисты.

Ю. ЧЕРНЫЙ-ДИДЕНКО

ВЕЛИКАЯ СИЛА НАРОДА

— Неужели ты в самом деле выходил в поле с мотыгой?

— Конечно, а с чем же другим? Была, правда, у отца и деревянная соха, но для нее по нашей земле требовалась бы пара коней, вот и копали землю мотыгой.

— А плуги, металлические плуги? Разве их так никто и не имел на селе?

— Почему никто не имел? Имели. У Василия Владычина были не только плуги, но и машины посложнее. И он охотно соглашался обработать ими землю для неимущих. Только потом такие крестьяне должны были отрабатывать на его землях по десять дней за каждый обработанный гектар. И поп в школе не раз напоминал, что таков божий порядок.

— В школе? Ты все-таки учился в школе?

— Учился. И на колени меня ставили, да еще и гречку в классе на пол рассыпали, чтобы больней было, и линейкой по рукам били, когда не выучил однажды заповедей, и домой не отпускали до поздней ночи, если в чем-либо не угодил наставнику...

Крепильщик Витя Богачук и каменщик Грец заинтересованно расспрашивали своего соседа по общежитию Колю Емца. В их глазах и сочувствие и изумление. Такие рассказы они привыкли встречать в книгах, описы-

вающих давнюю-давнюю пору, или же слушать из уст отцов. А сейчас вот здесь, в стахановском общежитии, среди них, молодых советских шахтеров, сидит ровесник, одногодок, работающий здесь же, на Бутовке, и как-то не верится, что не было у него в детстве ничего отрадного, солнечного. Не было приветливой школы, в двери которой входишь, как в двери родного дома. Не было счастливых часов, проведенных у золотистого пионерского костра. Не было веселого досуга и забавных игр. где-либо в полотняном городке на берегу реки. Не было умных книг, страницы которых раскрывают мир больших чувств и мыслей.

За окнами общежития уже сумерки. Обозначая рельсовый путь на невидимых терриконах, круто поднялись в небо трассы электрических огней. Голубое пламя полыхнуло где-то в конце поселка. То ли электросварщики работают на трамвайной линии, то ли киномеханик распахнул дверь своей будки, чтобы впустить в нее свежий сентябрьский воздух. Коля Емец с улыбкой обводит взглядом лица товарищей. Они так заслушались его, что забыли сегодня и о большом гулянии в Северном парке, и о новом фильме, идущем сейчас на экране рудничного клуба. Друзья, родные друзья! Как хорошо с вами! Но сколько же вечеров надо, чтобы узнали вы все, что пережил Емец! Разве только о мотыге и линейке мог бы он вам рассказать...

* * *

Вот он вспоминает родных. Перед глазами встает преждевременно состарившееся лицо матери и изможденное болезнями, недоеданием лицо отца, и слышится его глухой, надсадный кашель. Кажется, что он не затихает ни на минуту ни днем, ни ночью этот мучительный, разрывающий легкие кашель. Что поделаешь с ним, чем излечишь?

Однажды Даниил Герасимович поехал в Дрогобыч к известному по всей округе врачу. В течение нескольких месяцев собирались нужные для этого средства. Отца сопровождал Николай. Они долго сидели в приемной, дожидаясь своей очереди. Десятилетний Николай Емец

с любопытством рассматривал обстановку приемной, так непохожую на больничную. На стенах картины в позолоченных рамах. На полу ковры. Радиоприемник в углу. Да и люди, собравшиеся здесь, были совсем не похожи на больных — нарядные, сытые. Лишь отец в своей крестьянской свитке выделялся среди всех. Он сидел, то и дело кашляя, и все старались отодвинуться от него подальше. Врач принял Емца последним, предварительно осведомившись, будет ли у него чем расплатиться за консультацию. А консультация заняла всего несколько минут.

— Туберкулез, — выслушав отца, говорил доктор, — ошибиться невозможно — туберкулез. Рекомендую Трускавец. Курорт — прима. Полный пансион. Первоклассные врачи. Чудесный воздух.

— Пан доктор хорошо шутит, — угрюмо сказал отец, — что же, спасибо и за шутку. Вот вам ваши злотые...

Не курорт, а прежняя непосильная барщина ждала отца. Своей земли имелось всего полтора гектара, да и они были разбросаны в трех гиблых местах, на желтой, ничего не родящей глине. Один путь такому бедняку — к Владычину. Вряд ли какая другая фамилия более подходила для этого мироеда. Он владычествовал не только над своими сотнями гектаров земли и многочисленными отарами скота, а по существу над всем Монастырцем, закабалив всю бедноту этого села.

Отец с рассвета до поздней ночи батрачил у Владычина. Заработка нехватало и на нищую, полуголодную жизнь. На три соломинки расщепляла мать каждую спичку, чтобы сэкономить лишний грош. И без того скупая щепотка соли делилась на еще более маленькие доли. Лишь по большим праздникам зажигалась в доме керосиновая лампа. Что ждало Николая Емца впереди? Еще один класс сельской школы, — ровно столько, сколько надо, чтобы, не сбившись, пересчитать число голов во владыческих стадах, — а затем долгие, долгие годы подневольного безрадостного труда. Уже пошел батрачить старший брат — пятнадцатилетний Иван. Уже и Николай в летние каникулы нанялся работать на птичник, чтобы хоть чем-нибудь помочь семье.

Но недаром и отец и тысячи других селян Западной Украины связывали свое будущее и будущее своих детей с одной давней, сокровенной мечтой

— Там, за Збручем, нет Владычиных, нет злыдней,— говорил старый Емец, — за Збручем для трудового люда счастье и вольность. Из-за Збруча придет и к нам светлый, добрый день...

И он пришел этот светлый великий день в знаменитую осень тысяча девятьсот тридцать девятого года.

Вот уже минуло после этого десять лет, но пусть пройдет еще и еще столько же, а никогда не изгладится, не потускнеет в памяти радостное цветение этого дня, его солнечные краски, его праздничное оживление.

...Краснозвездные танки шли по улицам Монастырца, и ковер живых цветов расстилался перед их гусеницами; степные цветы — сердечный приветственный дар — летели к запыленной прославленной броне: цветами украшали селяне шлемы мужественных советских танкистов.

— Братья! Слава вам, братья! — эти тысячеусто повторяемые возгласы, не умолкая, сопутствовали победному маршу Красной Армии, и не было в этот день в Монастырце такой хаты, где бы праздничной скатертью не накрыли стол в честь великого светлого события.

А спустя несколько дней Николай Емец читал отцу опубликованное в газетах постановление Народного собрания Западной Украины.

«...Выражая единодушно волю всего освобожденного народа Западной Украины, следуя примеру народов Советского Союза, Украинское народное собрание провозглашает установление Советской власти на всей территории Западной Украины...

Отныне вся власть в Западной Украине принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся».

«... Просить Верховный Совет Союза ССР принять Западную Украину в состав Союза Советских Социалистических республик, включить Западную Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики с тем, чтобы об'единить украинский народ в

едином государстве и положить конец вековому раз'единению украинского народа».

— Перечитай еще раз, сынок, — говорил отец, — да не торопись, читай торжественно, не спеша, чтобы каждое слово западало в душу. Теперь и для нас жизнь не будет мачехой!..

* * *

Николай Емец приехал в Донбасс в 1948 году. К этому времени почти все его старшие сверстники вернулись из армии в Монастырец. Вернулся домой и брат Иван — участник штурма Берлина. Николаю — теперь тоже возмужавшему, подросшему — предстояло потрудиться на другом фронте — на фронте восстановления Донбасса. Он много наслышался об этом крае, много читал в газетах о его знатных людях, и живые впечатления оказались куда ярче, куда богаче, чем все прежние представления.

В первый день приезда на Калиновку, в школу ФЗО № 249, он долго не ложился спать и смотрел с крыльца школы на множество огней, рассыпавшихся в ночи. Одни из них — ослепительно белые — горели совсем близко, другие гнездились далеко в лощинах и еле-еле мерцали, а еще дальше над крупными железнодорожными узлами, над комбинатами тысячи огней как бы сливались в одно трепетно золотистое сияние. Какой из этих огней окажется его доброй и надежной путевой звездой?

Утром с Емцем беседовал директор школы. Директору понравилось, что, несмотря на утомительный путь, совершенный накануне, новичок явился аккуратно заправленный, подтянутый: гладко зачесаны назад волосы, белый подворотничок подшит, совсем по-армейски, до блеска начищены ботинки. Видимо, понял паренек, что сегодня на многие годы вперед решается его судьба, и захотел встретить этот день празднично.

— Ну так, кем хочешь быть, товарищ Емец? — одобрительно глядя на будущего шахтера, спрашивал директор. — Что тебе нравится? Можем обучить и выпустить тебя забойщиком, плотником, крепильщиком, бурильщиком. Говори!

Кем быть? От такого прямого вопроса Емец растерялся. Ему щедро предлагали на выбор любую профессию, стоило только из'явить желание. Однако большинство названных профессий было ему еще незнакомо, и он медлил с ответом.

— Плотницкая работа нравится?

В глазах Емца мелькнуло разочарование. Ведь плотником он мог стать и там, на селе. Стоило ли для этого ехать в Донбасс?

Видимо заметив это разочарование, директор встал из-за стола и подвел Емца к окну.

— Плотники нынче шахтам очень и очень нужны. Посмотри на Донбасс. Вот он перед тобой. Но ты видишь его таким, каким он есть сейчас. А я проработал здесь двадцать лет и вижу его и таким, каким он был до войны, и таким, каким он будет через год, через пять лет.

Указывая на шахты, директор говорил о новых благоустроенных поселках, которые вырастут вокруг них, о дворцах культуры и школах, которые еще предстоит восстановить, о садах и парках, что поднимутся там, где сейчас расстилается степь.

— Плотничай, украшай жизнь, обосновывайся здесь прочно, надолго, как в родном доме, а там будет видно: сменить фуганок на отбойный молоток или на перфоратор здесь всегда тебе предоставят возможность.

Через три месяца Николай Емец стал плотником. Он покинул школу с чувством горячей сердечной благодарности к людям, которые обучили его в такой короткий срок. Работать Емца направили на бутовскую шахту № 4—5.

На Бутовке строили здание для под'емной машины, общежития, дома для шахтеров. Старый мастер Древенец — все называли его запросто Моисеевичем — не мог нахвалиться присланным ему новым плотником. Одинаково сноровисто и добротно он укладывал черепицу на крыше, дранковал стены, изготовлял оконные рамы, дверные лутки и даже стеклил окна, хотя это и не входило в обязанности плотника.

В письме в Монастырец Николай с гордостью сооб-

щал матери о том, что уже начал работать самостоятельно.

«А всем знакомым хлопцам, — писал Емец, — перекажите, что если у них есть думка ехать в Донбасс, то пусть не тянут, а приезжают поскорей, не ошибутся».

Пришло письмо и из Монастырца. Орина Никитична спрашивала, не нужно ли сыну (он-то ведь у нее меньшенький) прислать в посылке сала или чего-либо другого с'естного, не похудел ли он, не нуждается ли в чем.

Николай смеялся, читая это письмо. Для чего ему посылка? Конечно же, не надо. Наоборот, вот чуть больше он здесь свыкнется, и тогда сам пошлет матери какой-либо подарок. Прав был директор школы ФЗО, когда говорил, что тот, кто приезжает в Донбасс, должен обосновываться в нем надолго, как в родном доме. А в этом родном доме, каким стала шахтерская Бутовка для Николая Емца, было всего вдоволь. Он был доволен и чистотой общежития, где в светлой приветливой комнате стояла его кровать, и находившейся поблизости столовой — в любое время дня здесь можно было покушать вкусно и сытно. Был доволен товарищами — Витей Богачуком, Ваней Бельченко. Они работали на шахте уже давно и могли по праву считать себя опытными заправскими горняками и, однако, сразу же приняли Емца в свою среду, как равноправного в их дружной семье.

А главное, чем был счастлив Николай Емец — это тем, что в повседневном будничном труде перед ним раскрывался широкий и смелый размах созидательных планов, над которыми трудился весь народ, вся страна, планов, могуче и дальновидно преобразующих жизнь на благо советского человека.

Как-то в клубе чествовали на одном из собраний передовых горняков. С гордостью и любовью называли выступавшие их имена. Кто были они, эти люди, в честь которых торжественно собрался весь рабочий коллектив? Рядовые шахтеры: бурильщик Бевс, крепильщик Федончишин, забойщик Онищенко. Но об их успехах в борьбе за уголь знала Москва, писали газеты. Со сцены зачитывался приказ министра, наградившего передовиков почетными грамотами, званиями. Так чествовался бескорыстный самоотверженный труд.

И невольно Емцу вспомнилось другое, давнее...

Как-то из Монастырца ушел на Бориславские нефтепромыслы селянин Фома Шурлак. Ушел, на долгие годы канул в безвестность. Только семья, что ютилась по чужим углам, помнила о нем. И если спрашивал кто из односельчан, жена отвечала: «Фома казал, продаст руки — купит хату, вот и ждем».

Лучше б ей так не говорить! Через пять лет вернулся Фома и, действительно, с пустым рукавом — отдавило руку при спуске обсадной трубы, — и с... пустыми карманами. И тщетно потом он многие месяцы писал в Борислав и в Варшаву, надеясь получить обещанные ему страховые. Как забывают на промыслах истощившуюся скважину, так всюду забыли про Шурлака.

Какое же счастье, что лишь по воспоминаниям далекого детства знакомы Николаю эти картины. Иной, новый мир оберегал теперь его молодость, матерински растил его. И сколько старания хотелось вложить в работу, чтобы достойно ответить на все заботы.

К январским морозам было закончено строительство основных об'ектов на шахте. Теперь предстояли мелкие поделки на рабочей колонии, в общежитиях. Но не об этом уже мечталось Николаю Емцу. Своими руками он построил здание для под'емной машины, помогал в оборудовании ствола, возводил эстакады, и теперь ему хотелось не отдаляться от шахты, а, наоборот, еще тесней, еще прочней связать свою жизнь с ее светлой, кипучей жизнью. Недавно он просил прораба о переводе на подземные работы. Прораб дал согласие. Договорился Емец и с начальником участка Николаем Филипповичем Цесюрой. Участку требовались крепильщики, и Цесюра охотно пообещал быстро оформить перевод. Николай несколько дней не решался сказать о своих новых замыслах Моисеевичу. Многим он был обязан старому мастеру, многому хорошему у него научился. Как об'яснить Деревенцу свой уход?

— Ну, Моисеевич, расстаюсь я с вами, — как-то в перекур, наконец, признался Емец.

— Это ты о чем?

— А вот смотрите, написал заявление о переводе в шахту. И резолюция уже есть.

— Вот как? — старик изумленно смотрел на своего подмастерья. Ни в чем нельзя было упрекнуть парня. Плотничал аккуратно, с увлечением, с рвением. А тем временем, гляди, какую оказывается мысль носил.

— Поймите, Моисеевич, — как бы оправдываясь, заговорил Николай, — плотницкая специальность хорошая и я на нее не в обиде, но хочется поближе к главному делу стать.

— Ну что же, ты правильно рассудил, сынок. Главное — уголь. Был бы я помоложе, поступил бы по-твоему. Одобряю. В конце концов, погреба отремонтируем и без тебя, в шахте люди с твоей сноровкой нужнее.

Да, главное — уголь. Угли Бутовки шли в топки паровозов, на электростанции, на многие другие важные участки народного хозяйства. Шахте увеличили план. Надо было рассекать новые лавы, подготавливать новые участки. Емец работал крепильщиком под руководством опытного и заслуженного мастера этого дела Аксенова. Они раскрепляли ходок. Плотницкие навыки, как никакие другие, пригодились здесь Николаю. Он ловко заделывал зуб, искусно применяя клинья, укреплял ножки и верхняк так, что вся рама по своей устойчивости казалась вытесанной из одного куска дерева. Что ни день, выполнял по две—три нормы. Это уже была настоящая стахановская выработка. Товарищи по общежитию поздравляли Емца. Но больше, чем эти лестные поздравления, ему запомнился разговор с Витей Богачуком, с которым он обычно проводил большую часть своего досуга.

Разговор этот произошел в парке после просмотра картины «Повесть о настоящем человеке».

— А ты знаешь, — задумчиво говорил Богачук, — смотрю я на тебя, на твою работу, и кажется мне, что ты еще сам себя не нашел.

— Что значит не нашел? Не понимаю...

— А вот рассуди сам. На шахте ты всего год. Срок небольшой. За это время был ты плотником, неплохим плотником. Потом перешел к Аксенову и тоже быстро освоил дело. Так кто же знает, может быть, у тебя настоящее призвание еще не обнаружилось, может быть, ты бы двинул дело и посложнее?..

— Например?...

— Ну например, машину, врубовку...

Емец почувствовал, как к лицу жарко прилила кровь. Казалось, что Богачук прочел сейчас самые его сокровенные мысли, мысли, с которыми он еще ни с кем не делился.

Но он не выдал своего волнения и только спросил:

— Почему ты об этом заговорил именно сегодня, после этой картины?

— Просто подумалось: не всегда то наиболее удачно, что нетрудно. Машину освоить, конечно, труднее, но и благороднее. А у тебя способности есть..

...В способностях ли только дело? Емец уже не удивлялся той легкости, с какой на шахте осуществлялись все его желания. Лишь бы только они совпадали с интересами производства, лишь бы только эти желания диктовались не корыстью, не личной выгодой, а стремлением служит народу во всю силу своего ума и рук.

И однако, когда несколькими днями позже Емец пошел к начальнику шахты и, высказав ему свою просьбу о переводе на машину, получил желанный ответ, то невольно растерялся. А он-то робел, он-то не осмеливался заговорить об этом!

— Пожалуйста, просьбу твою удовлетворю, — говорил начальник шахты, — как раз в машинную бригаду нужен помощник машиниста. Только учти — машина требует больших знаний. Тебе надо подучиться серьезней, всесторонне подучиться.

И Николай Емец учился. Одну за другой он брал в библиотеке книги, знакомившие его с врубовкой, с началами электротехники, с организацией работы в лаве. Благодарно встретил он ту помощь, какую оказали ему в учебе сами механизаторы. Фамилий некоторых из них он даже не знал.

— Зови меня Керимом, — дружелюбно улыбаясь, сказал однажды Николаю участковый электрослесарь, первый об'яснивший ему обязанности помощника.

Не раз после смены Керим задерживался на час и более. Подсев к машине, он обстоятельно рассказывал Николаю, как сменять зубки и смазывать машину, как переставлять и закреплять опорную стойку.

— Веди счет каждой секунде, — говорил Керим, — врубовая бригада больше, чем кто-либо, должна ценить время. Помни, что вслед за тобой в лаву приходят бурильщики, запальщики, отбойщики. Потеряли машинист и его помощник несколько минут, значит для шахты потеряны часы. Вот почему в нашем деле особенно нужна скорость.

Слушая Керима, Емец присматривался к врубовке, ласково поглаживал рукой ее корпус. Умная и послушная машина. Конечно, с ней можно достигнуть желанной скорости, такой скорости, пример которой подавали лучшие машинисты Донбасса.

Николай работал в бригаде Федора Андруса. Они спускались в лаву вместе. Пока Андрус осматривал и смазывал фрикцион и режущую часть его, Емец заканчивал подвешивание кабеля, проверял привод машины. Сменив зубки, начинал вруб. Быстрыми движениями лопаты отгребая штыб, Николай в то же время мысленно рассчитывал, в какую минуту надо подняться вверх, чтобы перенести упорную стойку. Машина простаивала 3—4 минуты, не больше. За это время канат был растянут и закреплен на новой стойке.

Андрус хвалил расторопность и сообразительность Емца.

— Ну и ну, — одобрительно восклицал машинист, — кто бы подумал, что учился ты на плотника? По-настоящему ты зашагал здесь, в машинной лаве.

Николай счастливо улыбался. Еще бы не зашагать, когда рядом с тобой, плечом к плечу, участливые, сердечные товарищи и друзья, когда чувствуешь ты себя в одной большой семье, где нет пасынков, где место каждого определяется его способностями, его любовью к труду, где каждый может найти и осуществить свое призвание. А он, Емец, нашел его, свое призвание, нашел здесь, на донбасской земле, у машины, скорость которой зависит от его мастерства, от его усилий; и разве пожалеешь этих усилий, если речь идет о главном — об угле, так нужном стране.

* * *

Сентябрьский вечер, тихий и звездный. В такой вечер не сидится в комнате. Богачук упорно звал сегодня

Николая Емца в город: можно погулять в парке, можно пойти на спектакль приехавшего на гастроли в Макеевку театра. Николай отказался от всех предложений.

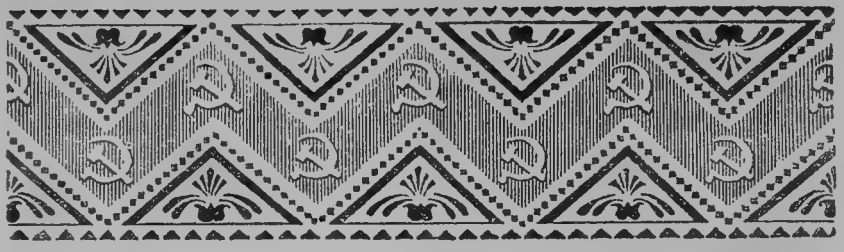
— Ты пойми, я не писал домой уже целый месяц. Сегодня твердо решил заняться письмами и никуда не пойду.

И вот уже двенадцатый час ночи; товарищи еще не вернулись. Новые и новые строчки ложатся одна к другой на лист бумаги:

«Здравствуйте, родные! Вы меня порадовали хорошими вестями. Это радостно, что у нас в Монастырце сейчас организовался колхоз, и правильно вы сделали, первыми вступив в него. Напишите, как называется колхоз, кто избран председателем, есть ли в Жиравинском районе МТС. Мне интересно знать все. Простите, что сам я долго не писал. Я ведь сейчас уже не крепильщик, а работаю на врубовой машине. Времени вначале нехватало, так как пришлось много учиться. Но сейчас уже дело пошло на лад. Наша бригада изо дня в день перевыполняет план, и мной здесь довольны. Доволен и я, ибо нахожусь при главном деле и теперь буду совершенствоваться в этой специальности, не сменю ее ни на какую другую. В письме всего не опишешь, а вот обещают мне вскоре дать отпуск, и тогда уж расскажу все...»

Николай опускает перо и задумчиво смотрит в окно. За окном горят огни Бутовки, но сейчас он не видит их. Перед глазами иное: улицы Монастырца, площадь перед сельсоветом, и он, Емец, шагает через эту площадь и затем по знакомой дороге меж старыми ветлами, шагает в новеньком обшитом позументами костюме, в славной и почетной форме советского шахтера.

Спасибо великому Сталину за это счастье!



Б. ЩАРАНСКИЙ

СЫНОВЬЯ ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ

Поезд мчался на юг.

Мелькали ставки, рощи, беленькие хатки живописных сел и тучные стада коров, лениво бредущих с водопоя. Затем началась донецкая степь с ее садами, крупными населенными пунктами, колхозами, огромными заводами. На горизонте засинели остроконечные шапки терриконов.

Ехавшие в Донбасс ребята не отрывались от окон вагона. Все было необыкновенно интересным. Дмитрий Андрейко стоял у окна и наигрывал на свирели любимую песенку. В своем селе он слыл отличным музыкантом. Никто из его земляков не умел так ловко смастерить свирель, так тепло и трогательно исполнять на ней народные песни. Вот и сейчас наигрывает он тихую, так знакомую всем хлопцам мелодию. Рядом у окна Георгий Махленец. Георгий как будто бы не обращает внимания на родные мелодии. Но Андрейко меняет «репертуар», веселые звуки танца задорно льются в воздухе, и они выводят Георгия из его раздумья.

Умолкают звуки свирели, и Андрей говорит Георгию:

— Не журись, друже! И в Донбассе дивчата не гирши за наших. — Андрейко веселый, балагур-хлопец. Георгий молчаливый, но сейчас он отвечает другу сдержанной улыбкой:

— Не в девчатах дело. Другое у меня. Помнишь, что рассказывал мой батько о тех шахтах, на которых он работал во Франции, а дед наш в Америке?. Что нас ждет...

В закарпатском селе Лохово семью Георгия Махленца в шутку называли «потомственными шахтерами». До сих пор помнят еще в селе, как дед его Дмитрий Махленец спустя год после свадьбы, оставив у родных молодую жену Анцю и только народившегося на свет божий сына Ивана, подался за океан искать счастья. До сих пор вспоминают старики, как горько плакала Анця, упрашивая мужа не уезжать. Но Дмитрий был неумолим. Полтора гектара затерявшейся в горах земли никак не могли прокормить семью, насчитывавшую 8 едоков. А тут еще подрастали братья, сестры. Он должен был уйти, чтобы освободить место другим.

— Америка — файна краина. Всього там багато, а рабочих мало. Пороблю рик и вернусь богачом, — говорил Дмитрий молодой жене то, что он слышал в Мукачево от юркого комиссионера какой-то американской фирмы, носившей очень длинное и запутанное название.

Пятнадцать лет пробыл Дмитрий Махленец в Америке. Батрачил на ферме, работал на табачных плантациях, но скопить денег не мог.

Тогда Махленец пошел работать в шахту. Здесь платили больше. По 10 часов в день, задыхаясь в тесном и смрадном, похожем на звериное логово, забое, он рубил уголь, грузил породу, катал по длинному откаточному штреку тяжелые вагонетки. Не было такой работы, от которой отказался бы Дмитрий Махленец. А богатство все не приходило.

Молодым парнем уехал Дмитрий Махленец из Лохово. Поседевшим, потрепанным жизнью человеком вернулся он в родное село. И никто не поверил бы, если б собственными глазами не видел Махленца, как он за 15 лет изменился.

Шли годы. Отгремела первая мировая война. Лохово, как и вся Закарпатская Украина, стала чехословацкой. Мадьяры ушли, но помещики остались. Земля по-прежнему принадлежит богатеям, и никому нет дела, что количество едоков в каждой хате из года в год растет и прокормиться становится все трудней и трудней.

Следуя примеру отца, отправляется на поиски счастья в чужие края и его первенец Иван. Он уже не очень молод — у него жена и трое сыновей, старшему из которых уже 15 лет.

— Но Франция ведь не Америка! — сказал ему городской нотариус, набиравший по поручению французской угольной компании рабочих для рудников. — Находится она от Лохово совсем недалеко, народ там веселый, вина багато. Даже работают французы с песней.

Когда Иван вторично приехал в Мукачево к нотариусу, чтоб окончательно оформить договор, он узнал, что, помимо него, контракт подписали еще 380 человек, малоземельных и многосемейных крестьян из окрестных деревень. Их посадили в эшелон и отправили к месту назначения.

Франция оказалась действительно веселой страной. Но весело было не всем. Только капиталистам, но бедняков и там много, очень много, и к тому те живут так же тяжело, как и в Америке. Закарпатцев привезли на шахту под усиленной охраной полиции. Полиция разогнала рабочие пикеты, которые пытались остановить новоприбывших, заговорить с ними. Она же и оберегала их от гнева шахтеров после работы. Как узнал потом Иван, горняки этой шахты, не желая дальше мириться с полуголодным существованием, на которое их обрекли владельцы рудника, забастовали. В ответ на это шахтовладельцы привезли мукачевцев. И несмотря на то, что платили закарпатцам значительно меньше, чем французам, присоединиться к бастующим нельзя было. Расценки были обусловлены в контракте. А отказ от работы считался нарушением контракта и грозил тюрьмой. Напуганные тюрьмой, забитые крестьяне полезли в шахту... И забастовка французским шахтерам была сорвана.

Закарпатцы, увидев, в какую беду они попали, не вышли однажды на работу. Но явилась полиция, начались аресты, угрозы ссылкой в тюрьмы Африки, и люди снова смирились...

Когда истек срок контракта, мукачевцы отказались дальше оставаться на шахте. Трудно дома, но и на шахте было не сладко. Как неблагонадежных их выслали из Франции.

Вскоре Чехословакию захватили гитлеровцы. И снова Закарпатская Украина была отдана мадьярским помещикам. Снова венгерские жандармы стали полновластными хозяевами в маленьком Лохово: угоняли скот, забирали хлеб, заставляли людей рыть в горах окопы,

строить оборонительные укрепления, непокорных запирали в тюрьмы, а некоторых казнили. И тогда первый раз в своей жизни увидели лохвичане повешенного человека на майдане своего села.

Когда фашистская Германия набросилась на Советский Союз, старший сын Иван сразу сказал, что не желает подчиняться фашистам, и ушел к партизанам в лес. Его примеру последовали многие крестьяне. А когда в Карпаты пришла Советская Армия, они добровольно вступили в ее ряды.

На этот раз были окончательно изгнаны из Закарпатья паны. Украинцы Закарпатья стали советскими людьми — полноправными гражданами социалистической Украинской державы.

По-иному пошла жизнь у старого Махленца. Пять сыновей, высоких и крепких, как горный бук, выросли у него. Иван и Василий трудятся вместе с отцом в колхозе. Петро работает на мебельной фабрике в Мукачево. Михаил учится в техникуме, Андрей — в десятилетке. Работал вместе с отцом в колхозе восемнадцатилетний Георгий Махленец, пока не попалась на глаза юноше газета, посвященная шахтерам.

Было это в августе 1948 года. Страна Советов в первый раз праздновала День шахтера, превратившийся во всенародное торжество. Газета славила героев угля, самоотверженно работающих под землей. Она рассказывала о новых машинах, вытесняющих тяжелый физический труд из лав и штреков, о подземных трамваях и лампах дневного света, которыми Родина щедро оснащает шахты. Со страниц газеты смотрели портреты убеленных сединами стариков, много лет своей жизни отдавших шахте, и совсем еще молодых горняков, которым Родина присвоила самое почетное в стране звание — Героя Социалистического Труда.

— Вот это жизнь, — говорил старый Махленец, вспоминая бесправную, беспросветную жизнь горняков и в Америке, и во Франции, и в других капиталистических странах. А когда Георгий прочитал в газете об'явление о наборе учащихся в школу ФЗО, ему посоветовал отец поехать в Донбасс.

— Не для того надо ехать, чтобы заработать на лошадь или клочок земли, как об этом мы мечтали, — го-

ворил отец, — сейчас в этом нет никакой нужды. В селе у нас колхоз, у нас достаточно земли и лошадей, и машин. Поезжай в Донбасс для того, чтобы стать знаменитым шахтером. Чтоб не с насмешкой, а с уважением говорили о нашей семье, что мы потомственные шахтеры. То, что не удалось отцу и деду, должен осуществить ты... Поезжай, сыну, — говорил в заключение отец, — бажаю доброго щастя.

И Георгий уехал.

* * *

Двенадцать молодых горняков в новых брезентовых костюмах и касках, сверкающих свежим лаком, стоят у ствола шахты. В их числе и Георгий Махленец.

Обращаясь к столпившимся у ствола ребятам, старый мастер школы ФЗО Никита Кузьмич Шечилин, говорил им: «Изучали мы с вами шахту теоретически, а сегодня посмотрим ее в натуре».

С лязгом вырывается из ствола клеть, заглушая последние слова старика. Рукоятчик отбрасывает предохранительную решетку. Откатчицы выкатывают из клети груженные углем вагонетки.

— Становись, ребята, — командует Шечилин. Но ребята, смущенно переминаясь с ноги на ногу, растерянно смотрят друг на друга.

Шахтеры, столпившиеся у ствола, улыбаются, вспоминают и себя в первые дни прихода на шахту.

Георгий Махленец первым вошел в клеть. Следом пошли другие. Раздался сигнальный звонок. Загремела клеть и пошла вниз. У Георгия захватило дыхание. Ему почудилось, что клеть летит не вниз, а вверх, и он ухватился за руку рядом стоявшего Шечилина.

Блеснул яркий свет электрической лампы, ослепив глаза.

— Вот мы и дома, — об'явил Шечилин. — Немножко осмотримся, и в путь.

Георгий с любопытством оглядывается вокруг. Высокий, просторный бетонированный коридор поражает его. Не такой представлял он себе шахту по рассказам отца и деда. По пути мастер ознакомил ребят с электровозным парком, с насосной камерой, а затем по людскому

ходку направились к месту работы. Когда открывали вентиляционную дверь, сильный порыв ветра чуть было не сбил с головы Георгия каску.

— А мне дед говорил, что в шахте воздуха нехватает, — смущенно сказал Георгий.

— Где твой дед работал? — быстро повернув к парню голову, спрашивает мастер.

— В Америке...

— Что ж ты, парень, сравнил, — усмехаясь в седые усы, говорит мастер. — Твой дед у американских капиталистов работал, а мы у себя дома. В Америке и сейчас шахтеры гибнут. Это американским хозяевам выгодно.

Они сворачивают навстречу яркому свету и какому-то грохоту: с конвейера прямо в вагонетки бесконечным потоком идет уголь.

— Здесь работает комбайн, — говорит мастер. — Это умная советская машина. У американцев таких нет. Да они ими и не интересуются. Мускульный труд им выгоднее...

Они заползают в лаву. Но это не тесная или душная, как во Франции и Америке, нора-выработка, о которой рассказывали Георгию отец и дед, где, задыхаясь от недостатка воздуха и избытка угольной пыли, долбили обушком пласт измученные люди.

Уходящие вдаль металлические стойки высоко подпирают кровлю. Огромная, почти плоская ползет по лаве машина. Большие глыбы откалываемого угля, падая на отбойные диски и штанги, дробятся на мелкие куски, перебрасываются лентой грузчика на скребковый транспортер, который и выносит его из лавы.

Взволнованно следит за работой комбайна Георгий. Подползает к машине и Дмитрий Андрейко. Подняв свой аккумулятор, с нескрываемым восхищением следит он за тем, как кромсает пласт, дробит и грузит уголь эта замечательная машина.

— В Америке не может быть такой машины, — снова говорит мастер. — Капиталистам нет расчета заводить ее. Там рабочий человек дешевле...

И, сделав небольшую паузу, добавил:

— Вглядись в нее получше, хлопец, и непременно напиши о ней своему деду...

* * *

Быстро мчится время, заполненное учебой, работой в мастерских, практическими занятиями в шахте. Когда Георгий поступал в школу ФЗО, была осень. Сейчас уже зима на исходе. Ласково пригревает солнце. Темными пятнами проталин покрылась занесенная снегом степь. Вырвался из ледяных об'ятий Кальмиус. Зазвенели в оврагах и буераках ручейки и речки.

Для шахты это самое опасное время года. Часть воды уйдет в реку, остальная, просочившись сквозь верхние покровы почвы, пойдет к пластам, в шахты. И тогда — держи ухо востро, камеронщик. В эти дни насосы должны работать особенно безупречно. Малейшая заминка может наделать неприятностей.

Георгий это отлично знает. Работает он на агрегате, установленном в 15 метрах от старого заброшенного ствола, служащего сейчас только для вентиляции основной шахты. Водосборник, находящийся в 200 метрах от ствола, еще не восстановлен. И вода, поступающая через завалы на рудничный двор, стекает в зумпф, расположенный под стволом. Отсюда ее и откачивает агрегат, которым управляет Георгий.

Вручая дипломы об окончании школы, директор школы ФЗО говорил:

— Большое доверие оказывает вам Родина. Вы будете охранять от воды шахту и труд шахтера, помогать добывать уголь — основу богатства нашей Родины, ее мощи и славы. Никогда этого не забывайте, ребята... — Георгий этого не забыл. Точно так же, как не забыл он слов Ивана Герца — секретаря сельской партийной организации, сказанные им в далеком и родном Лохово во время проводов:

— Мы хотим тобою гордиться, сынок. Работай честно. Твой труд — это труд всех нас... Как будто бы это мы все там с тобой работаем...

Георгий заботливо ухаживает за своим агрегатом. Принимая смену, он придирчиво проверяет работу мотора, состояние насоса. Нет, никогда не придется краснеть за него ни директору школы, ни родителям, ни Ивану Герцу, ни всем односельчанам. Георгий с удовлетворением оглядывает чисто выбеленные стены насосной ка-

меры, аккуратно подметенный пол, блестящие приборы, фиксирующие работу агрегатов.

И вдруг однажды. он заметил, что с насосом что-то неладно: он резко поворачивается к контрольной трубке. Так и есть. Вода не откачивается. Мотор работает вхолостую. Схватив стоящий на камероне аккумулятор, Георгий выскакивает из насосной камеры. Он бежит к стволу. Магистраль цела. Значит, что-то случилось с храпком, опущенным на дно зумпфа.

Перебравшись через барьер, Георгий торопливо спускается по лесенке в зумпф, но достигнуть дна не удается. После пятой же ступеньки нога погружается в воду. Зеркало воды уже поднялось на полтора метра выше обычного.

Уцепившись обеими руками за шлангу, Георгий пытается вытащить из воды храпок. Но четыре метра шланги весят по меньшей мере 150 килограммов. И груз этот Георгию не под силу.

Дорога каждая минута. Необходимо немедленно принимать меры. А тут, как на грех, никого нет. Даже дежурный слесарь по водоотливу ушел на соседний участок.

Георгий знает, что каждую минуту в зумпфе прибывает почти кубометр воды. Через час зумпф уже будет полон. Вода растечется по выработкам, проникнет в насосную камеру, затопит мотор, а потом доберется и до мотора вентилятора. И тогда шахта выйдет из строя. Надо немедленно принимать все меры.

Скинув тужурку, брюки и обувь, Георгий спускается в зумпф. Холодная вода обжигает тело. Зажав ноздри, Георгий погружается с головой в воду...

За этим занятием и застал его десятник вентиляции старый Максим Недоля. Подойдя к стволу, он при свете своего аккумулятора увидел Георгия, поднимавшегося из зумпфа. Одной рукой он держался за поручень лестницы, в другой держал вытащенную из храпка какую-то тряпку. Об этом случае все шахтеры потом узнали, и авторитет Георгия в их глазах вырос еще больше.

* * *

В уютно обставленной комнате, прикрыв газетой белоснежную скатерть, чтобы не залить ее чернилами, Георгий писал в Лохово своим старикам письмо. Писал он большими буквами, крупным, размашистым почерком,

потому что родители были малограмотными и только два месяца как закончили созданную в колхозе школу ликбеза.

«Мечта моя сбылась, — писал он. — Я стал шахтером. Я откачиваю из выработок воду. Это одна из самых ответственных профессий на шахте, и я этим очень горжусь. Вчера за самоотверженную работу начальник шахты вынес мне благодарность. Передайте Ивану Герцу, что никогда не придется лоховичанам за меня краснеть.

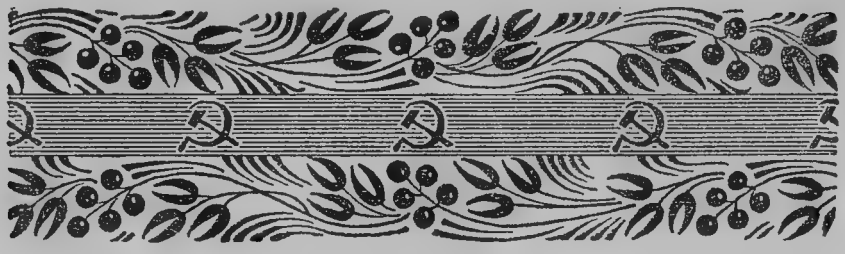
Вместе со мной на шахте работает еще несколько хлопцев из Мукачевского района: Павел Гузинец из Вышней-Возницы, Дмитрий Тричинец и Дмитрий Андрейко из Великих Лучек, Юрий Глагола из Гребовиц, Петр Чечура из Шелестова. У всех у нас разные профессии. Но цель одна: мы хотим стать мастерами своего дела, чтобы сам товарищ Сталин мог сказать: молодцы, закарпатцы!

Зарабатываю я больше тысячи рублей в месяц. Есть у меня сбережения. Если вы нуждаетесь в деньгах, напишите — вышлю».

Спустя полмесяца Георгий получил от родных ответ и посылку. Отец писал, что не те сейчас времена в Закарпатской Украине, когда крестьяне посылали своих сыновей в заморские города, чтобы их заработком поддержать бедное хозяйство. Дружная работа в колхозе принесла богатый урожай. Дома сейчас всего вдоволь. Они не только не нуждаются в его деньгах, но, если понадобится, могут и ему помочь.

— «Спасибо товарищу Сталину! — заканчивали старики этими словами письмо. — Родной отец наш товарищ Сталин спас нас, стариков, от рабской жизни и создал нашим детям такую жизнь, что нам и во сне не виделась. Будь же, сынок, достоин звания советского шахтера».

Георгий читал письмо друзьям, и они все радовались и за себя, и за отцов, и за всю свою великую Родину — могучий, непобедимый Советский Союз.



Ф. КОЖУХОВ

КЛІМАТ ДОНЕЦЬКИЙ

І

Федір Освальд був ще зовсім молодий, коли ім'я славного забойщика країни Олексія Стаханова стало відомим у всіх кутках нашої Батьківщини. Федір зрозумів, що він не міг бути осторонь цього чудового руху. Бути стахановцем — це значить активно будувати наше соціалістичне життя, підносити могутність нашої великої Батьківщини.

Коли він приїхав на шахту «Кочегарка» разом з своїми друзями, начальник дільниці зразу ж звернув увагу на цього кремезного, дужого юнака. В його мовчазній, зосередженій постаті начальник побачив майбутнього шахтаря.

Він підійшов до Федора, взяв його під руку і провів через усю нарядну до групи шахтарів, що сиділи на лавці.

— Знайомся: це Яків Тристичев, кращий наш майстер вугілля. Він під землею пройшов таку путь, яку ти ще не встиг пройти по землі. З якого року? З двадцять восьмого? Ну, значить, я не помилився... Будеш у нього вчитись.

Тристичев, почувши про себе таку характеристику, розкотисто розсміявся і, простягаючи юнакові міцну руку, ласкаво оглянув кремезну постать Федора.

— Значить, забойщиком хочеш бути... Схвалюю, кадри нам потрібні.

Підбадьорений теплою зустріччю, Федір перестав відчувати ніяковість в новому шахтарському костюмі, який він одягнув перший раз у житті.

— А сам звідки будеш?

— Чернігівський, — відповів Федір.

— А я, брат, орловський, — задумливо пробасив старий шахтар. — Та тільки родом, а весь час я живу в Донбасі. Клімат донецький для мене найкращий в світі.

«Який же хороший народ шахтарі, — думав Федір. — А як люблять шахту... Коли б мені так полюбити своє діло...»

На «Кочегарці» Тристичев навчив не один десяток молодих робітників. В своєму новому учневі він одразу помітив неабиякий хист. Здавалось, він народився для славних гірницьких справ. І вчитель весь свій багаторічний досвід прагнув якнайповніше передати новому учню. Більш, ніж звичайно, затримувався він в уступі, де працював Федір, повчав його, як краще й легше робити розборку кутка.

— І здоровенна ж сила в тебе! — говорив він Федорові. — Та одною силою вугілля не візьмеш, витрачай її економно. Головне — вміти знайти вразливе місце — заборку, а тоді пласт сам розкриється перед тобою...

Невдовзі про Федора Освальда заговорили як про хорошого забойщика. Кадрові шахтарі жартували з Тристичева:

— Диви, Яшо, як би учень не обігнав свого вчителя.

Та це не бентежило гірника, а скоріше радувало, вселяло в нього законну гордість.

Комсомольсько-молодіжна дільниця, куди прийшов працювати Федір Освальд, вважалась одною з важких на шахті. Вугілля міцне, пласт малопотужний, і недарма він називався «Солоним». Досвідчений шахтар особливо кропітко, старанно навчав Федора майстерності кріплення, від чого на цьому пласті залежав успіх справи. На новій дільниці вже працювали товариші Освальда, які приїхали з села: Олександр Івашкін, Іван

Зайко, Володимир Івченко та інші випускники гірничо-промислового училища.

— Важкенько тут, — скаржились йому товариші. — Покрівля, як решето.

У великій нагоді став Федорові досвід кріплення, що він його перейняв у свого вчителя. І він охоче ділився ним з товаришами, у всьому їм допомагав. А сам вже на другий місяць роботи завоював звання майстра вугілля.

Серед молоді розгорілося змагання за кращу зміну, бригаду, з тим, щоб вивести дільницю в число передових.

II

Гарна Горлівка в години заходу сонця, особливо коли дивитись на неї з моста, що з'єднує місто з «Кочегаркою». Сонячні промені примхливо ковзають по високих кронах стрункіх тополь. Хвилина, і зелена шапка міста потонула у вечірньому серпанку. І тільки на вершині двоголового терикону грає сонце, поділяючи його надвоє ясним промінням. Федір, як зачарований, дивився на донецький пейзаж. Десь баяніст награвав задушевну мелодію.

...Там на шахте угольной
Паренька приметили,
Руку дружбы подали,
Повели в забой...

котилось по проспекту.

Приємне хвилювання охопило його. Чи думав до цього чернігівський хлопець, що ось тут і почнеться його справжня шахтарська біографія. Федір пригадав Часівярський цегельний завод, де він працював до переходу на шахту і де його приймали в комсомол.

— Біографія у мене коротка, — хвилюючись розповідав він на зборах, — вірніше — немає її ще в мене... Мені дев'ятнадцять років, я добровільно приїхав на Донбас. Думав, зразу пошлють працювати на шахту, а направили чомусь сюди...

Ось тут-то і почалось... Одні говорили, що він неправильно думає. Вугілля країні, безумовно, дуже

потрібне. Але зараз кожна ділянка роботи важлива і відповідальна.

— А ти знаєш, що таке шахта? Це тобі не завод цегельний!

— Я й кажу, що не завод цегельний, — палко відповідав Федір. — Шахта зараз те місце, де проходить передова лінія боротьби за п'ятирічку.

Через місяць була задоволена його просьба про перевід на шахту.

III

З повагою заговорили на шахті про комсомольсько-молодіжну дільницю, коли вона перейшла на колективну стахановську роботу. Вдало застосований метод забійщика Олександра Тюренкова приніс їй справжню славу. Уже в перший місяць видобуток тут збільшився в півтора раза. Всі забійщики стали перевиконувати норми. Тепер, коли в півтора — два рази подовжили уступи, було де розгорнутись Федорові Освальду і його товаришам. В січні Федір установив перший свій рекорд — дав 940 процентів норми, а в лютому знов поставив рекорд — за 8 годин виконав 11 норм. Звістка про це рознеслася по всіх дільницях.

— На такому пласті дати такий виробіток — це не жарт, потрібна велика майстерність, — схвально відзивались кадрові шахтарі. — Значить, молодь здорово «насолила» примхливій дільниці «Солоний захід».

На-гора молодого шахтаря і його товаришів з квітами зустрічали активістки шахти. Останньою підійшла до Федора з величезним букетом дівчина в смугастій косинці.

— Це тобі, Федя, від молоді нашого цегельного заводу, — сказала вона.

То була Тоня, з якою він подружився, працюючи на Часівярському заводі.

На другий день Федір до початку своєї зміни водив дівчину по шахті, розповідав їй про нові механізми, які полегшують труд гірника, знайомив з своїми товаришами.

— Тоню, ти зважай на те, що це ж «Кочегарка». Її знають не тільки у нас в країні, шахту нашу знають і

за кордоном. У нас на шахті зберігається невелика шахтарська лампочка, подарована англійськими шахтарями на знак гарячої дружби... Оце копер шахти № 3. Тут я працюю. Шахта наша ще в минулому році перекрила довоєнний видобуток і дає тепер стільки вугілля, скільки заплановано на 1950 рік.

В нарядній поруч з старими уславленими гірниками висів портрет і Федора Освальда.

— А це — Яків Андрійович Тристичев, — сказав Федір, — мій учитель, про якого я писав у листах. Йому я зобов'язаний своїми успіхами.

IV

Перше, що впало в очі Івану Зайку, коли він прийшов з роботи в гуртожиток, — це страшне безладдя в їх кімнаті: жодне ліжко не було заправлене, чого раніш ніколи не траплялось.

— Що б це значило? — подумав він. — І куди всі поділися?

В цю мить в дверях з'явився схвильований Олександр Івашкін.

— Що з тобою? Чи хто женеться?..

— Та як же... Все місто виміряв, всі магазини обшарив... І ніде нема.

— Чого нема?

— Та немає... потрібних меблів... Подарунок від нас. — А трохи заспокоївшись, додав: — Е-е... так ти ще не в курсі. Федір же від нас відходить. Жениться на Тоні. Одержав сімейну квартиру в центрі міста.

...Весь день в новій квартирі Освальда не припинялась метушня. Товариші допомагали розставляти меблі. Молодим хазяям подобалось чисто все, що пропонували друзі.

Після відпустки бадьорим, з новими силами Федір повернувся на дільницю. На шахті готувались до свого свята — Дня шахтаря. Гірники брали підвищені зобов'язання, готували виробничі подарунки. Федір також взяв зобов'язання: виконати до знаменного дня дві норми і підготувати одного учня.

Петро Хахілєв, начальник комсомольсько-молодіжної дільниці підвів до Федора новака, на якому шахтарська спецівка сиділа незграбно, мішкувато.

— Знайомся: Федір Освальд, наш майстер вугілля. Буде вчити тебе.

Федір привітно подивився на майбутнього забійщика і, пригадавши свою першу розмову з Яковом Тристичевим, спитав:

— Звідки родом?

— З Закарпаття, — відповів хлопець.

— А я, брат, чернігівський. Та тільки родом. А тепер я працюю в Донбасі. Клімат донецький для мене найкращий у світі.

...Да, клімат донецький — чудесний клімат.

Клімат, в якому зростали Олексій Стаханов, Денисенко, Тюренков і сотні та тисячі інших наших славних стахановців, припав до душі і Федорові Освальду. Зараз ім'я цього молодого забійщика лічиться в рядах передових людей Донбасу.

Животворне повітря донецького краю, воно насна-жує радянських людей-трудівників, які відроджують свій край і впевненими кроками йдуть до комунізму.

П. ФЕДОРЕНКО

ВОЛЯ К ПОБЕДЕ

Шел август 1948 года.

На шахту № 3-бис треста «Чистяковантрацит» прибыл первый горный комбайн «ГУК—1». Замечательный подарок машиностроителей ко Дню шахтера принял коллектив тринадцатой западной лавы. На митинге перед своими товарищами горняки этой лавы дали слово сократить время освоения новой, неизведанной машины и взять от нее все, что она способна дать по законам техники и передовой стахановской технологии.

Прошел год, и хочется взглянуть назад, посмотреть внимательно на все этапы технического перевооружения шахты, движения к вершинам производительности труда... Не верится. Неужто все это было только двенадцать месяцев назад, на заре практического решения труднейшего вопроса механизации подземных работ — отбойки и навалки угля в забое!

А между тем, это так. Многое уже позабыто. Но то, что свежо в памяти, о чем повествуют цифры производственных сводок, радует, возвышает, славит шахтера, идущего вперед...

Сентябрь 1948 года.

Среднесуточная производительность одного рабочего, занятого в машинной лаве, в лаве, где работала врубо-

вая машина, составила 3,98 тонны. Среднесуточная производительность одного рабочего комбайновой лавы достигла 5,20 тонны. В тринадцатой западной лаве до комбайна работало 60 человек. Тогда лава выдавала в сутки 170—180 тонн угля. В тринадцатой западной комбайновой лаве оставалось 30 человек, и выдавала она за сутки до 250 тонн угля. Кривая добычи угля и производительности труда поднялась круто вверх.

Новая техника облегчила и в то же время сделала плодотворнее человеческий труд. Широкие возможности к увеличению добычи открылись перед шахтерами. В совершенной машине, одновременно производящей зарубку пласта, отбойку и погрузку угля на конвейер, они видели большую силу. На шестнадцатый день работы ей стало тесно в короткой лаве, и механизаторы потребовали широкого фронта работ для комбайна.

Горный комбайн перешел в тринадцатую восточную 149-метровую лаву.

Декабрь 1948 года.

Среднесуточная производительность комбайна, по сравнению с первым месяцем работы, увеличилась на 120 тонн, а производительность труда рабочих поднялась на 24,4 проц. В отдельные дни комбайн выполнял работу, которая была под силу двум врубовым машинам.

Была ли это та предельная высота, к которой стремились шахтеры?

Был ли это тот наивысший уровень освоения, о котором мечтали в дни творческих удач командиры?

Нет. Искания и волевой напор шахтеров не знали пределов. После произведенной экспериментальной работы шахтеры окончательно убедились в своих предположениях: мотор подводил, он не мог угнаться за механической частью, способной быстрей врезываться в угольный пласт, быстрей дробить его, быстрей наваливать уголек на транспортер и быстрей доставлять его в вагонетки. Можно, конечно, было повременить, можно было ограничиться «сигналами» и ждать «вмешательства сверху»... Так и советовали отдельные люди.

Но горняки поступили по-иному. Десятки шахтерских сердец потянулись навстречу комбайну. Шахтеры находили пути к увеличению производственных возможностей комбайна.

Андрей Ходаковский — первый водитель горного комбайна вместе с напарником Петром Матвиенко раньше других внесли свои рационализаторские предложения.

Водители заметили, что, когда бар врезается в угольный пласт — мотор комбайна не выдерживает большой нагрузки. Наступают частые перебои. И тогда у них возникла мысль: а что, если уменьшить нагрузку на бар? Новаторы предложили, во-первых, поставить реже зубки на режущей цепи бара, во-вторых, в нижней части бара, через один, поставить зубки с победитовой наплавкой, а в верхней части — со сталинитовой. Тут же работу, что и прежде, режущая цепь разряженного бара выполняла в более короткое время. Освободившаяся нагрузка при рубке и дроблении пласта передалась на ходовую часть комбайна, и он был уже в силе пойти не на первой и второй, а на третьей и четвертой скоростях. Так подвигание комбайна возросло на 20—30 процентов.

Прилив свежих сил вдохновил механизаторов. Смелей и энергичней стали они преодолевать и другие «узкие» места.

Ползунок, установленный по предложению Петра Матвиенко и Андрея Ходаковского на головке направляющей части бара, предотвратил зарывание бара в почву, загрязнение угля породой и избавил мотор от излишней дополнительной нагрузки. Извилистое движение комбайна вдоль груди забоя препятствовало высокопроизводительной работе. Часто рвался натяжной канат. Подолгу простаивала машина. Новаторы предложили поставить в выработанном пространстве лавы откосную стойку и при помощи второго каната успешно выравнивали ход комбайна. Рабочее время машины намного возросло. Обнаружились неиспользованные резервы, дополнительные источники повышения производительности.

График производственной эксплоатации комбайна предусматривает использование всех резервов. Уплотненная работа на новой машине подтягивает все звенья комплексной механизации, вносит высокую техническую культуру в шахтерское ремесло. График неустанно толкает вперед к поискам новых и новых путей повышения производительности.

Люди новых шахтерских профессий — водители комбайнов и стругов, электровозов и породопогрузочных

машин, машинисты лебедок и под'емов—ведут борьбу за время, за минуты, за доли минуты, за секунды. Они выигрывают это время на всех этапах технологического процесса.

Чего только не делал водитель комбайна Николай Недвига для того, чтобы грузчик не упирался в массив! Но все ухищрения сначала не давали благоприятных результатов. Комбайн часто останавливался. И тогда родилась новая идея: а что, если поставить третий диск?

Шахтер поделился своим мнением с инженером, руководителем предприятия, с творцами новой машины. Специалисты подхватили ценное предложение, развили мысль стахановца, дали ей правильное направление и тотчас реализовали. Результаты превзошли все ожидания. Простои сократились. Ровно, ритмично пошел комбайн вдоль мощной груди забоя.

Механик шахты Владимир Солоница заменил плоские пружинки на храповом колесе спиральными. Эта, казалось бы незначительная, рационализация сослужила большую службу. Во-первых, удлинился срок эксплоатации пружинки, и, во-вторых, сократились часы планово-предупредительных простоев комбайна. Без посторонней помощи, без лишних материальных затрат механизаторы достигли увеличения «чистого» эксплоатационного времени, которое было использовано для полезной работы машины.

Ищут и открывают новое не только водители, но и обслуживающий персонал. Совместно с механиком шахты слесарь Николай Толстоногов сконструировал оригинальный подшипник, предохраняющий ступни вертикального вала от быстрого износа и поломок. Свою лепту в лучшую, более разумную эксплоатацию механизмов внесли Иосиф Шалыгин — водитель комбайна и Михаил Бобрышев — машинист породопогрузочной машины.

Новая техника и высокая сознательность советских людей вызвали к жизни мощный поток творческих исканий. Каждый второй механизатор, а их насчитывается на шахте более 120 человек, внес рационализаторское предложение, которое вместе с графиком уплотненной работы и с коллективным стахановским трудом привели к тому успеху, о котором с гордостью могут сказать

сегодня горняки шахты № 3-бис: «Мы перевыполняем план без навалоотбойщиков!»

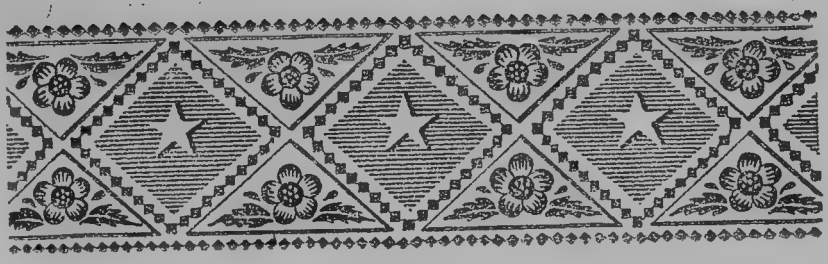
Прошел год.

На шахте № 3-бис работают пять горных комбайнов «Донбасс» и один угольный струг. В июле водители комбайна Петр Матвиенко, Александр Мелованов, Андрей Ходаковский и Василий Кучеров подрубили 11.628 тонн угля. Средняя производительность одного рабочего на выход составила 8,5 тонны — в 2,5 раза больше, чем было в машинной лаве. В августе люди, овладевшие новой техникой, достигли еще лучших результатов стахановской работы. За месяц водители горного комбайна добыли лишь в одной лаве 12.000 тонн антрацита. Производительность рабочего по забою составила 8,6 тонны. Такой производительности труда никогда здесь не достигали. Но они сегодня уже не являются пределом. Передовые механизаторы взяли обязательство довести месячную производительность комбайна до 15 тысяч тонн.

15.000 тонн на комбайн! Эта высокая цель претворяется в жизнь. Пройдет еще немного времени, и Отчизна услышит о новом трудовом подвиге механизаторов шахты № 3-бис. Залог тому упорные поиски нового, лучшее использование богатой техники, которой страна щедро, одарила шахтеров.

План комплексной механизации — в действии. Уже в этом году комплексная механизация даст возможность шахте № 3-бис сэкономить только лишь по фонду заработной платы 2.160 тысяч рублей, увеличить производительность труда рабочих по забою вдвое и вдвое ускорить темпы прохождения штреков.

Из лав шахты, работающей без навалоотбойщиков, оснащенной совершеннейшими, высокопроизводительными отечественными машинами, виден завтрашний день угольной промышленности Донбасса, большой день коммунизма.



И. ЕВСИКОВ

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

I

Каждый год, как ложился снег, отец уходил из дому. Одевался потеплей, наказывал, чтобы смотрели по хозяйству, и отправлялся в путь-дорогу. Он возвращался ранней весной — хмурый, неразговорчивый.

— Трудный год... — вздыхала мать, — может, уродит земля, поправимся...

Шли годы, как тучи над Карпатами, — серые, тяжелые — и все они были трудными для Степана Галаса. И каждый раз, как ложился снег, он уходил из дому. Рубил лес на Свалявщине, жил в наймах, работал на кирпичном заводе в Свелюже. Не жалел сил и на своем клочке земли. И все же еле-еле сводил концы с концами. И в своем хозяйстве Степан Галас жил, как в наймах: наступала осень — он бросал все и уходил на чужую сторону. Он надеялся на счастливый год, на хороший заработок. Но не сбывались его надежды.

Скупо платила земля за его труды, в наймах платили жалкие гроши... Поднялся на ноги старший в семье, Иван, мать собрала и его в путь-дорогу. Пошел и он искать свою долю. Батрачил на богатых хуторах, гонял вагонетки на кирпичном заводе в Свелюже.

У всех его сверстников так начиналась биография.

Они шли отцовскими дорогами. Но не успели они измерить всю их тяжесть.

На их долю выпала счастливая жизнь.

...Шли на запад танки с красными звездами на башнях, летели самолеты... Братья из великого Советского Союза протянули руку людям в Закарпатье и сказали: «Вот эти горы, реки, леса — все теперь ваше. И не надо уже Степану Галасу ходить внаймы. Живите хозяевами на своей земле!..» То был счастливый год, неповторимый... Поют сегодня о нем лесорубы и плотогоны, хлеборобы и строители. Сбылась их заветная мечта. Закарпатцы вошли в родную братскую семью.

Горы будто раздвинулись, и перед каждым открылись широкие дороги в свет. Выбирай любую, и что ни загадаешь — все исполнится. Хочешь варить сталь, водить умные машины, рубать уголь—отправляйся в Донбасс и через год—два станешь знаменитым мастером, хочешь — учись на инженера или на врача. И, куда бы ни пошел, какую бы ни выбрал дорогу, везде тебя встретят, как родного, поведут к мартенам или в забой, распахнут двери аудиторий, раскроют тонкости любого дела.

К закарпатским лесорубам приезжали в гости шахтеры, рассказывали, как они живут и работают. Иван Галас решил поехать в Донбасс.

— Добре, — сказал отец, — хорошие люди живут в Донбассе. Присматривайся к делу, что не понимаешь — спроси, не стесняйся... Твой батько всю свою жизнь бился, а так и не выбился в люди. А у тебя совсем другая будет доля...

II

Они окончили горнпромуч. Мастер привел их в нарядную. Завтра они пойдут на смену сами, без него, и мастер знакомил их с шахтой. Закарпатцы держались пугливой стайкой. Их оглушил деловитый гул нарядной. Мимо сновали люди в спецовках. У газетной витрины о чем-то важном и неотложном спорили забойщики.

— Не так... — сказал высокий, плечистый забойщик. — Какой у него уступ? Какой дают ему лес? Подготовь как следует лаву, и я дам такой же рекорд.

— Пускай даже рекорд, — горячился его собеседник Иван Филиппов. — Что такое рекорд? Это разведка боем перед большим наступлением. Давай-ка с'ездим к ним в гости, посмотрим, как они организуют труд.

— То, хлопцы, наши самые знаменитые забойщики, — сказал мастер. — Что ростом повыше, то Иван Филиппов. А тот, что поплотней и в плечах пошире, Назар Хоха. Вы еще детишками были, а Филиппов гремел на весь Донбасс. Да и Назар Емельянович не ронял нашу марку. Замполит вам рассказывал, кто такие Стаханов и стахановцы? Поставил Стаханов свой первый рекорд, а на второй же день после него пошел наш Филиппов к парторгу, посоветовался и стал рубать уголек стахановским методом. Чуткая до нового у него душа... И характер, скажу вам, настойчивый... Если Филиппов сказал — считай, что уже сделал; услышит, что на соседней шахте или в каком другом тресте забойщики что-то новое придумали, он не постесняется поехать к ним и поучиться. Зато, сколько я здесь ни живу, его фамилия не сходит с доски почета. За ним идут все наши мастера угля. А Хоха и Филиппов издавна ладят дружбу. И всегда спорят — на собрании, в нарядной... А дружба оттого еще крепче становится. «Не ищи, — говорит пословица, — дружка потатчика, а ищи супротивника». Умные люди спорят всегда по делу. Видите — поднялись они на-гора, и тут новость... Есть у нас город Енакиево. Километров двадцать от нашей шахты. Енакиевские забойщики пошли бригадой и нарубали за смену эшелон угля. Легко сказать — эшелон, — мастер покачал головой. — Каждому интересно знать, как они рубали, что у них за бригада. Если Валигура может, то почему Филиппов и Хоха не могут?..

— Пополнение? — Филиппов подошел к ним, поглядел на ребят. — Забойщики?

— Есть и забойщики, — улыбнулся мастер. — С хозяйством знакомлю хлопцев, можно сказать — передаю им наследство. А что слыхать у вас, Иван Филиппович?

— Ничего особого... Все новости сегодня в Горловке да в Енакиево. А у нас какое-то затишье. Нечем нам пока похвалиться...

— А как там Вася Витюк? — спросил мастер. — Смотри, Иван Филиппович, то растет дельный забойщик.

— Старается, — сказал Филиппов. — Вася, считай, уже кадровый забойщик. Толковал я с Назаром Емельяновичем насчет енакиевских дел. Решили поехать к Валигуре. И уже прикидывали, кого взять в бригаду. Назар Емельянович советует подбирать кадровых забойщиков. А мне хочется взять и Витюка. Увидит хлопец настоящее дело, поймет все его тонкости и сам организует бригаду. У молодых вся жизнь впереди, — улыбнулся Филиппов. — Нам положено заботиться о молодых. В забоях не только берут уголь, в забоях решается человеческая судьба. У одних — большая, у других — маленькая. А я хочу, чтобы у каждого была большая судьба.

Мастер рассказал ребятам, куда пойдет каждый, и пожелал удачи. Ивана Галаса и Василия Попова послали разрабатывать пласт «Мазур», Николая Рожко и Анатолия Довганича — на «Чигарку». О них заботились. И не потому, что приехали они из далекого Закарпатья, никогда не видели шахту и не знали, как добывают уголь. Они лишь начинали жизнь, выходили на дорогу, и все хотели, чтобы у каждого из них были большими и жизнь и дорога. Галаса учил почетный шахтер Николай Козырев, Попова — старый крепильщик Яков Бутенко, Рожко и Довганича — Петр Найденов. Старые горняки, самые уважаемые люди на шахте, показывали закарпатцам все, что знали и умели, не таили никаких секретов...

Как ранней весной оживают поля и зацветают под щедрым солнцем, так просыпались сердца застенчивых, неразговорчивых закарпатцев. Человеку, первый раз в жизни уехавшему за тысячи верст от родного дома, даже если ему исполнилось уже и восемнадцать лет, всегда не по себе на новых местах... Закарпатцы вначале редко ходили в клуб, некоторые сторонились бойких ровесников, выросших на шахте, и у них не было пока ни друзей, ни товарищей. Были и такие, что знали лишь одну дорогу — от общежития к шахте. Но проходил месяц — другой, работа понемногу налаживалась, и наступал день, когда они стали давать сменную норму. И не ученическую, а норму кадрового шахтера. И становились ими.

— Вот и вы выходите в люди, — поздравляют их учителя. И новички смелее держатся, куда девается прежняя тревога...

Их пугала шахта. Они думали — под землей темно, сыро и на каждом шагу—гляди в оба и слушай в оба... Но когда увидели залитый ослепительным светом рудничный двор, одетые в железо и бетон продольные и коренные штреки, они лишь удивились.

— Был кто-нибудь в Москве? — спросил Козырев. — Видели метро?

Они не были в Москве и не видели метро. А продольная, куда пришли, понравилась — высокая, просторная. Мимо прогромыхал электровоз, тащивший состав с углем. Козырев посмотрел ему вслед, поднял лампочку к сводам.

— Сталь варим и прокат катаем в Донбассе, а лесок получаем архангельский, карельский и закарпатский...

— Добрячий у нас лес, — сказал Галас...

И сюда, оказывается, пришел их лес, и не такой уж страшной показалась им шахта, и ветерок будто потянул с карпатских отрогов, но не почувствовали закарпатцы от того ни тоски, ни тревоги. Они ходили под землей и уже не оглядывались, ожидая, что вот-вот затрещит и рухнет земля над ними... И даже в обыденном, непонятном сразу для всех новичков слове «на-гора» им слышится что-то близкое, родное.

— Пришел я в первый раз в забой, — рассказывал Козырев, — глянул — и закружилась голова. Потрогал стойки, а они тоненькие... Как же, думаю, они держат весь белый свет? По земле ходят люди, дома стоят, бегут паровозы... Какую, думаю, держат они тяжесть!.. А тут все научно поставлено, с толком. Многое надо знать шахтеру. А если знаешь — и пугаться нечего.

Козырев учил Галаса крепить выработки.

А спустя немного вызвал Галаса начальник участка.

— Пойдешь на машину? Сначала будешь помощником у машиниста электровоза, освоишься — пошлем на курсы.

Ему нравилась машина. Летит электровоз по штреку, постукивают колеса на рельсовых стыках, шумит ветер

в ушах... У них горячая работа. Забойщикам, проходчикам — всем нужен порожняк. Они уважали хороших машинистов. На доске почета рядом с фамилией лучшего забойщика Ивана Филиппова стояла фамилия машиниста электровоза Клавы Петровой. На шахте о ней говорили с уважением, как говорили и о замечательных делах Ивана Филиппова, Назара Хохи.

Галас работал помощником у Петровой, присматривался, как она водит электровоз. Его удивляла точность, аккуратность машиниста и какая-то нетерпеливая неудовлетворенность своей работой. Беспокойный у нее характер... Петрова знала свою машину до последнего винтика, ее избрали в комитет комсомола, у нее была добрая слава. Что же еще требуется человеку? Петрова просиживает вечерами над книгами, ходит в школу, в нынешнем году закончит семилетку.

— А дальше куда? — спросил Галас. — Уйдешь с шахты?

— А дальше?... — сказала она с удивлением. —Пойду дальше — в горный техникум, а может буду кончать десятилетку. Через два—три года в шахту не разрешат без среднего образования.

Училась не только Петрова. В прошлом году в вечернюю школу ходило 90 молодых горняков, а в нынешнем — 150. И все они — сверстники Галаса, Попова, Рожко и Довганича. Учатся и старые шахтеры. На шахте открыт учебный комбинат, где забойщики, проходчики и машинисты повышают свою квалификацию, ездят к соседям за опытом. Филиппов и Хоха были у знаменитого енакиевского забойщика Валигуры, учились новому методу и, вернувшись, пошли рубать уголь бригадой. Назар Хоха ездил в Москву и докладывал на Коллегии министерства о новой организации труда. Рядом с ними и робкие закарпатцы держались смелей, и все, чем жили эти люди, становилось родней, ближе...

На участке, где работал Василий Попов, пустили новую врубовку в лаве. Шахтеры смотрели, как режет она пласт, и улыбались... Уголь катился густым потоком, низвергался с шумом в магазины. Так падают у них в Закарпатье реки. Попов, не отрывая глаз, следил за руками машиниста. И машиниста, видать, волновал глу-

хой шум низвергающегося угольного потока, звенящий гул работающего на всю свою силу мотора.

— Углепад!... — улыбнулся, поблескивая глазами, машинист. — Настоящий углепад!..

А на штреке тоже работает удивительная машина. Громадным ковшом она черпает взорванную породу, бросает через себя в вагонетку. Девушка управляет машиной. И, что кривить душой, Попов позавидовал ей немного... И он хотел бы управлять такой машиной. Раньше породу грузили лопатами. А сейчас не увидишь лопаты в забое, как не увидишь уже и обушка.

Закарпатцы жили на шахте, и каждый день их новой жизни имел свой неповторимый смысл. Для них то были дни открытия мира. Они хотели рубать уголь, как рубают Филиппов, Хоха и Витюк, водить машины, ставить пары на штреках так же ладно и хорошо, как ставят их Николай Козырев или Яков Бутенко, и чтобы о них с уважением говорили на шахте. Они понимали, что сразу не станешь мастером. Филиппов и Хоха, Бутенко и Козырев работали на шахте десятки лет.

— А Витюк? — удивлялся Галас. — Он лишь в прошлом году окончил горпромуч.

— Витюк тоже не родился шахтером, — сказал Довганич. — Витюка учил Филиппов.

Их удивляла судьба Витюка. Год тому назад он окончил горпромуч и пошел в забой. В первый же день Витюк, не державший до того отбойного молотка в руках, выполнил две сменных нормы. Его приметили старые забойщики. Филиппов посмотрел, как работает новичок, поговорил с ним и помог крепить забой.

«Хорошим будет мастером, — подумал Филипов. — Но уголь берет пока силой, азартом...» Филиппов показал ему, как забивать стойку одним ударом топора, как использовать отжим угля. Он показывал все лучшее, что нашли Изотов и Стаханов, Тюренков и Валигура, Пастухов и другие знаменитые забойщики. Крутая дорога ведет к вершинам мастерства, и он хотел, чтобы Вася Витюк не петлял, не терял зря и сил, и времени.

Филиппов и Хоха взяли Витюка в свою бригаду. Два месяца он постигал у них тонкости нового метода. Ви-

тюк вернулся на свой участок и организовал бригаду. С ним пошли Иван Шацкий, Григорий Мусиенко, Николай Кузьменко, Михаил Сагура, Николай Лисогор, Михаил Шутяк — все они мастера угля. Их учили кадровые горняки. Бригада Витюка вызвала на соревнование бригаду Филиппова

Быстро растут люди на шахте. Приходил из горпромуча и через год—полтора становился мастером, сам уже учил новичков. Закарпатцы приглядывались к ним, удивлялись их смелости, настойчивости... По годам, взять хотя бы того же Витюка или Шацкого, Сагуру или Кузьменко, — они ровесники. И все же — то совсем другие люди...

— Витюк... — сказал Довганич. — Он смелый...

Много хорошего узнали закарпатцы за этот год. И одного не могли пока понимать — откуда берется смелость у Витюка или Шацкого, почему все здесь — и старые горняки и молодые — постоянно стремятся вперед, и в душе у каждого живет нетерпеливая неудовлетворенность. Хорошо они работали, а хотели работать еще лучше...

Витюк часто приходил в общежитие к закарпатцам. Комитет комсомола послал его сюда агитатором. Витюк рассказывал им новости, приносил интересные книжки, и они устраивали громкие читки. И как-то закарпатцы спросили Витюка, о чем не раз толковали между собой и не находили ответа на свои вопросы.

— Не понимаю, о чем разговор, — смутился Витюк. — Разве я один такой? Разве вы, хлопцы, не читаете ни газет, ни книжек? Если хотите знать — такими вырастила нас советская власть!

Правильные слова сказал им Витюк. Он не жил в наймах, не ходил и на заработки... А вот Рожко и Довганич не умеют ни читать, ни писать.

— Ни одной буквы не знают? — удивился Витюк. — Как же вы жили?

А когда им было учиться? Попов и Галас тоже не сильны в грамоте. Умеют лишь расписаться — и ладно...

— Так и жили... — махнул рукой Галас. — Не жили, а бились всю жизнь...

— Учиться надо, — сказал Витюк. — На шахте все учатся, а на тот вопрос, что вы задавали, я отвечу в другой раз. О том очень хорошо сказал товарищ Сталин.

Витюк исполнил свое обещание. Он пришел на второй день и принес книгу «Вопросы ленинизма».

— При капитализме, — сказал товарищ Сталин, — труд имеет частный, личный характер.... Никто тебя не знает и знать не хочет... Другое дело — в условиях советского строя. Здесь трудовой человек не может чувствовать себя заброшенным и одиноким. Наоборот, трудовой человек чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать, — он герой труда, он овеян славой.

Притих Василий Попов, притихли Николай Рожко и Анатолий Довганич, притих Иван Галас. Они думали о жизни своих отцов, о своей жизни... Большой человек в Кремле, на которого возлагали все свои чаяния и надежды закарпатцы, сказал о них мудрые слова. Разве не бился всю свою жизнь Степан Галас? Обрабатывал свой клочок земли, валил лес, гнул спину на богатых хуторян... Он жил лишь одной заботой — заработать, чтобы не голодала его семья. И никому не было до него дела. Никто не спрашивал, счастливый ли был для него этот год, хорошо ли он заработал в наймах. И он сам не спрашивал о том у своего соседа. И никто не знал Степана Галаса. И не хотел знать... — Иван Галас взял раскрытую книгу у Витюка и еще раз подивился мудрости человека, вложившего смысл всей их жизни в короткие строки. За этот год, что прожили закарпатцы на шахте, они научились понимать жизнь. За что такой почет и уважение от народа Ивану Филиппову, Назару Хохе, Василию Витюку? За то, что они трудятся, не жалеют сил для народа, для своего государства. Старики рассказывали, как приходили они когда-то на шахту, как жили и пробивали себе дорогу. А теперь закарпатцев встретили здесь, как родных. Показывали, учили, заботились о них на каждом шагу. И никогда они не чувствовали себя одинокими, лишними в этой большой дружной семье. И он, Иван Галас, понимает теперь, откуда берется смелость у Василия Витюка, Ивана Шац-

кого, Клавы Петровой и у всех его ровесников. У них, закарпатцев, все еще впереди — и смелость творческих дерзаний, и добрая слава. Они лишь выходят на большую дорогу жизни.

III

Гудок разливается по улицам. Холодные звезды дрожат над поселком, шумят у крыльца черноклены — и вся земля, будто гудок, течет по коренным и продольным, качается под ногами.

Горит-разгорается край неба над Горловкой. По балочкам и перелескам еще клубится предрассветный туман. А солнце идет своей дорогой. Нежный свет ложится на окутанную дымом шапку террикона. На заре он кажется высокой-высокой горой, которая упирается головой в небо. И не дым тлеющего колчедана и угля, — как об'яснял мастер в школе, — а хлопья туч ползут по изрытым дождями склонам в низины...

— Как у нас в Карпатах, — говорит Галас. — Правда?...

Наступает день шумный, горячий. Он выходит на смену, деловито стучится в калитки, распахивает настежь ворота проходных, зовет... Предрассветная тишина рассыпается гулкой дробью клепальных молотков, шумом на шахте. И еще раз течет-разливается гудок по улицам, и со всех сторон ему подпевают на разные голоса с соседних шахт. Каждый поет на свой лад, и ребята узнают свой гудок по его звуку...

Загомонили, ожили улицы. Спешат на работу забойщики, машинисты, проходчики. Слегка покачиваясь, как ходят лишь моряки да верхолазы, идут Иван Филиппов и Назар Хоха. А вон шагает и Вася Витюк с товарищами. Идут Николай Козырев и Яков Бутенко, идет Клава Петрова...

Солнце встает над поселком, заливает теплом и светом сады, улицы, дороги.

— Пошли, хлопцы... — говорит Галас. — И нам пора...

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

М. Игнатов. — Сталинские пятилетки преобразили Донбасс 3
С. Задонский. — Возрождение Донбасса 13
М. Лужнев, В. Половинко. — Радость труда 28
Б. Радевич. — Свет коммунизма 41
П. Байдебура. — Лист на Карпати 46
В. Светлов. — Две жизни 55
А. Ярмаль. — Путь к мастерству 67
П. Чебалін. — В сім'ї вільній, новій 77
И. Зенин. — Осуществленная мечта 92
П. Евтеев. — Счастливая юность 101
И. Федоров. — Большевики 108
Ю. Черный-Диденко. — Великая сила народа 113
Б. Щаранский. — Сыновья великой Родины 125
Ф. Кожухов. — Клімат Донецький 134
П. Федоренко. — Воля к победе 140
И. Евсиков. — Второе рождение 145

Редактор Ф. Байдаченко.
Художник Р. Ефименко.

ВП 19316. Заказ № 4303. Подписано к печати 21.XII—49 г. Формат бумаги 84x108, объем $9^3/_4$ печ. листа. Учетн.-изд. 8,5 п. л.. Тираж 10000. Цена 4 руб. 50 коп.

Областная типография Областного управления по делам полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли, г. Сталино, Складская, 2.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит читателей дать отзывы о содержании книги, ее оформлении, указав свой адрес и профессию.

Библиотечных работников издательство просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

Материалы направлять по адресу: гор. Сталино, ул. Артема, № 113.

Сталинское областное книжно-газетное издательство.

Цена 4 р. 50 к.